

Военные
Приключения

ОТВЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ



ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

**Военные
Приключения**

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

ОТВЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

**Москва
«ВЕЧЕ»
2008**

ББК 84(2)
А76

Составитель серии В.И. Пищенко

А76 Ардаматский В.И.
Ответная операция : Романы / Василий Ардаматский. — М.: Вече, 2008. — 352 с. (Военные приключения).

ISBN 978-5-9533-2892-0

Произведения, включенные в эту книгу, давно вошли в золотой фонд отечественной военно-приключенческой литературы. Героям «Ответной операции» — разведчикам и работникам ОГПУ — приходится немало потрудиться, чтобы очистить возрождающийся Берлин от остатков нацистской агентуры. А в «Опасном маршруте» рассказывается о жестком противостоянии сотрудников госбезопасности коварным проискам агентов западных спецслужб, пытающихся помешать мирной жизни страны, разгромившей фашизм.

ББК84(2)

ISBN 978-5-9533-2892-0 © Ардаматский В.И., 2008
© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

ОТВЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Часть первая

1

С высоты сегодняшнего времени полезно оглядываться назад, в прошлое: это помогает лучше видеть и понимать результаты борьбы миролюбивых сил планеты против сторонников войны, как «горячей», так и «холодной».

Наша память — тоже оружие в этой борьбе...

Война — позади.

Берлин пережил три тяжелых послевоенных зимы и готовится к четвертой. Но выглядит он почти так же, как в мае сорок пятого года — сильно разбит и весь обуглен. Обрушившееся на него пламя гнева народов было яростным и беспощадным...

Кроме того, Берлин живет такой жизнью, какой не было ни у одного города нашей планеты за всю историю человечества. Он рассечен на четыре части, и в каждой — своя военно-оккупационная власть и свои порядки. Хотя считалось, что жизнь города объединяет Межсоюзническая комендатура из военных представителей СССР, Америки, Англии и Франции, на самом деле уже давно комендатура превратилась в место бесконечных и безрезультатных споров меж-

ду представителями советского командования и представителями Запада. И уже давно стало понятно, что Америка, Англия и Франция ведут последовательную политику срыва всех попыток Советского Союза наладить объединенную жизнь Берлина. В этом смысле здесь в точности повторялось то же, что происходило в Контрольном Совете, призванном управлять жизнью всей Германии и где представители Запада, все меньше стараясь это скрыть, добивались окончательного раскола Германии на две части.

Разъединение страны уже проявлялось и в самой жизни немцев. В советской оккупационной зоне делалось все для того, чтобы немецкий народ прочно вступил на путь мирной демократической жизни. В то же время три западные оккупирующие державы делали все, чтобы превратить Западную Германию в свою военно-политическую базу для авантюр против миролюбивой политики Советского Союза и против демократической жизни Восточной Германии.

Осень сорок восьмого года, когда начинаются события нашего рассказа, была особенно напряженной. Западные державы уже перестали хоть как-нибудь маскировать свои цели. «Маски сорваны! — писала в это время одна западногерманская газета. — Запад открыто вступил в политическую войну с Востоком...»

Но вот беда: немцы, живущие в Западной Германии, не могли не видеть радостных демократических перемен в жизни их соотечественников на востоке страны. Это очень тревожило тех, кто хозяйничал на западе Германии. Поэтому в их так называемой «политической войне» особое место заняла всяческая диверсионная деятельность против восточной зоны и советских оккупационных войск.

2

Гром среди ясного неба вызвал бы меньшее удивление, чем это событие. Лейтенант Кованьков, Алеша Кованьков, бежал из Восточного Берлина в Западный и попросил там

политического убежища. Это было невероятно. В это невозможно было поверить. Ясно было одно — с лейтенантом что-то случилось.

Но вот уже час, как в штабе расположенной в Восточном Берлине советской воинской части шли занятия, а стол Кованькова стоял пустой. В полдень офицеры штаба, сгрудившись у приемника, слушали повторное сообщение западноберлинской радиостанции о побеге советского офицера Алексея Кованькова. Оттого что диктор говорил на плохом русском языке, еще труднее было поверить в то, что он общался.

Передача окончилась. Заиграл джаз. Все смотрели на пустой стол Кованькова.

— Не верю. Не верю, и все, — тихо произнес капитан Радчук. Он был не только непосредственным начальником, но и другом Кованькова. Жили в одной квартире.

— Он ночевал дома? — спросил майор Звягинцев.

— Часов до девяти мы играли с ним в шахматы... — Капитан Радчук сморщил лоб, припоминая, как все было. — Потом он сказал, что хочет снести прачке белье... Возился в передней с чемоданом. Кто-то позвонил ему по телефону... Вскоре я услышал, как хлопнула дверь.

— Он ушел с чемоданом? — быстро спросил Звягинцев.

— Не знаю. Я в это время уже лежал в постели. Болела голова, я принял пирамидон и вскоре уснул.

— А утром? Вы же всегда на работу ходили вместе.

— Обычно мне приходилось его будить. А тут он еще вечером предупредил меня, что встанет завтра очень рано. Сказал, что ему надо сходить за посылкой в гостиницу, где остановился приехавший из Москвы земляк.

Майор Звягинцев пожал плечами:

— Странно... очень странно.

— Не верю, не верю, и все, — упрямо повторял Радчук. — Кованьков убежал, попросил убежища! Чушь!

— И все же факт остается фактом: его нет. — Лейтенант Уханов кивнул на пустой стол Кованькова. — Ведь всего

год, как он у нас в штабе. Разве мы его так уж хорошо знали? Как говорит майор Звягинцев, анкета — это еще не примета.

— Да бросьте вы, ей-богу! — возмутился Радчук. — «Анкета, анкета»... Вы же знаете, что он просто хороший парень, всей душой — советский. У него невеста в Москве.

— Вековать этой невесте в девках, — нехорошо усмехнулся Уханов.

Не до работы было в этот день. Все в штабе только делали вид, что работают. В два часа дня майор Звягинцев вызвал к себе всех офицеров отдела, в котором работал Кованьков. Кроме майора в кабинете были две стенографистки и незнакомый человек — коренастый, белобрысый, в хорошо сшитом штатском костюме.

— Поговорим, товарищи, о Кованькове. Скажем все, что мы о нем знаем и думаем. — Майор кивнул на стенографисток. — Под стенограмму. Так надо... Кто первый? Может, вы, Радчук, как его друг, так сказать?

— Почему «так сказать»? — Радчук встал. — Я действительно друг Кованькова, и мне нечего прибавить к тому, что вы уже слышали.

— А вот повторите под стенограмму...

Радчук задумался. Стенографистки, держа наготове ручки, бесстрастно смотрели в свои тетради. Незнакомый штатский, сидевший в стороне на диване, сказал:

— Дайте, капитан, общую характеристику Кованькову.

— Лейтенант Алексей Гаврилович Кованьков, — заговорил Радчук скучным, рапортующим тоном, — двадцать пятого года рождения, комсомолец, верней — уже кандидат партии, является, на мой взгляд, политически развитым и хорошо подготовленным к службе офицером. Лейтенант Кованьков...

— Не то, не то! — Человек в штатском поморщился. — Вы, если можно, по-человечески.

Радчук уловил в его просьбе дружеское участие к судьбе лейтенанта и заговорил совсем по-другому. Из его слов

вырастал знакомый всем облик Алеши Кованькова, которого в штабе успели полюбить и за его добросовестную работу, и за веселый нрав, и за то, что он всем был хорошим товарищем. Родился он в Москве, в семье учителя. Окончив десятилетку, пошел в военное училище. Затем получил назначение в оккупационные войска. Хорошо владел немецким языком, и потому сразу был взят в штаб, ведающий связями с временными демократическими органами управления одного из районов Восточного Берлина...

Радчук кончил говорить и попросил разрешения сесть.

— Одну минуточку, товарищ капитан, — снова обратился к нему человек в штатском. — Вы сказали, что Кованьков не так давно подружился с немецкой девушкой. Вы ее знаете?

— Знаю, — немного смутясь, ответил Радчук. — Ее зовут Рената.

— В каких отношениях был с ней Кованьков?

— В очень хороших, — быстро ответил Радчук.

Человек в штатском усмехнулся:

— Это не ответ.

— Повторяю — в очень хороших, и это самый точный ответ на ваш вопрос. — Радчука обидела усмешка этого незнакомого парня.

— Не был ли Кованьков влюблен в эту Ренату?

Радчук подумал и ответил:

— По-моему, к этому шло.

— Но вы только что говорили, что у Кованькова в Москве невеста?

— Совершенно верно, но... — Капитан на секунду замялся. Разозлившись на свое замешательство, он энергично продолжал: — Это, товарищи, очень сложное дело. Согласитесь, что третий человек не может быть достаточно хорошо об этом осведомлен. Кованьков однажды поделился со мной... Я не знаю, имею ли я право...

— Имеете, — твердо произнес штатский. — Больше того, обязаны!

— Говорите, говорите, — попросил майор Звягинцев.

— Когда Кованькова назначили сюда, невеста потребовала, чтобы он подал рапорт об отмене приказа по семейным обстоятельствам, и предложила тут же оформить брак. А Кованьков решил иначе. Он подумал: не дело, чтобы семейная жизнь офицера начиналась с отмены воинского приказа. Он уехал в Берлин. Позже услужливые товарищи написали ему из Москвы, что его невеста там не скучает. Да и сама она тоже написала ему об этом. Я это письмо читал. Кованьков показывал. Очень нехорошее, очень злое письмо... Ну вот... А полгода назад он познакомился с Ренатой. Она работает, кажется, в библиотеке. Меня он с ней познакомил тоже примерно полгода назад. Она показалась мне симпатичной и серьезной девушкой.

Белобрысый парень быстро спросил:

— От других он это свое знакомство скрывал?

— Очевидно. Меня он, например, просил никому об этом не говорить. Вы же знаете, такие дела у нас не поощряются...

— Что еще говорил вам Кованьков об этой немецкой девушке?

— Как-то он сказал: «Вот как бывает — с той, московской девушкой я был знаком три года, а на самом деле ее не знал. А вот Рената — совсем другое дело...»

— У меня вопросов больше нет. — Белобрысый парень вынул блокнот и что-то записал.

Потом говорили другие. Все они отзывались о Кованькове хорошо.

Машинистка отдела Галочка, говоря, так разволновалась, что на глазах у нее выступили слезы:

— Алеша был чудесный, ну, просто чудесный парень... Прямо безобразие думать о нем плохо... Мы... — Она не договорила, выхватила из сумочки платок и прижала его к глазам.

— Если можно, без этого... без сырости, так сказать... — тихо произнес майор Звягинцев.

Офицеры вышли из кабинета. Майор Звягинцев и белокрытый парень остались вдвоем. Несколько минут они молчали.

— Ну что вы скажете, товарищ Рычагов? — спросил наконец майор.

— Дело сложное... — задумчиво произнес парень, вставая с дивана. — Запишите на всякий случай мой телефон. Добавочный 33—07.

— Дал вам что-нибудь этот разговор?

— Конечно. Известно по крайней мере что за человек этот ваш Кованьков.

Парень ушел валкой борцовской походкой.

Вскоре Рычагов уже докладывал о том, что произошло в кабинете майора Звягинцева, своему начальнику — полковнику Семину. Полковник, грузный мужчина с болезненно-отечным лицом, слушал внимательно, изредка утвердительно кивал крупной, до блеска выбритой головой. Когда Рычагов закончил доклад, полковник долго думал, потирая голову ладонью, потом сказал:

— История любопытная, Рычагов. Припомните прежние побеги. Шелыганов — морально разложившийся тип. Бунчук — просто вор, который, очистив полковую кассу, убежал туда, где нет нашей милиции. Крупников долго и искусно скрывавшийся враг советского строя. А сейчас, судя по всему, мы имеем дело с парнем хорошим. Наверняка опять похищение. При развертывании диверсионной деятельности в восточной зоне им очень ценно заполучить нашего, прилично осведомленного офицера...

— Настораживает то, что тут замешана женщина, — сказал Рычагов, — как и в случае Шелыганова...

— Я помню, помню... — Полковник Семин помолчал. — Но почему их радио так быстро оповестило мир об этом лейтенанте? Помните, даже на жулика и разложенца Шелыганова им пришлось потратить неделю, чтобы заставить

его делать то, что им надо. А тут хороший парень, и вдруг так быстро с ним сладили... В общем, или товарищи Кованькова — шляпы и его не знают, или... похищение.

— Но в случаях похищений они, как правило, об этом не сообщали.

— И все же мне кажется, что этот лейтенант не бежал. Так или иначе, надо срочно произвести дальнейшее расследование этой истории и разработать план наших ответных действий. Помните, Кованькова могут увезти в глубь Западной Германии, и тогда все будет значительно труднее. Я надеюсь на вас, Рычагов. Слышите?

— Я постараюсь, товарищ полковник. Разрешите идти?

Остаток дня Павел Рычагов просидел за картотекой, изучая дела, связанные с явными и мнимыми побегами советских военнослужащих в западную зону Германии. Тогда, когда речь шла о явном побеге, все было ясно. Подлец, морально разложившийся человек, тяготился службой в армии, и он умом, а иногда и инстинктивно приходил к мысли, что там, на Западе, ему будет лучше. И первые три-четыре месяца ему действительно там нравилось. Его портреты печатались в газетах, он выступал по радио, его атаковали корреспонденты. Наконец, его обильно кормили и поили. Но затем обычно все кончалось одинаково — его выбрасывали на задворки жизни, как вышвыривают на помойку выжатый лимон. А иногда он и исчезал бесследно...

Рычагов вынул из кармана фотографию лейтенанта Кованькова. На него смотрел веселый паренек с черными густыми бровями, под которыми лукаво блестели немного монгольские светлые глаза. Лейтенант, снимаясь для личного дела, наверно, старался быть серьезным, а все же характера спрятать не смог. В некотором несоответствии с веселыми, лукавыми глазами была нижняя часть лица лейтенанта — грубо и резко высеченная, особенно рот, с двух сторон точно отчеркнутый волевыми складками. «Где-то ты сейчас, парень?» — Рычагов вздохнул и пододвинул к себе

папку с делом о побеге мнимом. Здесь слова «побег» не было. Оно заменялось другим: «Вероятное похищение». Но точно установленным был только сам факт исчезновения человека. Узнать же, что с этим человеком случилось, было очень трудно.

Просматривая папку, Рычагов запомнил, что в нескольких донесениях нашей разведки промелькнула фамилия майора Хауссона. Вообще-то фамилия эта была известна Рычагову. Хауссон был одним из опытных работников американской разведки в Германии.

В Западном Берлине он появился сразу после окончания войны. Наша контрразведка обратила тогда внимание на майора, называвшего себя уполномоченным Красного Креста. Под предлогом розыска находившихся в немецком тылу американских военнослужащих майор рыскал главным образом в районах расположения советских войск.

Когда майору намекнули, что он ищет своих соотечественников не там, где они могут находиться, уполномоченный Красного Креста мгновенно исчез. Но фотографии майора нашли свое место в архиве.

Вскоре было установлено, что майор совсем перестал интересоваться судьбой своих соотечественников и, сидя в Западном Берлине, занимается организацией шпионажа в советских оккупационных войсках. Одной из его постоянных обязанностей стала обработка перебежчиков из восточной зоны.

Рычагов всматривался в фотографию Хауссона. Сухое энергичное лицо с ямами глазниц такими глубокими, что глаз нельзя рассмотреть. Реденькие, тщательно приглаженные волосы. Майор снят за столиком — очевидно, в кафе или в ресторане. Рычагов перевернул фотографию и прочел: «Кафе “Орион”. Напротив майора Хауссона сидит лицо неизвестное». Рычагов улыбнулся: на фотографии вообще никакого «лица» не было, только силуэт ушастой головы, одно покатое плечо — и все.

«Так. Продолжим знакомство, господин майор. Где вы работали до появления в Германии?.. О! Вы, оказывается, облазили чуть не весь мир...»

В десятом часу вечера Рычагов встал из-за стола, потянулся, потер кулаками уставшие глаза и собрался домой.

Он шел по темным, пустынным улицам. Берлин спал. На стенах домов белели плакаты, звавшие немцев строить свое миролюбивое, демократическое государство. Холодный ветер гнал по асфальту сухие листья... Вдруг над западной частью Берлина заметались лучи прожекторов, из черного неба на город обрушился рев самолетов. Рычагов усмехнулся: знакомая картина — заработал «воздушный мост»...

Вот и этот так называемый «воздушный мост» тоже был частью политической войны Запада против Востока. С целью дезорганизации экономики восточной зоны западные оккупирующие державы ввели у себя собственную валюту. В Берлине начали одновременно действовать два вида денег. Это породило страшную путаницу в ценах, выгодную спекулянтам. В Восточный Берлин хлынули банды спекулянтов. А когда советские оккупационные власти, чтобы приостановить эту экономическую диверсию, ввели некоторые ограничения на дорогах, ведущих в западные зоны, немедленно был поднят провокационный вой о красной блокаде Берлина. И якобы для спасения жителей западного сектора от голода американцы организуют доставку туда продовольствия и угля на самолетах. «Воздушный мост» — так они называли эту свою авантюру. Именно авантюру, ибо берлинцы продолжали как ни в чем не бывало кормиться за счет советской зоны. А несколько позже стало известно и другое: «мост» действовал в обе стороны — на этих же самолетах из Германии вывозились ее национальные ценности...

Рычагов несколько минут наблюдал карнавальную свистопляску прожекторов. Она предназначалась для жителей Берлина: смотрите, господа немцы, как мы стараемся ради вас! ...

Рычагов плюнул и пошел дальше. И снова стал думать о майоре Хауссоне. Ведь он сейчас где-то совсем неподалеку. Может быть, он в эту минуту напряженно смотрит в лукавые глаза лейтенанта Кованькова и ждет его ответа на заданный вопрос.

Рычагов непроизвольно зашагал быстрее.

4

Лейтенант Кованьков в это время спал. Да, он спал и даже видел какой-то приятный сон. На губах у него смутно вздрагивала улыбка. Но вот улыбка погасла, густые брови сдвинулись, и на лице застыло недовольное выражение. Веки вздрогнули и открылись, сперва чуть-чуть, потом широко. Кованьков приподнял голову, осмотрелся и медленно опустился на подушку... Главное, не забыть все, что случилось, ничего не забыть, ни малейшей детали...

Итак, в девять часов вечера он собрался снести прачке белье. В последнюю минуту, когда он уже надел шинель, позвонила Рената и предложила побродить часок по городу. Сказала: очень хороший вечер... Вечер, впрочем, был не таким уж хорошим. Улицы продувал пронзительный холодный ветер, он колко хлестал в лицо, хлопал сорванными афишами...

Кованьков отнес чемодан с бельем к прачке и встретился с Ренатой. Они бродили по быстро пустеющим улицам. В их разговоре не было ничего такого, что стоило бы вспомнить в связи с дальнейшими событиями этого вечера. Говорили о книгах, о звездах, о спорте, о кинофильмах. Молчали о том, что заставляло их вдвоем бродить по городу в этот поздний неуютный вечер.

Они пересекли Шлоспарк, а затем по улицам Шарлоттен и Массовер вышли к станции метро. У них не было сговора идти именно сюда, а получилось так, будто им обязательно нужно было ехать куда-то подземкой. Рената показала глазами на синюю неоновую букву «У», горевшую

над входом в метро. Через минуту они уже стояли на гулкой платформе подземной станции. Подошел поезд. Они сели в совершенно пустой вагон и помчались под Берлином. На станции Александерплац вышли из поезда и поднялись на поверхность. Площадь была залита светом. Здесь поздний час еще не чувствовался. Они постояли, наблюдая суетливую жизнь площади.

— Пойдем к реке, — предложила Рената.

— К реке так к реке! — засмеялся Кованьков.

И снова они разговаривали о книгах, звездах и о всяком другом. Всего, о чем говорили, и не вспомнишь. У поворота на Варшавский мост Рената остановилась.

— Вот куда я вас затащила!

— Это же не край света.

— Почти край, — вдруг серьезно сказала Рената и стала смотреть через реку. — На той стороне уже американский сектор. — Она тряхнула головой и спросила: — Знаете, почему я люблю это место?

Кованьков оглянулся — вокруг не было ничего примечательного.

— Здесь в конце апреля сорок пятого года я увидела первый советский танк и первых советских солдат...

У Кованькова защемило сердце. Не успев попасть на войну, он часто с завистью думал о своих старших товарищах по армии, которым выпало счастье прийти сюда с победой и свободой.

— Увы, меня в том танке не было, — грустно произнес Кованьков.

Рената посмотрела на часы. Кованьков заметил, что она очень взволнованна. Он знал, что под развалинами дома, в который угодила американская фугаска, погибли мать и брат Ренаты, и подумал, что ее растревожило воспоминание... Но сейчас он не мог не подозревать, что Рената волновалась совсем по другой причине.

Вот что произошло дальше. Возле них остановилось такси.

— Рената, здравствуй! — крикнул мужчина, сидевший рядом с шофером.

— Алло! — Рената помахала ему рукой.

Из машины вылезли двое мужчин. Рослые, хорошо одетые. Они поздоровались с Ренатой и чуть удивленно посмотрели на Кованькова.

Рената сказала:

— Познакомьтесь, это мой советский друг. А это — друзья по спорту.

Мужчины пожали руку Кованькову и назвали свои имена. Он даже не попытался их запомнить. Да и ясно теперь, что имена он слышал, конечно, не настоящие.

— Долго еще собираетесь стеречь мост? — смеясь, спросил у Ренаты один из мужчин.

— Пожалуй, уже пора домой, — ответила Рената.

— Садитесь, подвезем. Мы после тренировки решили покататься по городу.

— Поедем? — обратилась Рената к Кованькову.

— Можно... — нетвердо ответил он, понимая, что поступает неосторожно.

Кованьков и оба спортсмена сели на заднем сиденье. Рената — рядом с шофером. Машина тронулась. Все молчали. Вдруг сидевший слева от Кованькова спортсмен спросил:

— Вы обращали когда-нибудь внимание на эту церковь?

Кованьков пригнулся, чтобы увидеть церковь, и в это мгновение ему в лицо шмякнулось что-то влажное, остро пахнущее...

Больше он ничего не помнил вплоть до того момента, когда очнулся вот в этой комнате. Сколько он пробыл без сознания, он не знал — часы с руки были сняты. Окон в комнате не было. На столе стояла большая кружка с черным кофе, на тарелке лежал кусок холодного мяса, на деревянном подносе белела разрезанная на тоненькие ломтики булка. Все это недавно внес и поставил на стол высокий костлявый солдат в американской форме.

— Позовите сюда ваше начальство! — крикнул ему по-немецки Кованьков.

Солдат даже не оглянулся и вышел из комнаты. Щелкнул замок. Глухая, непроницаемая тишина. Кованьков подбежал к двери и принялся колотить в нее кулаками и ногами. Дверь была массивной, точно вылитой из чугуна. Удары вызывали жалкий, тихий звук. Кованьков снова лег и незаметно забылся в странном полусне. Наверно, еще действовало снотворное. Болела голова, к горлу подступала тошнота...

Очнувшись сейчас, Кованьков чувствовал себя уже лучше.

— Бандиты! — произнес он громко. — Хотите, чтобы я стал предателем? Не выйдет! Сволочи!

Когда солдат принес еду, Кованьков решил было объявить голодовку, но теперь передумал. Наоборот, надо быть в полной форме. Он встал, подсел к столу, съел немного мяса, выпил кофе, сделал гимнастику и начал ходить по комнате. Ходил и думал, думал, думал... Неужели Рената участвовала в его похищении? Снова и снова вспоминал он подробности их последней встречи. Да, подозрительного было немало. И все же Кованькову не хотелось в это верить...

5

Разработанный Рычаговым план действия обсуждали уже третий час. В синем от табачного дыма кабинете полковника Семина за длинным столом сидело человек десять. Впрочем, то, что происходило здесь, меньше всего было похоже на обсуждение. Скорее это был коллективный экзамен Рычагову. Он изложил свой план, и теперь со всех сторон сыпались вопросы. На одни вопросы Рычагов отвечал мгновенно, уверенно. После других долго думал. Все терпеливо ждали. Были и такие вопросы, на которые Рычагов ответить не мог. Тогда он, сердито уставясь в свои бумажки, говорил:

— Об этом я не подумал...

Завершая обсуждение, полковник Семин сказал:

— План хороший, смелый и умный. То, что в нем неясно, нужно доработать. Кого вы, Рычагов, просите в свою оперативную группу?

— Субботина и Посельскую, — не задумываясь, ответил Рычагов.

— Ну что же... Утвердим, товарищи, такой состав?

Кто-то сказал:

— Учти, Рычагов, что Посельскую надо сдерживать.

— Хорошо. — Рычагов улыбнулся. Он прекрасно знал, чем вызвано это предостережение.

— Меня очень тревожит, — сказал Семин, — последнее сообщение западного радио. Будто Кованьков, боясь расправы над ним с нашей стороны, просит не устраивать пресс-конференцию и не допускать к нему журналистов. Не увезли ли они его из Германии? А может, тут скрыто и нечто худшее...

— Ожидать можно всего, — согласился Рычагов, — но так или иначе мы должны найти Кованькова...

Через час оперативная группа уже приступила к работе.

6

Сразу после совещания в кабинет полковника Семина пришли четверо немцев. Все они были в годах и удивительно походили друг на друга. Все — рослые, неторопливые в движениях, с суровыми, резко прочерченными лицами, с узловатыми, натруженными руками.

Полковник поздоровался с каждым за руку и пригласил всех присесть к столу.

Семин всмотрелся в угрюмые лица немцев и рассмеялся:

— Что это вы все такие мрачные?

Все четверо скупно улыбнулись. Сидевший ближе к Семину седой как лунь немец сказал глуховатым голосом:

— Волнуемся, товарищ полковник. Боимся не справиться с этим поручением.

— Справитесь, друзья! Наверняка справитесь. Да и никто, кроме вас, не сможет обеспечить безопасность будущей демократической республики. В отличие от западных держав мы не собираемся долго оставаться здесь в роли оккупантов и навязывать вам свою волю. Безопасность будущей немецкой республики должны обеспечить сами немцы. Вы уже обсуждаете свою конституцию свободной жизни без капиталистов и помещиков. Скоро она станет законом. Ох и не понравится же это тем, кто орудует на западе Германии!

Седой пригладил ладонью сукно на столе и сказал:

— Им поперек горла и то, что у нас уже есть... — Он помолчал. — Да, поистине святое дело — безопасность всей нашей новой жизни. Но опыта у нас нет. А у них, — он кивнул через плечо, — и опыт, и вышколенные при Гитлере кадры...

— Опыт — дело наживное. Помнится мне, ваш боевой вожак Тельман сказал, что самый лучший опыт обретается в борьбе... — Семин задумчиво улыбнулся. — Насчет опыта могу вам кое-что рассказать. В двадцатом году меня, двадцатилетнего рабочего парня из железнодорожного депо, ввели в кабинет Феликса Дзержинского. Сказали ему: «Вот еще один мобилизованный партией товарищ». Дзержинский поздоровался со мной и говорит: «Садитесь. Сейчас мы поговорим с вами о вашей новой работе». И потом он раз пять начинал этот разговор. Только начнет — или кто-нибудь войдет, или зазвонит телефон. А я все сижу и жду разговора. Вдруг вбегает сотрудник и сообщает, что сейчас по такому-то адресу собрались эсеры-террористы, а послать туда некого. «Как это некого? — удивился Дзержинский и показывает на меня: — Вот вам прекрасный, смелый и расторопный товарищ. Дайте ему оружие и поезжайте вместе с ним». И мы поехали и накрыли, как цыплят, пятерых террористов. А дня через три я уже ходил на

операции старшим в группе. Потом Дзержинский каждый раз, как увидит меня, смеется: «Ах, товарищ Семин, виноват я перед вами — до сих пор мы не поговорили о вашей новой работе...»

Немцы смеялись, поглядывая друг на друга и на Семина. Седой сказал:

— Мне довелось двадцать пять лет назад быть возле Тельмана. Это было сразу после разгрома гамбургского восстания. Сидим однажды. На душе тяжело. Вдруг Тельман как засмеется! Один он мог так смеяться. И говорит: «Вся эта черная свора не понимает, какой великий урок она нам преподала. Теперь-то в свой час мы будем действовать наверняка, развернутым фронтом, по всей Германии! Будем ломать им хребты и приговаривать: “Спасибо, господа, за академию двадцать третьего года!”» — Немец тяжело вздохнул: — Вот если бы Тельман был сейчас с нами...

— Партия с вами, а это значит — и Тельман с вами! — жестко произнес полковник Семин. — И мне хочется напомнить вам еще одно его высказывание: революционер — профессия массовая, а иначе нет и революции. К этому можно добавить: защитник революции — профессия массовая, а иначе защита ненадежна. Вам партия поручила обеспечить безопасность строительства социализма. И я уверен, с этим действительно святым делом вы справитесь с честью.

— Наше волнение, товарищ полковник, не от трусости, а от понимания ответственности... — Седой сказал это, сурово смотря Семину в глаза. — Мы вот, — он показал на своих товарищей, — еще вчера были рядовыми функционерами партии у себя на заводе. Мы знаем, как обрабатывать металл и как говорить с теми, кто его обрабатывает. Образование мы получали еще при кайзере. Все образование — грамота да таблица умножения.

Семин улыбнулся:

— А у меня данные о вашем образовании почему-то совсем другие. Например, каждый из вас пробыл от десяти

ти до пятнадцати лет в тюрьмах и концлагерях. Это что, неверно? (Немцы засмеялись.) — Семин покачал головой: — Нехорошо, нехорошо, товарищи, скрывать академическое образование!

— Люди, которых мы уже набрали, — улыбаясь, сказал седой, — смотрят на нас, ждут, что мы им скажем, с чего начинать. А мы смотрим друг на друга: с чего начинать?

— Ну, поскольку наша русская пословица тоже утверждает, что «лиха беда — начало», мы вам на первых порах поможем. Мы вот сейчас разворачиваем одну сложную операцию, которая в конечном счете направлена на защиту вашей жизни. И ваша помощь нам очень пригодится. Пришлите ко мне сегодня вечером человек пять энергичных сотрудников. Мы включим их в нашу операцию. Это для них будет и началом и учебой. Затем мы сделаем так: каждый из вас...

Разговор продолжался.

7

Библиотека помещалась в каменном домике, стоявшем в глубине большого двора. На первом этаже выдавались книги, а весь второй этаж занимал читальный зал.

Наташа Посельская деловой походкой пересекла двор и вошла в библиотеку. В коридоре девушка в синей форменной блузе Союза молодежи, забравшись на стул, прикалывала к стене объявление. Оно оповещало читателей, что с первого по пятое число библиотека будет закрыта по случаю инвентаризации книжного фонда. Кнопки были плохие, гнулись; вдобавок девушке было неудобно действовать одной рукой.

— Можно вам помочь?

Наташа положила на пол свой маленький портфельчик и подхватила сползавшее со стены объявление. Вдвоем справились с ним быстро. Девушка соскочила со стула.

— Спасибо за помощь.

— Не стоит. Но теперь помогите вы мне: мне нужно увидеть вашу сотрудницу Ренату Целлер.

— О, вам не повезло! Она уже третий день не выходит на работу. Мы думаем, что она заболела.

— А вы не знаете ее домашний адрес?

— Пройдите к директрисе, третья дверь направо.

Посельская постучала в дверь и услышала басовитое «пожалуйста».

Директриса, пожилая женщина со смешными усиками кисточкой возле уголков рта, внимательно смотрела на вошедшую.

— Прошу извинить меня, — Наташа виновато улыбнулась, — тем более что я беспокою вас совсем не по служебному делу. Вы не можете мне дать новый домашний адрес Ренаты Целлер? Я ее школьная подруга, а сейчас приехала из Лейпцига. Она писала мне, чтобы я пришла сюда, а оказывается, она заболела.

Директриса молча вынула из стола клеенчатую тетрадь и отыскала в ней нужную страницу:

— Запишите. Улица Мюритц, дом три, квартира семь.

— Большое спасибо! — Наташа спрятала адрес в портфель.

— Передайте, пожалуйста, Ренате Целлер, что мы обеспокоены ее отсутствием, — сказала директриса. — Это так некстати. Мы — накануне инвентаризации. Попросите ее сообщить мне, сможет ли она выйти на работу к первому числу.

— Обязательно все передам. Если она больна, я сама вам позвоню.

Наташа записала номер телефона директрисы и, еще раз поблагодарив ее, ушла.

Улица Мюритц начиналась возле парка. Наташа, запоминая все, что попадалось ей на пути, медленно прошла мимо дома номер три и направилась в парк. Присев на скамейку, откуда был виден дом, она задумалась... Да, за-

ходить туда, пожалуй, нельзя. Сама Рената Целлер, судя по всему, скрылась, но в квартире могут остаться ее соучастники. И даже умело мотивированное появление Наташи у настороженных людей может вызвать подозрение. Первичные данные об этой квартире лучше получить с помощью активистов из уличного комитета.

Наташа из автомата позвонила к себе в отдел, вернулась в парк на ту же скамейку и продолжала наблюдать за улицей Мюритц и домом номер три. Конечно, досадно, что возникла эта затяжка. Проще было бы сейчас зайти в квартиру, где жила Рената Целлер, и тут же выяснить все, что нужно. Но Наташа помнила, как полковник Семин, отчитывая ее за один опрометчивый шаг, сказал: «В нашем деле почти как правило: проще — не значит лучше».

По-разному приходят люди в разведку. Наташа пришла так.

По окончании Института иностранных языков она получила назначение в Германию, в советские войска. Здесь ее направили переводчицей в разведывательное управление. В отделе, к которому ее прикомандировали, вскоре заметили, что переводчица обладает живым и острым умом. Она быстро освоилась с новой работой и в отличие от других переводчиков выполняла свои обязанности, не оставаясь пассивной к сути дела. Как-то само собой вышло, что работавшие с ее помощью сотрудники стали с ней советоваться, а потом и давать ей несложные поручения, которые она быстро и хорошо выполняла. Через год Наташа стала оперативным работником и уже не представляла себе, что у нее могла быть какая-нибудь другая профессия.

Во время того же неприятного разговора полковник Семин сказал ей: «Холодный чиновник в нашем деле не терпим. Каждый должен быть страстно влюблен в свое дело, должен любить его больше всего на свете, больше собственной жизни. Но при этом ум у нас должен оставаться предельно холодным. Первое качество у вас, насколько мне известно, есть, а второго — нет. Будем надеяться, что это

придет с опытом. А если не придет, — полковник сделал движение рукой, будто смахнул со стола пыль, — уйдете от нас вы...» Наташа, наверно, на всю жизнь запомнила и эти слова, и это небрежное движение руки полковника.

8

Торговля на черном рынке Западного Берлина была в разгаре. Пестрая толпа заполняла небольшую площадь, со всех сторон окруженную руинами. Сквозняки, метавшиеся среди развалин, вздымали холодную белую пыль, над рынком висело бледно-серое марево. Толпа выглядела странно. Можно было подумать, что взрослые люди затеяли какую-то игру, по правилам которой никто не имел права больше минуты стоять на одном месте. Толпа не растекалась, но внутри нее происходило безостановочное движение. Во всех направлениях сновали спекулянты, вполголоса называя свой товар:

- Имею кофе. На восточные марки.
- Продаю сигареты. Беру восточные марки.
- Покупаю восточные марки.
- Швейцарские часы. Предпочтение деньгам восточным.

Эта внезапно вспыхнувшая массовая любовь спекулянтов к восточной марке никого не удивляла. Все уже знали, как выгодно сбывать эти марки в американские меняльные конторы. Правда, не все спекулянты знали, что они являются участниками широко задуманной диверсии против восточногерманской валюты.

Полицейский стоял на вершине каменной груды и спокойно взирал оттуда на рынок. Он был похож на памятник самому себе. Впрочем, время от времени памятник покидал пьедестал, подходил к толпе и забирал первого попавшегося спекулянта. Он отводил его за развалины, и там из кармана спекулянта в карман полицейского переходила некоторая часть барыша. Спекулянт возвращался на

рынок, и единственным результатом вмешательства стража порядка было повышение пострадавшим цены на свой товар.

На рынке можно было купить все — от плитки жевательной резинки до американского военного пистолета новейшего образца. Американцы активно пользовались рынком и в целях личной наживы. Они даже не очень пытались скрывать свои спекулятивные операции. Они просто не понимали, почему нужно таиться, ведь они следовали основному закону своей страны, по которому частная инициатива и бизнес — это мать и отец жизненного успеха. А теперь и того больше: само начальство приказывает насыщать черные рынки особо дефицитными товарами и продавать их на восточную валюту. Этот бизнес весьма и весьма выгоден...

Владимир Субботин среди людей, заполнивших рынок, производил впечатление преуспевающего коммерсанта. Хорошо сшитое черное осеннее пальто, такая же шляпа, кожаные перчатки, во рту — дорогая английская трубка «Бриош», в руке — массивная трость с ручкой из слоновой кости. Он стоял на одном месте, словно давая всем понять, что он свой товар искать не собирается, он придет к нему сам. И действительно, возле Субботина то и дело останавливались спекулянты.

— Имею отрез английского сукна.

— Предлагаю французское белье.

Субботин не достаивал спекулянтов даже взглядом, только чуть заметно отрицательно поводил головой. Он терпеливо ждал то, что ему было нужно...

Владимир Субботин пришел в разведку несколько необычным путем. В начале сорок второго года он добровольцем ушел на фронт. Тогда ему не было и семнадцати лет, но все думали, что ему больше. Он был рослый и крепкий паренек. Через три дня после прибытия на фронт зимним метельным утром он участвовал в своем первом бою. Он ничего еще не понимал, просто с тяжелой винтовкой в ру-

ках бежал вместе со всеми по рыхлому снегу, бежал, ничего не видя, не слыша... и вдруг все пропало. Очнулся в немецком госпитале.

Как только рана чуть зажила, Субботина перевели в лагерь для военнопленных. Это был лагерь этапный — подолгу здесь не задерживались. Не дожидаясь отправки, Субботин ночью задушил часового и, прихватив его автомат, бежал.

Неделю он плутал по лесам и болотам белорусского Полесья, пока не попал в расположение партизанского отряда. Когда командир отряда узнал, что Субботин прилично владеет немецким языком, было решено поручить ему очень рискованное специальное задание.

Субботин явился в гитлеровскую комендатуру города Орши под видом дезертира, разуверившегося в советской власти и желающего служить немцам и их новому порядку. Вскоре он стал переводчиком при комендатуре. Эта доверчивость гитлеровцев стоила им дорого: партизаны были осведомлены обо всем, что делается в стане врага, и соответственно этому строили свои боевые операции.

Между тем Субботин вел себя так хитро и умно, что доверие к нему со стороны немецкого начальства ни разу не поколебалось. Больше того, в конце сорок третьего года ему дали весьма ответственное поручение. Субботин был послан в Польшу и Германию по лагерям, где содержались белорусы. Он должен был помогать гитлеровским вербовщикам создавать из пленных воинские подразделения для борьбы против Советской армии. И тут Субботин в глазах гитлеровцев проявил себя с наилучшей стороны. В каждом лагере, в результате его работы, среди пленных всегда находился десяток-другой «добровольцев». Но все эти «добровольцы», очутившись на фронте, немедленно переходили к своим. Так Субботин спас и вернул Советской армии сотни солдат.

Только в середине сорок четвертого года какой-то мерзавец выдал Субботина. Он заметил, что за ним следят.

Видимо, гитлеровцы хотели сначала установить его связи. Это и спасло Субботину жизнь. Он бежал...

Три недели Субботин по ночам пробирался на восток, пока на территории Польши его не спрятал учитель. Прожив почти три месяца в подвале учительского дома, Субботин установил связь с местными патриотами и ушел в польский партизанский отряд, где и воевал до прихода советских войск. С этого времени Субботин и связан с разведывательной работой.

...В проезде между развалинами остановился «виллис». С машины соскочил американский офицер. Он оставил шоферу свою фуражку, поднял воротник плаща (на этом его маскировка под штатского окончилась) и направился к рынку.

Вот только когда Субботин покинул свое место и встал так, что американец непременно должен был пройти мимо него. Как только офицер поравнялся с ним, Субботин тихо произнес по-немецки:

— Интересуюсь оптовыми сделками.

Американец вздрогнул, как боевой конь при звуке трубы, и остановился рядом с Субботиным.

— Что именно? — спросил он на плохом немецком языке.

— Отойдемте в сторону, — по-английски произнес Субботин и медленно пошел к развалинам.

Американец послушно шел за ним. Они присели на обломок кирпичной стены и начали деловой разговор.

— Я интересуюсь только оптовой сделкой.

— Что, что именно? — нетерпеливо спросил американец.

— Дешевые часы, чулки и многое другое, но обязательно крупной партией.

— Часы могу предложить сейчас, полдюжины...

— Это не мой масштаб. Сотня — вот это да! И именно дешевые, но цену за них вы получите приличную.

— Не понимаю.

— Все очень просто. Я веду дела в Восточном Берлине. Имею дело с советскими офицерами. Платят огромные деньги за дрянь.

— Восточными марками?

— С вами я могу рассчитаться западными.

— Желательно восточными.

— Можно и так...

Разговор завершился тем, что Субботин все-таки купил те часы, которые имел американец. Мало того, он заплатил такую цену, какая американцу и не снилась в ночь перед тем, как он отправился делать свой бизнес.

9

Клуб прессы в Западном Берлине помещался на верхних этажах довольно высокого дома. Надземная железная дорога проходила вровень с окнами клубного бара. В разноразличный гомон, подкрашенный вкрадчивыми звуками пианино, то и дело врывался грохот пронесившихся по эстакаде поездов. У журналистов была такая игра: если сидящие за столом не хотели слушать какого-нибудь своего коллегу — когда он рассказывал старые новости или плел неинтересное, — они хором кричали: «Где поезд?»

И почти всегда тут же, заглушая все, грохотал пролетающий поезд. А о болтающем чепуху говорили: «Типичная надземка».

Павел Рычагов присел за столик, за которым сидели два молодых журналиста.

— Если не ошибаюсь, французы? — спросил Рычагов на хорошем французском языке.

— Они, — холодно ответил один из французов.

— Помогите неопытному коллеге из Бельгии, — словно не замечая его недовольства, сказал Рычагов. — Приехал на три дня. Нужна хоть маленькая, но сенсация. Моя газета горит. Помогите сестренке!

— За этим дело не станет. Берлин — город сенсаций.

— Коллеги дорогие, одну маленькую, в кредит! — Рычагов по-нищенски протянул руку.

Французы есть французы. Они любят веселых, открытых людей. Рычагов им сразу понравился, и вот за столом уже идет непринужденный разговор.

— Нет, сестричка, у нас ты сенсации не получишь. И запомни: Берлин — город надоевших сенсаций. Сами вот сидим и обсуждаем, чем бы удивить старушку Францию.

— Хоть что-нибудь... Горит газета.

— Тоже, сестричка, не новость. Мы от своих шефов получаем по две истерические телеграммы в день. Требуют ежедневно двести строк на первую полосу об ужасах жизни в Восточном Берлине. Наимоднейшая тема! А народ, читая это, плюется.

— Может, вы передаете неинтересно?

Французы переглянулись и расхохотались.

— Сестричка, — погрозил один из них пальцем, — ты или наивна, или хитришь...

— Не понимаю... — Рычагов пожал плечами. — Ведь там, на Востоке, действительно диктатура русских.

Журналисты снова переглянулись, но уже не рассмеялись.

Один из них спросил:

— Ты, сестричка, случайно, не ведешь в своей газете свадебную хронику?... Но-но, только не надо сердиться! Ты же не знаешь, что такое политика. А она, сестричка, путаное и, в общем, нечистое дело. Ты говоришь — там диктатура русских. А тут что, по-твоему? Райские кущи, населенные поющими ангелами?

— Во всяком случае, — угрюмо сказал Рычагов, — здесь я вижу жизнь, к какой привык дома.

— А ты, сестричка, спроси на досуге у самих немцев: какие порядки им больше нравятся... Не понимаешь? А знаешь про наш верный корреспондентский барометр? Чем настойчивей твой шеф требует от тебя поносить какую-нибудь страну, тем, значит, в той стране жизнь лучше, чем в

той, где печатается твоя газета. Ну а про русских... — Француз махнул рукой. — Тут пиши только плохо — никогда не ошибешься. Особенно сейчас, когда наш милый западный мир делает здесь, в Германии, глупость за глупостью.

— А не попал ли я за стол коммунистов? — с улыбкой, но не без тревоги спросил Рычагов.

— Не бойся. Коммунисты сюда не ходят.

— Но о чем же мне все-таки написать в газету? — помолчав, спросил Рычагов.

Оба французских журналиста, как по команде, пожали плечами.

— Я слышал по радио, что от красных бежал какой-то офицер. Из него нельзя сделать сто пятьдесят строк плюс фото?

Оба журналиста снова, как по команде, махнули руками.

Один из них вздохнул:

— Не выйдет. Тут мистеры что-то темнят. Даже наши американские коллеги ничего о нем не могут получить. Делают умное лицо, говорят — это перебежчик особого рода. Чепуха! Вообще эти перебежчики — мясо с душком. Бегут-то, как на подбор, удивительно неинтересные типы. Иногда кажется, будто красные сами отбирают всякую шваль и гонят ее сюда. Напишите это — вот вам и будет сенсация.

Французы хохотали. Вместе с ними смеялся и Рычагов. Потом он спросил:

— А может быть, как раз потому, что они его прячут, тут и кроется сенсация?

— Оставь, сестричка, надежду. Одно из двух: или этот перебежчик полный идиот и его нельзя тащить на пресс-конференцию, или он, наверное, знает чуть больше других и сейчас янки доят его в четыре соска. А уж потом, выдохшийся, он начнет поносить советские порядки и будет уверять, что русские генералы едят на завтрак немецких де-

тей. Если хочешь, я могу сейчас же продиктовать тебе все, что он скажет. Моя газета красных не обожает, но даже она перестала печатать этот мусор... Вероятно, сестричка только что приехала?

— Сегодня утром, — ответил Рычагов.

— Значит, сестричка еще не успела обнищать. А ее братцы не возражают, если она поставит на стол бутылочку вина. Смотришь, и взбредет в голову идея, и мы все вместе будем охотиться за сенсацией. А?

— Сестричка идет на все... Обер! Две бутылки вина, — распорядился Рычагов.

10

Наташе Посельской передали полученные от уличного комитета сведения о квартире, в которой жила Рената Целлер. Да, жила. Но третий день ее дома нет. Уехала во Франкфурт-на-Одере, где у нее тяжело заболела сестра.

Наташа попросила проверить, действительно ли Рената Целлер находится во Франкфурте, и вскоре получила ответ: «Да, находится, живет в квартире сестры и почти все время проводит возле нее в больнице». Посельская растерялась: она была больше чем уверена, что Ренаты там не окажется. Но, с другой стороны, ведь не было ничего уличающего ее как участницу похищения Кованькова, и ей как будто вообще нечего было скрываться. Подозрительно только то, что она уехала во Франкфурт наутро после происшествия... А может быть, именно в этом и есть хитрость? Раз Рената Целлер уверена, что улики против нее нет, зачем ей скрываться или бежать на Запад? Достаточно на всякий случай уехать из Берлина...

Немецкие товарищи, помогавшие оперативной группе Рычагова, узнали, что в Берлине Рената Целлер жила в семье своей дальней родственницы Августы Мильх, работавшей научным сотрудником в Музее народного искусства.

Августа Мильх — член Коммунистической партии, вдова. Ее муж, по национальности еврей, погиб в концентрационном лагере Бухенвальд.

Августа Мильх жила вместе со своей старшей сестрой, которая вела домашнее хозяйство. Получены были также сведения о том, что Августа Мильх почему-то была недовольна поведением живущей у нее Ренаты Целлер. Привратник сообщил, что квартирантка Августы Мильх почти всегда возвращалась домой за полночь. Эти данные находились в полном противоречии со всеми отзывами, собранными о Ренате Целлер, и с тем, что говорил о ней своему другу Кованьков. Какова же она на самом деле? Серьезная, симпатичная девушка, как сказал о ней Кованьков, или такая, что даже родственники недовольны ее поведением?

...В этот дневной час в музее не было ни одного посетителя. Кассирша куда-то вышла, и Посельской пришлось ее ждать. Над ней сжалилась контролерша. Она пригласила девушку сперва осмотреть музей, а потом купить билет. Наташа спросила у нее об Августе Мильх. Да, Мильх работает в музее, в реставрационной студии. Это на втором этаже.

Посельская добросовестно обошла все залы, а потом поднялась на второй этаж и вошла в реставрационную студию.

В большой светлой комнате работало человек пять.

— Можно мне видеть товарища Мильх?

— Я — Мильх.

Навстречу Посельской из глубины комнаты вышла женщина в белом халате. Ей было лет пятьдесят. Из-под белой докторской шапочки выбивались седые волосы.

— Слушаю вас.

— Я сейчас осмотрела музей. Я немного увлекаюсь глиной, и у меня возникло несколько вопросов.

— Пожалуйста, проходите.

Августа Мильх провела Наташу к своему столу.

— А почему вы обращаетесь именно ко мне?

— В этом повинна Рената Целлер. Узнав, что я коллекционирую глину, она, во-первых, подбила меня посетить ваш музей, а во-вторых, сказала мне, что вы поэт глины.

Августа Мильх выслушала это с хмурым, непроницаемым лицом.

— Сама Рената, — вздохнув, сказала она, — не нашла время зайти сюда. Хорошо, что хоть вас подбила. Какие же у вас ко мне вопросы?

Посельская заметила, что с момента упоминания имени Ренаты Августа Мильх стала менее приветливой.

— Установлено ли точно, когда человек впервые воспользовался глиняной посудой?

— Точно нет, — сухо ответила Августа Мильх. — Поход археологов в глубь веков еще продолжается. Пока в тех пластах истории, которые археологами разработаны, глина всюду сопровождает человека.

— Посуда?

— Не только. Оружие, скульптура, игрушки.

— Существует ли классификация искусства древних мастеров глины?

— Весьма грубая, а иногда и спорная. Между прочим, наиболее ценная коллекция древней глины находилась в Западной Германии, но, увы, недавно ее вывезли... — Августа Мильх усмехнулась. — Очевидно, любители глины есть и в западных странах, а воздушный мост, как всякий мост, должен действовать в обоих направлениях. — Вдруг Августа Мильх неожиданно спросила: — Вы подруга Ренаты?

Посельская засмеялась:

— Мы когда-то вместе учились в школе. А потом виделись всего два раза.

— Вы спортсменка?

— Почему спортсменка? — удивилась Наташа.

— Я подумала, что вы познакомились с Ренатой на почве спорта.

— А разве Рената спортсменка? Она мне об этом не говорила.

Августа Мильх усмехнулась:

— Мне она говорила, что хочет стать чемпионкой по плаванию. Но я думаю, что спорт был для нее всего лишь поводом, чтобы пропадать по вечерам.

— Вот как! — засмеялась Наташа. — Интересно, где же она тренируется? Обязательно схожу посмотреть.

— Как будто в бассейне профсоюза строителей. Но сейчас ее в Берлине нет.

— А где она?

— У сестры во Франкфурте.

— Надолго?

— Не знаю. Ее сестра тяжело заболела.

— Будем надеяться, что все кончится благополучно. — Посельская встала со стула. — Извините меня, товарищ Мильх, что я оторвала вас от работы.

— Ничего. Вы зайдите к нам через неделю — мы выставим чудесные вещицы семнадцатого века.

— Спасибо, обязательно зайду. До свиданья. Передайте привет Ренате.

Августа Мильх, ничего не ответив, вернулась к прерванной работе.

11

На совещании у полковника Семина обсуждали первые сведения, добытые оперативной группой Рычагова.

Посельская, Субботин и сам Рычагов рассказали о том, что ими сделано, и теперь ждали вопросов и советов полковника. А он вот уже несколько минут сидел неподвижно, и глаза его были закрыты тяжелыми веками.

— Рано оценивать то, что вы сделали, и рано говорить о чем-нибудь уверенно... — наконец заговорил полковник. — Пока вы всего лишь нащупываете пути к цели. Совершенно очевидно, что не все пути окажутся правильными.

ми. Мне думается, что товарищ Посельская находится сейчас ближе других к существу интересующего нас факта. Но это еще ничего не значит — завтра, послезавтра ближе могут оказаться другие... — Полковник взглянул на Посельскую. — Проявите максимум осмотрительности. Сходить в бассейн надо, согласен. Весьма возможно, ваша версия верна и действительно спорт был второй жизнью Ренаты Целлер. Там и могло родиться ее соучастие в преступлении. Весьма возможно, что где-то поблизости могут оказаться и другие участники похищения Кованькова. Этот бассейн — неплохое прикрытие для бандитов в восточной зоне. Но что будет, если какая-нибудь ваша ошибка даст им понять, что по их следам идет поиск? Они немедленно скроются, дадут сигнал тревоги на Запад, и тогда осложнится работа всей группы. Вы понимаете это, товарищ Посельская?

— Да, понимаю, — тихо ответила Наташа.

— В музее вы как будто ошибки не сделали, но риск все же был допущен.

— Какой же риск? — удивилась Наташа.

— А что, если Августа Мильх тоже соучастница?

— Но все, что мы знаем о ней, против этого! — горячо возразила Посельская.

— И все же: а вдруг?

— Вдруг — это не логика! — запальчиво сказала девушка.

Полковник засмеялся:

— Видите, вы даже здесь горячитесь. Спокойней, товарищ Посельская, осторожней, тоньше, умней...

— Совет принимаю, — тихо произнесла Наташа.

— Только это от вас и требуется. — Полковник заглянул в свои записи и посмотрел на Рычагова. — Теперь о делах ваших, товарищ Рычагов. Значит, эти французские журналисты знают майора Хауссона?

— Безусловно. И все, что они говорили о нем, сходится с нашими данными. Между прочим, они сказали, что

журналисты дали Хауссону ироническое прозвище «Отец русских перебежчиков».

— Неплохо, — усмехнулся Семин.

— На пресс-конференциях перебежчиков он неизменно присутствует. Но делает вид, что только присутствует...

— Так... А где находится контора Хауссона, они знают?

— Они говорили про какую-то зону «Игрек». Там размещено все, что американцы хотят спрятать.

— Это мы знаем и без французов. Имеются данные, что у Хауссона есть еще одна контора, где-то в центре Западного Берлина. Нужно побольше узнать о самом майоре. Где он живет? Куда ездит? С кем дружит?

— Попробуем... — тихо обронил Рычагов.

— Вы думаете остаться бельгийским журналистом?

— Да, еще дня три.

— Точно установлено, что подлинного журналиста из этой бельгийской газеты нет?

— Абсолютно точно. Он отозван полгода назад. И действительно, эта газета испытывает материальные затруднения. Ей уже не до корреспондентов в Берлине. И потом, ничего плохого для газеты я не сделаю. Более того, я еще ни разу не произнес ее названия. И постараюсь не произносить впредь.

— Хорошо. — Полковник Семин помолчал. — Неплохо бы познакомиться с каким-нибудь американским корреспондентом, причем с таким, который погрязнее.

— Я уже думал об этом, — сказал Рычагов. — Французы называли мне фотокорреспондента Отто Стиссена, обещали познакомиться с ним. Его прозвище среди газетной братии Дырявая Копилка. Это за то, что он всеми способами пытается сделать бизнес, но все пропивает.

Полковник засмеялся:

— Вот злоязыкое племя!.. Да, познакомьтесь-ка с этой Дырявой Копилкой. — Полковник посмотрел на Субботина: — Ну, коммерсант, теперь о ваших делах. Пока что вы ввели нас в расход и грозитесь ввести в расход еще больший.

— Этого следовало ожидать, — мрачно произнес Субботин.

— Весь вопрос в том, кто он, ваш американец, по чину и званию? Стоит ли он таких затрат?

— Я уже сказал: судя по всему, он из среднего звена. Может быть, майор...

— Но где он служит? Администрация? Пропаганда? Просто воинская часть? В последнем случае он может забросать нас часами, но оказаться бесполезным в главном. — Полковник помолчал и спросил: — Так вы говорите, ваше предложение провести комбинацию с советскими деньгами его не удивило?

— Нисколько. Сперва я ему предложил западные марки. Он отказался. Его устраивают только восточные. И, когда обо всем было договорено, я спросил: может, он хочет получить за часы советские деньги? Он ответил, что ему они не нужны, но он знает одного полковника, который очень интересуется советскими деньгами. Обещал связать с ним послезавтра.

— Вы встретитесь там же?

— Да.

— Сразу уводите его с рынка. Это место опасное. Жулье — народ наблюдательный. Встречайтесь с ним в каком-нибудь кафе, которое посещают солидные спекулянты. И все время помните, что полковник, охочий до советской валюты, для нас очень интересен. Тут вы можете столкнуться с нашим непосредственным противником. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю. Но как же мне все-таки поступить, если тот мой знакомый добудет большую партию товаров?

— Посмотрим... подумаем... Все будет зависеть от того, насколько эта ваша спекуляция будет приближать нас к главному. Все время надо помнить о нашей цели и о том, что время не ждет. Пора уже смыкать фронт. К примеру, если Рычагову удастся сблизиться с Дырявой Копилкой, там

может пригодиться и Субботин. Рычагов может познакомить Копилку с коммерсантом, который умеет делать большие и выгодные дела.

— Здорово! — воскликнул Рычагов. — А я-то сижу и думаю: в какой бизнес мне лезть с этим пьяницей?

12

В помещении плавательного бассейна было тепло и душно. Хлорированной водой пахло даже в вестибюле.

Посельская внимательно изучала объявления и расписание, которыми были облеплены стены вестибюля. Вокруг не умолкал веселый гомон молодежи. Из бара доносилась танцевальная музыка. И вот наконец Наташа нашла то, что искала: расписание тренировочных занятий, в которых упоминалась Рената Целлер. Она входила в группу, которой руководила Альма Гуц. И как раз сегодня вечером Рената Целлер должна была заниматься.

Возле Посельской остановились две девушки, которые тоже интересовались расписанием тренировок.

— А! — воскликнула одна из них. — Мы с тобой опять попали к Альме. Ужасно!

Другая пожала плечами и сказала:

— Черт с ней! Главное — плавать.

— Извините, можно мне у вас кое-что спросить? — Наташа почти умоляюще смотрела на девушек.

— Пожалуйста.

— Посоветуйте мне, к какому тренеру записаться.

— О! Тут же идиотская система — постоянного тренера получить нельзя. Они все работают в нескольких бассейнах и постоянно подменяют друг друга.

— Вы меня простите, — Посельская скромно потупила взгляд, — но я слышала, что вы недовольны этой... как ее... — она заглянула в расписание, — Альмой Гуц?

— Тут мы скажем тебе просто... — Одна из девушек доверчиво взяла Посельскую под руку. — Этой Альме луч-

ше всего пристало бы работать тренером по танцам в Западном Берлине. Экземплярчик!

— Возле нее всегда целая стая таких же, как она, — добавила другая девушка. — Между прочим, ты будешь иметь у нее колоссальный успех.

— Это почему же? — удивилась Наташа.

— Бог не обидел тебя красотой.

Девушки засмеялись и убежали.

Посельская подошла к столику, над которым висело объявление: «Здесь производится запись в тренировочные группы». За столиком, уткнувшись в книгу, сидела огненно-рыжая дама с ярко накрашенными бровями невероятной длины — почти до ушей. Окинув Наташу мгновенным взглядом, она отодвинула книгу и вынула из стола толстый журнал.

— Хотите записаться?

— Да. Можно?

— Вы член профсоюза строителей?

— Я студентка инженерно-строительного института...

Посельская действительно уже несколько дней как была по всем правилам зачислена в институт.

— Можете записаться.

— Я хотела бы попасть в группу Альмы Гуц.

Рыжая дама окинула Посельскую оценивающим взглядом.

— Все понятно.

— Что вам понятно? — раздраженно спросила Наташа.

— Еще не мочили ног в бассейне, а уже все знаете... Вы записаны. Идите в раздевалку и затем в бассейн номер два. Вот этот талончик отдадите Альме. Счастливого плавания! — Рыжая дама мелко затряслась в беззвучном смехе.

Посельская недоуменно пожала плечами и пошла в раздевалку.

Если бы Наташа Посельская действительно надумала заняться водным спортом, она ни за что не позволила бы себе появиться в таком купальном костюме, в каком она сейчас вышла из раздевалки. Не один час она ходила по комиссионным магазинам, прежде чем нашла себе это по-

рождение людской безвкусицы. В другое время она испытала бы неловкость и стеснение, попав в толпу полуголых девушек и юношей в таком костюме. Но сейчас надо быть смелой и даже развязной.

Она проталкивалась через толпу спортсменов, привлекая своим ярким костюмом всеобщее внимание.

— Кого ищешь, птичка? — крикнул ей рослый, красивый парень.

— Не тебя! — ответила Посельская.

Вокруг одобрительно засмеялись.

Возле стартовой тумбочки Альма Гуц объясняла что-то окружившим ее девушкам. Посельская сразу догадалась, что это именно она. Это была излишне располневшая, чтобы быть спортсменкой, женщина лет тридцати. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не тонкие губы, придававшие лицу злое выражение.

Получив указания тренера, девушки попрыгали в бассейн. Альма, присев на стартовую тумбочку, смотрела, как они плавали.

— Скажите, пожалуйста, вы Альма Гуц? — Посельская стояла за ее спиной.

— Да, именно так и есть, — не оглянувшись, ответила женщина.

— Я зачислена в вашу группу.

Альма Гуц повернулась к Посельской и обвела ее медленным взглядом, начиная с ног. По мере того как она поднимала глаза, в них все явственней обозначались интерес и любопытство.

— О! Откуда ты, прелестный ребенок? — низким голосом проворковала Альма и протянула Наташе руку.

— Меня зовут Анна. Анна Лорх, студентка инженерно-строительного института, — почти с книксеном представилась Посельская.

— Садись! — Альма Гуц показала на стартовую тумбочку рядом. — Какой у тебя чудесный костюмчик!.. Сколько?

— Что сколько? — удивилась Наташа.

— Сколько стоит эта прелесть?

— А! Я не знаю, это покупал мой папа. Кажется, в американском секторе.

— О! Я вижу, тебе повезло и на папу! — Альма пощупала рукой костюм. — Достоверно: Мэйд ин Ю-Эс-Эй. Прелестно!.. Ну а что мы умеем делать в воде?

— Ничего.

— Не умеем даже плавать?

— Просто плавать могу. И долго.

Наташа могла бы добавить, как она, будучи десятиклассницей, на пари переплыла у себя в Горьком Волгу. Но об этом она, конечно, умолчала.

— Покажи руками, каким стилем ты любишь плавать. Посельская показала.

— О! Это так называемый русский стиль. Начнем тогда с того, что этот стиль нужно начисто забыть.

— Почему он русский? — обиделась Посельская. — Меня так учил плавать мой отец. А он морской офицер рейха.

— Вот как? — Альма Гуц буквально впилась своими острыми глазками в лицо Наташи. — Хорошо, что ты обиделась. Но, увы, это факт. Так плавают русские солдаты, я сама видела. Но черт с ними, с русскими, верно?

Посельская согласно кивнула головой.

— Раз ты можешь плавать долго, я буду тренировать тебя на большие дистанции. Хочешь?

— Согласна.

— Ну, за дело! Занимай первую дорожку и плыви. Поплавай, пока не устанешь, а я засеку время и посмотрю, как ты выглядишь в воде. — Альма хлопнула Наташу ладонью по спине: — Вперед, Анна Лорх!

Посельская прыгнула в воду и, чтобы не показывать свой русский стиль, поплыла на боку, выбрасывая над водой только одну руку. Она не считала, сколько раз пересекла бассейн, но увидела, что многие наблюдают за ней. Это подстегивало. Но вот Альма Гуц сделала ей знак, чтобы она вылезала из бассейна.

— Прелестно, Ани! — сказала она, оглядывая литую фигуру Наташи. — Клянусь Аллахом, через год ты увидишь свой портрет в газетах! А может, и раньше. Или я отрекусь от специальности тренера. Иди одевайся и пройди в бар. Нам надо поговорить.

В баре они сидели за маленьким столиком возле оркестра. Альму здесь знали все.

— Если можно, потише! — крикнула она музыкантам.

Руководивший оркестром трубач подошел к краю эстрады и протянул ей руку:

— Ваша просьба для нас — приказ!

Альма Гуц заказала кофе и пирожные.

— Я бы не прочь, — сказала она Наташе, — разбавить кофе коньяком, но днем здесь крепкое не подают: охраняют здоровье рабочего класса! — Она засмеялась. — А ты в каких отношениях с крепкими напитками?

— Я ведь хочу стать спортсменкой...

— А если тренер скажет, что в маленькой дозе можно?

— Раз можно — значит, можно, — улыбнулась Наташа.

— Учти: я ненавижу спортсменов-аскетов. Моя теория: спортсмен должен жить нормальной, полнокровной жизнью. Что толку, если один аскет, забыв, что такое жизнь, выжмет мировой рекорд!

— Это, пожалуй, верно, — немного озадаченно произнесла Наташа.

— Ну, я вижу, мы найдем общий язык. Теперь вот что. Я работаю сразу в трех бассейнах. — Альма подмигнула и сделала жест пальцами, показывающий, что ей нужны деньги. — Тренирую целые стада безнадежных телок. Увы, такова участь всех хороших тренеров. Ну что поделаешь, когда жизнь так дорога! Но если вдруг в наши руки попадает экземплярчик с перспективой вроде тебя, мы делаем ставку на него. Мне тоже важно, чтобы однажды в газете рядом с фамилией рекордсмена стояло: «Тренер Альма Гуц». Слава — чепуха! Речь идет о марке фирмы. Это сказыва-

ется на оплате работы. Я говорю тебе все откровенно. Знаю — ты меня поймешь правильно.

— Я понимаю, — тихо промолвила Наташа.

— Так вот: я делаю ставку на тебя, а это значит, что тебе придется стать моей тенью и тренироваться сразу в трех бассейнах. Официальное расписание будет висеть здесь, а приходить ты будешь туда, куда скажу я. Согласна?

— Конечно! — радостно воскликнула Наташа.

— В других бассейнах придется подбрасывать немного денег для того, чтобы не замечали появления чужой. Тебе это по силам?

— А много надо? — спросила Наташа.

Альма назвала сумму — не большую, но и не малую.

— Ну, столько, конечно, могу... — неуверенно сказала Наташа.

— Давать будешь мне, а я расскажу, кому надо. А сегодня вечером нам с тобой придется потанцевать с двумя тренерами из других бассейнов. Думаю, что это нам ничего не будет стоить — они все-таки джентльмены. Но таков обычай. Это у нас называется «вечер перед стартом». Ты можешь?

— С удовольствием.

— Тогда в десять вечера приезжай в ресторан «Палас». Знаешь?

— Конечно, знаю.

13

Встретясь с Владимиром Субботиным второй раз, американец вел себя совсем иначе. Даже о сделке с часами говорил так, будто их встречи два дня назад не было.

Вот уже битый час Субботин толковал с ним в кафе возле Олимпийского стадиона. Американец туманно говорил о каких-то возникших перед ним трудностях, а об операции с советской валютой и не заикался. Владимир насторожился: ему показалось, что его собеседник просто тянет время. Для чего он это делает?..

— Ну, вот что, — решительно сказал Субботин, — вам ваша армия платит жалованье, а для меня деньги — время. Я хочу знать: сделка состоялась или нет?

— Мне нужны гарантии, — как-то неуверенно, точно повторяя чужие слова, сказал американец.

— Какие еще вам, к черту, гарантии? — искусно разозлился Субботин. — Я рискую головой, а не вы! Я должен требовать гарантии, а не вы!

— Согласитесь, господин Герцман (такое имя присвоил себе на этот раз Субботин), что сотня или две сотни часов — это уже очень большие деньги. Вы не должны обижаться. Мы с вами деловые люди, и я не могу вручить вам столь крупную ценность без гарантий с вашей стороны.

— Боже мой! — возмутился Субботин. — Я же беру эти часы ровно на три дня, за которые они будут реализованы. Всего три дня. Если бы коммерсанты в своих делах не доверяли друг другу, половина сделок не могла бы состояться!

Субботин сделал вид, что собирается уйти. И в это время заметил, что его собеседник глазами подает знак кому-то, находящемуся за спиной Владимира. Что означал этот знак?

Подошел кельнер. Американец полез в карман за деньгами, но Субботин взял его за руку:

— Плачу я. Ведь я виноват, что вы зря потратили время. Мы же деловые люди, — насмешливо сказал он и отдал деньги кельнеру. — Между прочим, я не требовал гарантии, когда брал у вас те полдюжины часов, а зря! Можете убедиться... — Субботин вынул из кармана и отдал американцу часы, которые он сегодня утром нарочно стукнул, чтобы они остановились.

Американец осмотрел часы, завел их, приложил к уху.

— Невероятно! — произнес он. — Товар был получен из надежных рук.

— Ничего, бывает... — засмеялся Субботин и встал. — Отдайте эти часы в те надежные руки. А в следующий раз требуйте гарантию.



— Но вы потерпели убыток?

— Нисколько. Я просто остальные пять продал дороже. Коммерция есть коммерция... Очень сожалею.

— Одну минуту! — поспешно произнес американец и теперь сделал кому-то уже откровенный знак подойти.

К столу приблизился и, не здороваясь, опустил на стул мужчина лет сорока пяти, в дорогом, свободно сидящем костюме.

— Познакомьтесь, господин Герцман. Этот человек интересуется русской валютой.

— Господин полковник! — Субботин подобострастно смотрел на подсевшего к столу мужчину, а тот бросал гневные взгляды на американца. Субботин понял: он не ошибся — это и есть тот полковник, который интересуется советскими деньгами.

— Моя фамилия Купер, — раздраженно сказал мужчина. — Купер, и все. Понятно?

— Понятно, мистер Купер, — улыбнулся Субботин.

— И не мистер, а господин.

— Понятно, господин Купер.

— Откуда вы достаете советскую валюту?

— Я веду коммерческие дела среди советских офицеров. Купер усмехнулся:

— Странно... Жалованье им платят марками. Откуда у них валюта?

— Ну, это уж не моя забота. Я сам веду дела в марках. Это теперь самое выгодное. Но они почти каждый раз предлагают мне советскую валюту. И вашего коллегу я спросил об этом всего лишь на всякий случай: а вдруг нужна и эта валюта?

Помолчав, Купер спросил:

— Как вы установили деловой контакт с русскими офицерами?

— Очень просто. У них есть клуб, а в клубе работает свой человек.

— Кто он там? — быстро спросил Купер.

Субботин засмеялся:

— О, это уже секрет фирмы!

За столом воцарилось молчание. Купер в упор рассматривал Субботина, а тот тоже в упор смотрел на полковника. Первым отвел взгляд Купер...

— Все это пахнет авантюрой! — злобно сказал он. — Ищите-ка себе других дураков!

Он встал и, не оглядываясь, ушел из кафе. Другой американец ушел вслед за ним.

Субботин озадаченно смотрел им вслед. Щука сорвалась... Но Субботин не знал, что эта безрезультатная встреча с Купером однажды пригодится ему. И еще как пригодится!

14

Отто Стиссен, он же Дырявая Копилка, оказался совсем не таким простачком, каким его обрисовали французские журналисты. Рычагов почувствовал это в первую же минуту, когда французы, выполняя обещание, представили его Рычагову.

Это произошло в том же клубе прессы, даже за тем же столом. Французы подозвали вошедшего в кафе Отто Стиссена:

— Знакомьтесь, Стиссен. Это наш бельгийский коллега Пауль Рене. А это — самый объективный мастер фотообъектива Отто Стиссен.

— Король фоторепортажа.

— Самый остроумный посетитель этого бара.

— Любимец женщин.

— Стоп! — подняв руку, крикнул Стиссен. — Сразу две типичные надземки! Для одного человека этого много. И наконец где поезд?

И тотчас по эстакаде с душераздирающим грохотом пронесся поезд.

Все засмеялись. Рычагов церемонно сказал:

— Я очень рад.

— А я еще не знаю, радоваться или плакать, — сказал Стиссен, крепко пожимая руку Рычагову. — Я не люблю объявлять сумму, не зная слагаемых. Хо-хо-хо!

Стиссен рассмеялся, как умеют смеяться в обществе только американцы, — в полный голос, никого не стесняясь. Затем он сел и, не обращая никакого внимания на присутствующих французов, принялся бесцеремонно рассматривать Рычагова.

— Что вы так смотрите на меня? — засмеялся Рычагов. — Я ведь не продаюсь.

— Хо-хо-хо! Неплохо сказано! Смотрю из чистого любопытства. Человек как человек, а приехал из страны, в существование которой я, честное слово, не верю. Хо-хо-хо! Я дважды пролетал над вашей Бельгией и каждый раз просил летчиков показать мне, где эта таинственная держава. И каждый раз летчики говорили: «Рассмотреть Бельгию с воздуха невозможно — она проскакивает под крылом, как площадка для бейсбола». Хо-хо-хо! Неплохо сказано, а, французы?

— Да, мы — маленькая страна, мы — маленький народ, — грустно произнес Рычагов.

— А ты не вешай нос! — вдруг перешел на «ты» Стиссен. — Вон Британия такой же шиллинг, как твоя Бельгия, а посмотри, как они нос задирают! Учись, бельгиец! Хо-хо-хо!

— Стиссен, бельгийцу нужна хоть маленькая сенсация, — сказал один из французов. — Может быть, имеете что-нибудь лишнее?

— Бельгиец ставит коньяк, — добавил другой журналист.

— Что же, может быть разговор, — сказал Отто Стиссен, и тотчас глаза его влажно заблестели, выдавая главную страстишку Дырявой Копилки.

Французы выпили по рюмке коньяка, попрощались и, сославшись на неотложные дела, ушли.

— Ну, так что же тебя интересует? — спросил Стиссен.

— Все. Моя газета горит. Шеф сказал: «Поезжай в Берлин, пришли хоть что-нибудь остренькое».

— Это не так просто делается. — Стиссен опрокинул подряд две рюмки коньяка. — А ты сработай, как наши. Сочини что-нибудь сам. Ну, там... Ганс Шнейдер, перебежавший от коммунистов в западный мир демократии, рассказал вашему корреспонденту, и... пошло, пошло! Валяй что хочешь... (Опрокинута еще одна рюмка коньяка.) Хо-хо-хо! Здорово можно накрутить! Или — про красный террор. Как это называется?.. Да! Колыма! Да, именно Колыма! Сло-вечко-то какое! Хо-хо-хо! Чудом бежавший из Колымы немецкий военнопленный икс, игрек, зет рассказал вашему корреспонденту... хо-хо! Такого можно навертеть, что читательницы старше сорока лет будут валяться в обмороке. Хо-хо-хо! (Опрокинута еще одна рюмка.) А в общем, это ерунда. Уже надоело. Сенсация должна быть как острый нож, с разбегу вбитый читателю под ребро. Хо-хо-хо!

Рычагов не без удивления наблюдал, как на его глазах менялся Стиссен. Весь он как-то сразу осунулся и оплыл. Только глазки, бойкие, маленькие, вдруг зажглись, оживились, стали жадными, ищущими. Стиссену было лет сорок пять, но он уже изрядно облысел. Когда-то его лицо, наверно, было красивым, а теперь, став дряблым, все в бесчисленных склеротических жилках, увенчанное крупным багровым носом, оно было неприятным, отталкивающим.

— Бельгия, закажи еще бутылочку! Я, может быть, все-таки выгребу для тебя что-нибудь из своих карманов.

Отто Стиссен выпил еще полбутылки коньяку, и Рычагов с интересом наблюдал за дальнейшими изменениями в своем собеседнике.

Речь Стиссена вдруг стала быстрее, в ней появилась бессвязность, но в то же время он, оказывается, прекрасно понимал все, о чем говорилось за столом.

— Бельгия, ты мне нравишься! Оказывается, на вашей бейсбольной площадке произрастают хорошие парни.

— Спасибо, — улыбнулся Рычагов.

— Тебя зовут Пауль?.. Прекрасно! Так вот, запомни: сенсация — это прежде всего то, что не каждый день случается. Мы вот вчера не знали друг друга, а сегодня — друзья, и это самое интересное. Жизнь! Но, увы, это не щекочет нервы, в этом нет сенсации. Дай мне по морде и уйди, захватив мою зеркалку, — это уже кое-что...

— Мне бы хотелось без драки, — улыбнулся Рычагов. — Может, вы...

— Говори «ты». Мы, американцы, не любим... Мы простые парни... Что же для тебя придумать? Фотокамера у тебя есть?

— Нет. И не умею.

— Жаль. Но, может, твоя газета обойдется и без фото?

— Вполне.

— Тогда так: завтра утром будь на любой станции городской дороги. Увидишь маленький спектакль.

— Что именно?

— Наши люди руками немецкой полиции будут трясти газетные киоски.

— Зачем?

— Чтобы не торговали восточными газетами.

— Почему? Разве не должен каждый читать то, что он хочет читать?

Стиссен расхохотался, и его смех слился с грохотом поезда.

— Слушай, парень, ты же типичная надземка! Да на кой черт нашим, чтобы западные немцы знали, как живут восточные? Пирог разрезан, и каждый лопают свое.

Рычагов покачал головой:

— Нет, с киосками — это не товар. Мне нужно такое... с изюминкой... Может, есть что-нибудь новенькое у Хауссона? — осторожно спросил Рычагов. — Французские коллеги говорили мне...

Стиссен поднял ладонь и наклонился к Рычагову:

— Ерунда! То, что Хауссон говорил вслух, никому не надо. Сенсация — то, о чем он молчит. Понял, парень?

— Я думал, хоть что-нибудь... Французы рассказывали мне про последнего русского офицера-перебежчика...

Стиссен махнул рукой:

— С этим русским туман и полная ерунда. Кто-то дал о нем информацию по радио, а Хауссон взбесился, дал отбой, и ружья в козлы... — Стиссен вынул из кармана фотографию и бросил ее Рычагову. — Вот он, наш таинственный Хауссон. Таскаю с собой на случай сенсации. У него есть еще прозвище: «Отец русских перебежчиков»...

Такой фотографии Хауссона Рычагов в архивах не видел. На фотографии во весь рост был снят высокий, спортивного вида мужчина, державший на поводке разлапистого бульдога.

— Я снял Хауссона возле его квартиры. Чудную можно дать подпись: «Мокрица и Мориц». Мокрицей мы зовем Хауссона за его вечно потные руки. А Мориц — имя бульдога. Два холостяка на прогулке.

— А нельзя все же получить у него интервью? — робко спросил Рычагов.

Стиссен помолчал и вдруг захохотал:

— Хо-хо-хо! Ты же совершенно не знаешь Мокрицу. У нас здесь есть Гарри Дамп, король репортажа из газеты «Балтимор сан». Он говорит: «Легче взять интервью у мыши, которую уже съел кот, чем у Хауссона». Хо-хо-хо! Неплохо сказано?

— Он вовсе не принимает журналистов?

— Почему? Обязательно примет! Но не скажет ни слова, годного для твоей газеты! Хо-хо-хо! — Стиссен вдруг оборвал смех и уставил на Рычагова веселые глаза. — Слушай, парень, идея. Только ты соглашайся. Идем сейчас к Мокрице — он теперь как раз обедает дома. Это близко. Я гарантирую, что он нас примет. Ты будешь его атаковать, а я вас сниму и фото дам в свой журнал с подписью: «Бесполезный штурм крепости Хауссон бельгийским журналистом». Это будет выглядеть смешно и понравится американцам: какой-то бельгиец пытается обойти железного майора! Ну, сработаем?

Рычагов молниеносно обдумывал так внезапно возникшее предложение, о котором мог только мечтать. Было одно «но» — фотография, которая останется у Стиссена. «Риску, — решил он. — Можно будет потом попробовать эту фотографию из Дырявой Копилки вынуть».

— Согласен! — весело сказал Рычагов. — Поехали!

15

На вечернее свидание в ресторан «Палас» Посельская умышленно пришла раньше назначенного времени. Пусть Альма Гуц думает, что она так жаждала этой встречи, что не могла утерпеть до условленного времени. Кроме того, Наташа увидит, как они будут собираться, и лишит их возможности разговаривать без нее.

Посельская села в кресло в глубине холла, откуда был виден и вход с улицы, и часть ресторанный зала. Раскрытый иллюстрированный журнал помогал ей вести наблюдение незаметно.

С улицы вошел высокий парень в модном пальто ярко-желтого цвета. Сорвав с головы берет, он стряхнул с него мокрый снег и направился к гардеробу. Потом долго прихорашивался перед зеркалом. Наташа с трудом подавила улыбку, смотря, как он почти женскими движениями поправлял прическу, галстук, приглаживал брови, одергивал пиджак. Кончив прихорашиваться, парень заглянул в ресторанный зал, посмотрел на часы и прошел в глубь холла. Приблизившись к Наташе, он пристально посмотрел на нее:

— О! Здравствуй, птичка!

Это был тот парень, который заговаривал с ней еще в бассейне.

Наташа, не закрывая журнала, смотрела на него отчужденными глазами.

— Боже! К чему такие строгости? Ты же новая птичка из гнездышка Альмы Гуц. Верно?

— Я вас не знаю.

— С этого и надо было начинать. — Парень подошел к креслу. — Арнольд Шокман, рекордсмен, тренер, танцор, человек вне политики. А ты, если не шалит моя память, Анна Лорх... Ну, видишь, я все знаю! Будем знакомы.

Парень придвинул кресло и сел возле Наташи.

— Альма со своим Зигмундом опоздают на двенадцать минут. Это просто потрясающе! Всегда они опаздывают и всегда на двенадцать минут.

Посельская рассмеялась вместе с Арнольдом. Действительно, опаздывая ровно на двенадцать минут, в холл вошли Альма Гуц и незнакомый Наташе рослый мужчина.

— Посмотрите за моей машиной, — излишне громко сказал мужчина швейцару.

— Кому нужна твоя старая ветряная мельница! — крикнул ему Арнольд.

Мужчина помахал Арнольду рукой и пошел вслед за Альмой к гардеробу.

— Они уже познакомились. Ну что я говорила? — смеялась Альма Гуц, здороваясь с Наташей и Арнольдом. — Знакомься, Анна, — сказала она, подталкивая к Наташе своего спутника. — Это король тренеров, поэт баттерфляя Зигмунд Лисовский.

Поэт баттерфляя больше был похож на боксера. Плечистый, крупный мужчина, на плоском лице — небольшой приплюснутый нос. Массивный угловатый подбородок наискось рассечен синеватым шрамом. От этого казалось, что лицо его немного скошено на сторону.

Компания заняла столик в уютной, глубокой нише. Распоряжался Арнольд. Он долго вполголоса разговаривал с изогнувшимся дугой официантом. В это время Зигмунд Лисовский, разговаривая с Альмой, исподволь присматривался к Наташе.

— Как себя чувствует новенькая? — неожиданно обратился он к ней.

— Прекрасно. Я очень люблю этот ресторан.

— О! Значит, вы здесь бывали?

— Естественно. За то время, что я здесь, я полюбить его еще не могла.

— Молодец, Анна! — Альма захлопала в ладоши. — Учи его светскому разговору. Зигмунд славится умением задавать глупые вопросы. Счет один — ноль в пользу Анны. Матч продолжается.

— Что тут произошло? — включился в разговор Арнольд. — Наверно, Зигмунд уже успел задать какой-нибудь вопрос?

— Да, и получил от Анны по носу! — смеялась Альма. — Но ты, Ани, все же учти: если Зигмунд возьмется делать тебе баттерфляй, это — счастье. Так что не бей его очень больно.

Заиграл оркестр. Пошли танцевать: Альма с Зигмундом, Наташа с Арнольдом.

— Чудесно устроена жизнь! — говорил в ухо Наташе ее кавалер. — Еще сегодня утром я не знал, как буду убивать вечер. Все опостылело, как осень! И вдруг из бассейна выплываешь ты, прелестная Афродита, и уже хочется, чтобы вечер был бесконечным!

Болтая, Арнольд упорно приближал свое лицо к Наташиному.

— Предупреждаю вас, — сказала она насмешливо, — я не терплю вольностей в первый вечер знакомства.

— О! — Арнольд отстранился. — А какой же вечер ты предпочитаешь?

— Тот, когда мне захочется этого самой.

— Птичка, я вижу, у тебя острые коготки!

— И еще: «ты» будет тогда, когда я этого захочу.

После танца разговор как-то не клеился. Наташа этому была рада. Она могла обдумать, как ей действовать дальше. Выпили за Анну Лорх, за то, чтобы ее портрет появился в газетах.

— Альма сказала мне, что вы дьявольски выносливы, — обратился к Наташе Зигмунд. — Для баттерфляя это пер-

вое дело. Первое! — Он пристукнул по столу своим громадным чугунным кулаком.

— Не бойся, Анна, он добрый, — засмеялась Альма Гуц, заметив, что Наташа с испугом смотрит на кулак Зигмунда.

— Мы с тобой поступим так, — продолжал Лисовский, исподлобья смотря на Посельскую, — сперва тебя погоняет Альма, отшлифует технику плавания, а потом займусь тобой я.

Альма Гуц захлопала в ладоши:

— Анна, кричи «ура»! За последний год он первый раз сам предлагает свои услуги.

За это нельзя было не выпить.

— Ну а как же будет со мной? — с притворной обидой спросил Арнольд. — Я требую справедливости. Анну надо делить на троих.

— Умолкни! — грубо бросил ему Зигмунд.

Арнольд поднял руки:

— Капитулирую, капитулирую, и никаких претензий! Но как бы не появились претензии у Альмы?

— Умолкни! — уже с угрозой повторил Зигмунд.

Некоторое время все молчали, деловито поглощая еду. Снова заиграл оркестр. Альма пригласила Арнольда, и они ушли танцевать. Посельская ждала, что ее пригласит Зигмунд, но он этого не сделал. Как только Альма с Арнольдом отошли от стола, Зигмунд вытер салфеткой рот и наклонился к Посельской:

— Твой отец — человек Деница? Это правда?

— Я врать не умею. Да, мой отец морской офицер рейха.

— Как его фамилия?

— Надо думать, Лорх, раз он мой отец. Счет становится два — ноль! — Наташа засмеялась, а у самой в это время сжалось сердце от нетерпеливого и настороженного ожидания. Впрочем, проверки она не боялась — отец уже давно был «приготовлен» и жил вместе с Наташей по абсолютно достоверному адресу.

— Ну да, Лорх... конечно... — усмехнулся Зигмунд. — Учишься?

— Да. В инженерно-строительном.

— Будешь строить дома для русских колонизаторов?

— Почему? Для немцев. Только для немцев.

— По-немецки ты говоришь не очень чисто, как и я. Но я по рождению поляк.

— Это вам показалось... — С этой минуты Посельская с утроенным вниманием начала следить за своей немецкой речью.

— Что делает отец сейчас?

— Служит. На суше, конечно.

— Где?

— Как раз у русских колонизаторов. — Сделав этот смелый ход, Наташа ждала, что он даст. Ждать пришлось недолго.

— Вот как! Кем же?

— Честное слово, не знаю.

— Почему вы оказались в советском Берлине?

— Трудно перекатить на Запад наш дом, построенный еще дедом. Отец говорит: «Запад сам придет к нам».

— Вот как! Русские у вас бывают?

— Редко. Отец эти визиты не любит.

— Но все-таки бывают?... Кто?

— Инженеры какие-то... Один даже в меня влюблен.

— Очень хорошо! — Зигмунд, отстраняясь, смотрел на Наташу.

— Что хорошо?

— Все хорошо, — неопределенно ответил Зигмунд.

К столу вернулись Альма с Арнольдом, и разговор оборвался.

— А, кажется, Арнольд прав. Претензии у меня появятся! — с притворным гневом сказала Альма. — О чем это вы тут так интимно беседовали? Я все видела.

— Зигмунд задал мне миллион вопросов.

— И все глупые? — воскликнул Арнольд. — Значит, какой же теперь счет? Миллион — ноль?

— У нас был серьезный разговор, — задумчиво сказала Наташа. — Очень серьезный.

— Зигмунд — и серьезный разговор? Не верю! — вскричала Альма.

«Кривляйтесь, господа, кривляйтесь! — думала в это время Посельская. — Вы прекрасно знаете, о чем должен был говорить со мной Зигмунд. Вы же специально для этого ушли танцевать...»

Больше в течение всего ужина Зигмунд не сказал Наташе ни слова. Она тоже не заговаривала с ним, понимая, что ей нужно быть предельно осторожной и терпеливой.

Ровно в час ночи Посельская встала:

— Друзья, извините меня, но мне пора.

Все начали уговаривать ее остаться.

— Я этого не допущу! — кричал Арнольд.

— Почему вы решили, будто вы единственный мужчина, с которым я знакома? — Наташа, подняв брови, насмешливо смотрела на Арнольда.

— Анна, вы портите нам весь вечер! — сердито сказала Альма.

Наташа, наклоняясь к ней, тихо сказала:

— Я ничего не могу сделать. У меня есть друг, и он ревнив, как все. Он сказал, что заедет за мной в час ночи. Можете быть спокойны: в течение недели я дам ему отставку — он уже порядком мне надоел и своими вздохами и своей ревностью.

— Позовите его сюда, — предложила Альма.

— Тогда будет драка... — Наташа засмеялась и серьезно добавила: — Этого делать не надо... понимаете, не надо... — И Альме шепотом: — Он — русский.

Посельская быстро распрощалась со всеми и ушла.

Через минуту из-за стола поднялся Зигмунд. Он догнал ее около гардероба. Подавая пальто, тихо сказал:

— О нашем разговоре никому ни слова.

— Разговора не было, — в тон ему отозвалась Наташа.

Зигмунд вместе с ней вышел на улицу. Автомашина мнимого друга Посельской стояла шагах в десяти от подъезда. Наташа остановила Зигмунда:

— Я дойду до машины одна, иначе мой поклонник устроит мне скандал. До свиданья.

Наташа подбежала к машине, быстро села в нее, и тотчас машина скрылась в темноте. Сидевший за рулем молодой человек в шляпе, по-американски сбитой на затылок, спросил:

— Как ты думаешь, он номер машины видел?

— Наверняка. Он был ярко освещен.

— Прекрасно. Все-таки я малость струсил, ожидая, что все они выйдут вместе с тобой.

— Ничего страшного не случилось бы. Ты бы сыграл роль молчащего от ревности поклонника — и все.

— А с другой стороны, неплохо было бы всех их развести по домам и узнать адреса.

— У одного из них есть своя машина, — сказала Наташа.

— А! Это, наверно, тот старичок «вандерер», что стоял у подъезда.

— Наверно.

— Я его на всякий случай сфотографировал... Посмотри, они за нами не едут?

Наташа оглянулась:

— Нет.

— Тогда домой!

Машина круто свернула в переулок.

Машину вел Владимир Субботин, которого после неудачи на коммерческом поприще, полковник Семин подключил к Наташе Посельской. С сегодняшнего дня он уже был русским инженером, обладателем холостяцкой квартиры, автомашины и поклонником Анны Лорх.

Наташа засмеялась:

— Воображаю, какой эффект вызвало у них мое сообщение, что у ресторана меня ждет русский! Впрочем, тот, кто провожал меня, был уже подготовлен. Я ему сказала раньше...

16

Рычагов забеспокоился, что Дырявая Копилка, опьянев, сорвет интервью с майором Хауссоном. Адрес, названный американцем шоферу такси, Рычагов не расслышал и теперь пытался запомнить улицы, по которым они проезжали. Это было нелегко. Такси мчалось очень быстро, а город уже окутывали ранние осенние сумерки. Путь оказался совсем не таким коротким, как говорил Стиссен: ехали двадцать семь минут. Дом, у которого остановилась машина, был обычным жилым домом, тесно зажатым с обеих сторон такими же зданиями. Отто Стиссен, который в дороге успел вздремнуть, встрепенулся, удивленно оглянулся по сторонам, потом, видимо, вспомнив, почему он здесь, молча вылез из такси и пошел к подъезду.

Рычагов, расплачиваясь, спросил шофера:

— Как называется эта улица?

— Ромбергштрассе.

— Метро далеко отсюда?

— Рядом.

— Бельгия, где ты? — крикнул Стиссен. — Скорей!

Когда они поднимались в лифте, Стиссен сказал:

— Действуй смелее. Хауссон не любит тряпок.

Дверь им открыла пожилая немка в кружевной наколочке на пышных волосах. Стиссен бесцеремонно отстранил ее, и они вошли в переднюю. Из-под столика послышалось грозное рычание и высунулась морда бульдога.

— Мориц, тубо! — весело крикнул Стиссен.

Собака замолчала.

Тотчас быстро открылась одна из дверей, и Рычагов увидел Хауссона. Он был в стеганом халате, в руке держал открытую книгу.

— А, Дырявая Копилка! Тебе что понадобилось? — Говоря это, Хауссон пристально смотрел на Рычагова. — Не спутал ли ты адрес? Ведь здесь живу я, а не мисс виски.

— Я ничего не спутал, Хауссон, — спокойно и трезво ответил Стиссен. — Поскольку после обеда спать вредно, я привез бельгийского коллегу, который хочет задать тебе парочку вопросов. Познакомьтесь: это журналист Пауль Рене.

Рычагов, видя, что Хауссон не собирается протягивать руки, поклонился, удивляясь меж тем памяти Стиссена, который не забыл его бельгийского имени.

Хауссон обратился к Рычагову:

— Я не знаю, сколько Стиссен взял с вас за эту протекцию, но он должен был предупредить вас, что, в общем, это неблагоприятная трата времени.

Это было похоже на предложение убираться восвояси. Рычагов робко и просительно сказал:

— Мистер Хауссон, я прошу вас подарить мне пятнадцать минут.

— Проходите! — Хауссон посторонился, пропуская мимо себя Стиссена и Рычагова.

Кабинет Хауссона, куда они вошли, оказался очень просторным, но вся его обстановка состояла из одного стола, перед которым беспорядочно стояли пять жестких кресел. Полированная поверхность стола сияла, освещенная настольной лампой дневного света. Из пепельницы под абажур струилась голубая ленточка дыма. Больше на столе ничего не было. Все стены были оклеены однотонными светлыми обоями. От камина распространялось тепло — там багрово тлела горка каменного угля.

Хауссон сел за стол, сцепил тонкие пальцы рук и посмотрел на Рычагова:

— Спрашивайте.

Рычагов улыбнулся:

— Я предупрежден мистером Стиссеном, что о самом интересном вы молчите. Было бы удивительно, если бы у вас была слава иная.

— Тогда просто не было бы меня, — небрежно обронил Хауссон.

— И поэтому вы авансом простите мне мои глупые вопросы. Но я буду стараться спрашивать вас о том, о чем можно сказать.

— Спрашивайте.

— Чем вызвано ваше прозвище «Отец русских перебежчиков»?

На сухом желтоватом лице Хауссона мелькнула тень улыбки. Показав на Стиссена, возившегося в это время со своим фотоаппаратом, он сказал:

— Из всех кличек, щедро изготовляемых журналистами, только Стиссену досталась точная, а потому и всем понятная — Дырявая Копилка... Верно, Стиссен?

Тот кивнул и стал целиться объективом на Хауссона и Рычагова.

— Зачем ты снимаешь?

— Я напечатаю этот снимок с подписью: «Бесполезный штурм Бельгией американской крепости Хауссон». Неплохо?

Хауссон благосклонно улыбнулся, и Рычагов понял, что майор лести не отвергает.

— Вы мне не ответили, мистер Хауссон, — сказал Рычагов.

— Разве? — притворно удивился Хауссон. — Ах, да! Прозвище глупое. Если я отец русских перебежчиков, должна быть и мать. Но кто она?

Да... Штурмовать крепость Хауссон нелегко, Рычагов это уже видел. Майор был скользкий, как мокрый камень.

— Бывают ли случаи побега американцев туда, на восток?

— Бывают, — мгновенно ответил Хауссон.

— Много таких случаев?

— Не считал.

— А почему бегут американцы?

— Это лучше всего узнать у них самих.

Отто Стиссен, тихо посмеиваясь, продолжал щелкать фотоаппаратом.

— Кто прибежал с востока последний? — спросил Рычагов, впившись взглядом в Хауссона.

— Тот, после которого больше пока никого не было.

Конечно, Рычагову хотелось назвать фамилию Кованькова и посмотреть хотя бы, как прореагирует на это Хауссон, но такое уточнение могло показаться майору подозрительным.

— Русские уверяют, что их людей еще и похищают. У них есть хоть какое-нибудь основание для этого?

— У них? — переспросил Хауссон.

— Да.

— Так почему же вы спрашиваете об этом у меня? Я лично в подобных голливудских сюжетах не участвую.

— Вы лично нет, но, может быть, это делают ваши люди?

Хауссон удивленно посмотрел на Рычагова и громко крикнул:

— Фрау Эльза!

В комнату вошла та пожилая женщина, которая открывала дверь.

— Фрау Эльза, вы когда-нибудь участвовали в похищении русских?

У женщины глаза стали круглыми.

— Что вы говорите, мистер? Никогда.

— Спасибо. Извините. Можете идти.

Женщина вышла. Хауссон сказал:

— А больше у меня никаких людей нет.

— Хо-хо-хо! — Стиссен, держась за живот, ходил по кругу. — Нет, Бельгия, куда тебе с твоей бейсбольной площадкой! Хо-хо-хо!

Майор Хауссон сидел с бесстрастным лицом, на котором ни один мускул не дрогнул.

— Да, мистер Хауссон, у меня только один способ порадовать своих читателей: это точно изложить нашу беседу, не думая о том, что я буду выглядеть полным идиотом.

— Это уже ваше дело, — отрывисто произнес Хауссон и посмотрел на часы. — Мой послеобеденный отдых окончен. Извините. — Он встал.

...Рычагов со Стиссеном вернулись в бар.

— Ну, бейсбол, укусил себя за ухо? Хо-хо-хо!

Рычагова удивляло, что Стиссен был совершенно трезв.

— Ой, парень, и вид же у тебя был! Котенок беседует с бульдогом. Хо-хо-хо!

Рычагов махнул рукой:

— Выпьем с горя.

— Вот это разговор мужской! Я уж думал, ты не догадаешься.

Стиссен опьянел очень быстро, но теперь с ним произошла совершенно иная метаморфоза: он стал мрачным и злым.

— Знаешь, что такое Америка? — вдруг заговорил он. — Все делают бизнес?.. Чепуха! Все только думают, что делают бизнес.

— Все же мы знаем, — возразил Рычагов, — что у вас частной инициативе дан полный простор.

— Идиот! Насмотрелся нашего кино! Мой дед, пионер заселения, умер нищим. Отец лбом бился о стену — тоже делал бизнес. Умер, не выплатив кучу кредитов. Из дома нас вышвырнули, мебель отобрали. Тьфу! Теперь вот я кувыркаюсь. Но я человек благородный — я не пложу детей, поколение нищих на мне заканчивается. Хватит!.. Чего ты улыбаешься? Вернешься на свою бейсбольную площадку — твой шеф даст тебе коленом знаешь куда!

— Не исключено, — грустно улыбнулся Рычагов.

— А я на тебе все-таки заработаю.

— Сколько?

— Если у моего шефа печень будет в порядке, долларов пятьдесят.

— Даю сто.

— За что?

— За пленку с моим портретом. Сами понимаете, если это фото будет у вас напечатано, мой шеф уже наверняка воспользуется своим коленом.

— Серьезно, бейсбол, сто?

— Серьезно. Только марками.

— Один черт. Давай.

Стиссен начал быстро, профессиональным движением перематывать пленку.

— Засветить?

— Не надо. За сто долларов дайте без засвечивания, сам дома проявлю на память.

— Тогда еще пять долларов за кассету.

— Ладно.

Рычагов получил пленку, передал деньги Стиссену и расплатился по счету. Вскоре они расстались.

— Ты все же деловой парень. — говорил Стиссен, прощаясь. — Если тебе еще понадобится моя помощь, я здесь каждый день в обеденное время. Приходи, сделаем еще какой-нибудь бизнес. — Он махнул рукой и грузно зашагал в ночную темень, расплавленную цветным кипением неоновых реклам.

17

Полковник Семин любил говорить: «Для нас терпение — часть умения». Но все сотрудники давно знали: если он вспомнил это присловье — значит, дело идет плохо.

Пока Субботин, Рычагов и Посельская докладывали о проделанной ими работе, полковник Семин, которому врачи запретили курить, то и дело брал из коробки папиросу, разминал ее пальцами до тех пор, пока из нее не начинал сыпаться табак, который он потом аккуратно с ладони пересыпал в пепельницу, а пустую гильзу кидал в мусорную корзину. Через минуту он брал из коробки новую папиросу... Когда коробка опустела, он ее бросил в

корзину и вынул из стола новую. Так он «выкурил» две коробки «Казбека», и ни разу тяжелые его веки не приподнялись, чтобы посмотреть на сидящих перед ним сотрудников.

Последней рассказывала Посельская. Она очень волновалась, потому что, выслушав сообщения своих товарищей по оперативной группе, считала, что она находится ближе всех к существу дела, особенно после сегодняшней утренней встречи с Арнольдом Шокманом.

— Я еще во время тренировки, — рассказывала она, — заметила, что он меня ждет и явно нервничает. Когда я вылезла из бассейна, Альма Гуц сделала мне несколько торопливых замечаний и, оглянувшись по сторонам, сказала, что сегодня вечером мне нужно встретиться с Зигмундом Лисовским. Она назвала час и место встречи. Я сказала, что в это время буду занята. Она заметно растерялась, а потом очень строго и многозначительно сказала: «Анна, ты должна с ним встретиться. Это свидание не любовное, но для тебя может значить очень много. Понимаешь?» Я сделала вид, что обдумываю, как мне быть, а потом сказала, что постараюсь. В вестибюле я увидела Арнольда. Он явно ждал меня. На улице он спросил, куда я иду. Я сказала — в институт. Он взялся меня проводить. Целый квартал мы шли молча, потом он спрашивает, не можем ли мы встретиться вечером... Я отвечаю, что не могу. Он как-то странно засмеялся и говорит: «Понимаю... Встреча с королем баттерфляя Лисовским!» — «Хотя бы», — ответила я. Он помолчал и вдруг говорит: «Анна, вы мне чертовски нравитесь, и потому я скажу вам: осторожней с Лисовским. Кроме баттерфляя он может вам дать старт на такие дела, где можно в два счета сломать шею». Я попросила его говорить яснее и поддразнила замечанием, что не люблю мужчин, которые из ревности поносят своих даже мнимых соперников. Он долго молчал, а у подъезда института, когда я стала с ним прощаться, сказал: «Анна, я сообщил вам то,

что считал нужным сообщить, и больше не скажу ни слова». У меня все... — Окончив сообщение, Посельская не сводила глаз с полковника. Но тщетной была ее надежда угадать, что он думает о ее делах...

В комнате несколько минут царило молчание. Слышно было только, что Семин разминал очередную папиросу.

— Начнем с материала Рычагова, — нарушил наконец молчание Семин. — Хорошо, что он встретился с Хауссоном. Ценно то, что установлены маршруты движения майора по городу, поскольку мы имеем основания думать, что Хауссон занимается лейтенантом Кованьковым. Выяснилось, например, что Хауссон ежедневно ездит не только в зону «Игрек», но и еще по одному адресу, которого мы раньше не знали. Это очень важно. Продумайте, Рычагов, как поглубже «разведать» этот адрес. Со Стиссенем больше встречаться не нужно, и в клуб прессы не ходите. Стиссен сделал для нас все, что мог, и пусть дальше занимается своим бизнесом без нашего участия...

Полковник стряхнул в пепельницу выкрошенный табак и взял новую папиросу.

— Главное сейчас — как можно быстрее нащупать путь, ведущий нас к цели, и отказаться от всего, что от цели уводит. В этом смысле поучительна неудача коммерческих предприятий Субботина. Теоретически мы могли, конечно, рассчитывать на то, что среди американских офицеров, занимающихся спекуляцией, может оказаться и экземпляр для нас полезный. Но не так-то просто такого найти. Первый рыночный знакомый Субботина был явно маленькой сошкой, и, наверно, мелкую торговлю с ним мы наладили бы, но без пользы для нашего дела. А вот Купер — это птица совсем другого полета. Советскими деньгами там интересуются уже не коммерсанты. Вы, Субботин, сработали хорошо. Купер, видимо, поверил, что вы спекулянт, и не больше, но он все же решил почему-то, что вы фигура ненадежная. И дело тут было в гарантии не столько материальной, сколько политической.

— Может быть, мне нужно было подпустить политики? — спросил Субботин.

— Подпустить? — Веки полковника дрогнули, и он недовольно посмотрел на Субботина. — Считать их дураками — самая трагическая для нас ошибка.

— Гениев среди них я тоже не видел, — буркнул Субботин.

— Но и вы ведь не гений! — зло сказал полковник. — Конечно, они ошибки делали и делают, — помолчав, продолжал полковник, — но замечу: чем дальше, тем меньше. Опыт ошибок учит и их. Нельзя об этом забывать. Еще год назад Купер пошел бы на сделку очертя голову, а теперь — извините. Попробовал бы, например, Рычагов предложить Хауссону сделку с часами — в следующую секунду он вылетел бы на лестницу. Мы имеем дело с противником неглупым, опытным и отлично понимающим недостатки своих кадров. Вот почему легкое для нас всегда должно быть подозрительным. А послушать Посельскую, так можно подумать, что она завтра принесет нам ключ от дома, в котором спрятан Кованьков. Не торопитесь, товарищ Посельская! Еще раз — не торопитесь! Может оказаться, что вы случайно наткнулись на людей, которые объективно могут нас интересовать, но которые не имеют никакого отношения к похищению Кованькова. И может статься, что вы с каждым днем будете все дальше уходить от цели, стоящей перед оперативной группой. Ведь кроме того, что Рената Целлер тренировалась в группе Альмы Гуц, у нас нет никаких других нитей. Факт соучастия в похищении самой Ренаты все еще висит в воздухе. Значит, главное для нас, товарищи Посельская и Субботин, — приближаться к цели. Один из вас должен немедленно выехать во Франкфурт-на-Одере. Свяжитесь там с немецкими товарищами. Нужно организовать наблюдение за Ренатой Целлер и выяснить достоверность версии о причинах ее отъезда из Берлина.

Во Франкфурт Субботин поехал не один. В вагоне напротив него сидел заметно нервничавший капитан Радчук. Его попросили съездить как единственного сослуживца Кованькова, знающего Ренату Целлер. Во Франкфурте он должен был, если в этом появится необходимость, помочь Субботину познакомиться с Ренатой.

Неуютным осенним утром под гулкие своды франкфуртского вокзала с поезда сошло не больше десяти пассажиров. Вместе с ними, стараясь не привлекать к себе внимание, вышли и Радчук с Субботиным.

Больницу, в которой лежала сестра Ренаты, они нашли быстро. Субботин пошел в местное управление госбезопасности, а Радчук ждал его в маленьком кафе напротив больницы. Кроме Радчука, в кафе посетителей не было. Две девушки-официантки в углу за прилавком щебетали о чем-то своем. Они настороженно посматривали на хмурого молодого человека, сидевшего над нетронутой чашкой кофе.

Радчук через окно рассеянно наблюдал утреннюю жизнь города. И небо и улица были заштрихованы серой сеткой мелкого дождя. Когда проходил трамвай, чуткий колокольчик на двери кафе отзывался легким дребезжащим звоном.

«Неужели Рената Целлер враг?» — думал Радчук. Верить в это не хотелось. Между тем все, что рассказал ему Субботин, было более чем подозрительно.

Колокольчик звякнул решительно и громко. В кафе вошла девушка в дождевике. Она откинула на спину капюшон... Радчук замер. Это была Рената Целлер. Навстречу ей из-за прилавка выбежала официантка.

— Здравствуйте! А мы думали, что вы сегодня уже не придете. Решили, что ваша сестра выздоровела, — веселой скороговоркой прошептала официантка. — Вы же всегда заходите ровно-ровно в девять... Как здоровье сестры? Вы возьмете, как обычно?

— Да-да, — нетерпеливо ответила Рената. — Термос кофе и три свежие булочки. Сестра очень полюбила ваши булочки.

— Можете подождать пять минут?.. Будет готов свежий кофе. Присядьте.

Рената положила сумку на прилавок и села за столик.

Радчук совершенно не знал, как ему поступить. Субботин, как назло, словно сквозь землю провалился.

Рената посмотрела в зеркальце, попудрила нос, потом взглянула на свои ручные часики и перевела взгляд на висевшие у входа большие электрические часы. (Радчук видел все это уголком глаза.) Затем она обвела кафе отсутствующим взглядом. Глаза у нее вдруг расширились, и она сделала непроизвольное движение, будто хотела убежать. Она увидела и узнала Радчука. Суетливо застегнув пуговицы дождевика, девушка встала и медленно подошла к Радчуку:

— Здравствуйте. Я не ошиблась?

— Нет, вы не ошиблись, — неприязненно ответил Радчук. Он не умел скрывать свои чувства.

— Здравствуйте, капитан.

Радчук молчал и, продолжая сидеть, в упор, зло смотрел на Ренату.

Лицо ее медленно заливала меловая бледность; неловко, боком она опустилась на стул.

— Я знаю, что вы думаете, — тихо сказала она и после долгой паузы добавила: — Но вы не знаете... ничего не знаете.

Радчук молчал.

В это время прозвонил звоночек, и в кафе вошел Субботин. Он быстро подошел к столу.

— Это Рената Целлер, — громко сказал Радчук.

На лице Субботина не дрогнул ни один мускул.

— Твоя знакомая? — весело спросил он и протянул руку Ренате. — Сережа. Разрешите присесть?

Субботин сел и уставился на Ренату. Она сидела все в той же позе и смотрела вниз.

— У вас что, ссора? — быстро спросил Субботин.

Радчук и Рената молчали. Девушки-официантки с любопытством наблюдали за тем, что происходило у столика.

— Товарищи, я не виновата, — тихо произнесла Рената. — Почти не виновата...

Веселость мгновенно слетела с лица Субботина. Он понял, что игра не нужна.

— Я все расскажу вам, все...

Рената впервые посмотрела на Субботина. Их взгляды встретились.

— Вы идете к сестре? — деловито спросил Субботин.

— Да.

— Идите. А когда освободитесь, зайдите в местное управление госбезопасности и расскажите там все, что вы знаете по интересующему нас вопросу. Зайдете?

— Зайду, — твердо ответила Рената.

Она встала, расплатилась с официанткой и ушла.

Субботин и Радчук через окно смотрели, как она медленно перешла улицу и скрылась в больничных воротах.

— Она зайдет, — точно про себя сказал Субботин. — Должна зайти. Ну и номер получился! Влетит мне от Семина, ох как влетит!

19

Вот что рассказала Рената Целлер.

— Когда окончилась война, мне было шестнадцать лет, а старшей моей сестре, Алисе, которая сейчас лежит здесь в городской больнице, было двадцать три года. Всю войну мы прожили в Берлине. Наша мама и младший брат погибли во время бомбежек в сорок четвертом году. Отец был нацистом и занимал ответственный пост в рейхсканцелярии Гитлера. Последний раз я его видела в начале марта сорок пятого года. Немного позже к нам зашел его сослуживец, который сообщил, что отец погиб как герой, и вручил нам его ордена и большую сумму денег. Конец войны

мы встретили вдвоем с сестрой. Ее муж, военный летчик, пропал без вести на Восточном фронте...

Рената замолчала, обвела всех находящихся в комнате затуманенным взглядом, выпила глоток воды и продолжала рассказ:

— Сестра была для меня всем: и матерью, и другом. Естественно, я ее любила и верила ей во всем, хотя совершенно не знала, что у нее на душе. Она вообще очень скрытный человек. Я часто видела ее неподвижно сидящей в глубокой задумчивости. Она могла сидеть так часами. Я подходила к ней, обнимала ее, заглядывала ей в глаза: мне хотелось, чтобы она улыбнулась. Но это удавалось редко. Чаще она грубо отстраняла меня, говоря: «Не мешай мне, Рената, твое дело поскорей расти». До прошлого года она жила в Берлине. Работала продавщицей газет на аэродроме Шонефельд, а потом переехала сюда, во Франкфурт. Здесь тогда еще была жива мать ее мужа, у которой она и поселилась.

Почему она переехала? После гибели матери и брата мы жили у наших дальних родственников. Сестра с ними очень не ладила. Там вся семья трудовая, демократически настроенная, имеющая все основания ненавидеть нацистское прошлое Германии. А сестра, наоборот, вся в этом прошлом. Сидеть в газетном киоске после того, как она была женой блистательного офицера авиации, сына богатых и знатных родителей, было для нее форменной мукой. Ее тоже надо понять. Вообще я почти всегда была на стороне сестры. Окончив школу, я поступила на курсы библиотекарей. Затем стала работать в библиотеке. Сестра уехала. Родственники пытались меня перевоспитать, и это их заслуга, что я сейчас сижу здесь и все честно рассказываю. Но, если вы спросите обо мне у них, они скажут вам только плохое. Это потому, что все их разговоры и советы я встречала в штыки, грубила и назло им делала, что хотела. Возьму уйду из дома и не возвращаюсь до поздней ночи. Они хотели, чтобы я поступила в вечерний институт, а я нарочно по вечерам стала заниматься водным спортом.

Месяца четыре назад я познакомилась с Кованьковым. Познакомились мы случайно — просто оказались рядом в кино. Это знакомство сыграло в моей жизни огромную роль. Интересно, что Кованьков говорил мне то же самое, что говорили родные, но он говорил это без крика, без угроз, а просто, весело, по-дружески. В его слова я верила больше, и мне очень хотелось, чтобы он во мне не ошибся.

Теперь я перехожу к самому страшному событию в моей жизни. Однажды утром я вышла из дому, и у дверей меня остановил хорошо одетый мужчина лет пятидесяти. «Вы, — спрашивает, — Рената Целлер? Вот вам письмо от сестры. Я хочу с вами поговорить». Я сказала, что опаздываю на работу. Тогда он говорит: «Прочтите письмо в библиотеке, а я буду ждать вас вечером. Придете — хорошо. Не придете — ваше дело». Сказал, где он будет меня ждать, и ушел.

Письмо сестры было очень кратким. Она писала, что человек, который его передаст, большой друг нашей семьи и что он должен сказать мне какую-то очень важную правду. Только правду. Эти два слова были подчеркнуты. Свое письмо она просила уничтожить...

Все это меня заинтриговало, и после работы я встрети-лась с этим человеком. Сердце говорило: не ходи, но я все-таки пошла. Первое же, что он сказал, поразило меня до глубины души, у меня буквально потемнело в глазах. Он сказал, что наш отец жив, что он находится неподалеку, в Западной Германии. Тут же он передал мне подарок от отца. Это был конверт с деньгами. Затем он сказал, что отец живет одной мечтой — повидать своих девочек, что ему хочется приехать в восточную зону, хотя это трудно и опасно. Потом он попросил меня написать отцу несколько строчек, дал бумагу и ручку. Я долго думала, а потом написала, что счастлива от полученного известия, что я люблю его и очень хочу видеть. Человек сказал: «Поблагодарите его за подарок, — и прибавил: — Ваша благодарность будет и

доказательством, что деньги вам переданы». Я написала: «Спасибо, папочка, за деньги, они мне, конечно, пригодятся». После этого мы расстались...

С этой минуты вся моя жизнь точно перевернулась. Я все время думала об отце, мечтала, что мы будем жить вместе: я, сестра и он. Эти мысли не давали мне покоя ни днем ни ночью. А вскоре ко мне пришел еще один человек от отца. Он принес мне его фотографию и снова деньги. Теперь я написала отцу уже длинное письмо. Вскоре третий человек принес мне ответ от отца. Я узнала его почерк. Таким же почерком были написаны все его давние письма к маме. Эти письма я хранила и знала наизусть. Отец писал, что мы в самом скором времени увидимся...

И вот однажды возле библиотеки меня встречает тот мужчина, который приходил первый раз, и рассказывает мне следующее: отец окончательно решил порвать с Западом и поселиться в восточной зоне. Но он боится, что здесь его упрячут в тюрьму, поэтому он собирается предварительно доказать здешним властям свою лояльность... Он думает сделать это с помощью советского офицера, с которым я дружу. Да-да, отец об этой дружбе знал... Откуда? Это мне неизвестно.

В письме отца говорилось, что пока он может довериться только этому офицеру. Он надеялся, что во имя дружбы со мной офицер окажет ему помощь или прямо скажет, что помощь невозможна. Словом, отец просил сделать все, чтобы он мог встретиться с русским офицером в моем присутствии. Я во все это поверила.

Они меня торопили, но все время так получалось, что я оказывалась занята, а чаще — Кованьков... Нет-нет! О том, что готовится такая встреча, Кованьков не знал, не знал он этого и в тот вечер, когда я позвала его погулять по городу, хотя, когда я звонила ему, рядом со мной находился очередной посланец от отца.

Кованьков согласился погулять. Посланец сказал: «Приходите к Варшавскому мосту, там вы сядете в машину,

которая отвезет вас на свидание с отцом». Меня и удивило и обрадовало, что в машине, которая к нам подъехала, когда мы с Кованьковым стояли у моста, из двух пассажиров один оказался моим знакомым по тренировкам в бассейне. Это был Арнольд Шокман. Я вспомнила, что в последние дни Арнольд и особенно мой тренер Альма Гуц все время делали мне какие-то таинственные намеки, будто им предстоит участвовать в устройстве моего счастья... Нет, второго находившегося в машине мужчину я не знала. Я заметила только, что по-немецки он говорит не чисто...

Мы поехали вдоль набережной. Когда мы удалились от моста метров на пятьсот, я вдруг увидела, что Кованьков падает на пол машины. Тотчас незнакомый мужчина накрыл его попоной и приказал шоферу остановиться. «Вылезайте!» — крикнул он мне и Арнольду. Мы вылезли из машины. Незнакомец тоже вылез, отвел нас в сторонку и, обращаясь ко мне, сказал: «Русский офицер готовил арест твоего отца. Мы вовремя это разнюхали. Мы — и твой отец в особенности — рекомендуем тебе молчать. У нас достаточно твоих писем с благодарностями за деньги, которые ты получала. Лучше всего сегодня же уезжай во Франкфурт к сестре. Она, кстати, очень тяжело больна». Потом он сказал Арнольду несколько слов, которых я не расслышала, вернулся в машину, которая помчалась обратно к Варшавскому мосту. Вот и все, что я знаю...

Да, конечно, я с Арнольдом говорила — вернее, он говорил со мной. Я вообще была так потрясена, что слова произнести не могла. Арнольд остановил такси и отвез меня домой. Пока мы ехали, он без конца твердил мне на ухо, что наше спасение только в одном: молчать, что бы ни случилось. Мы, мол, ничего не знаем, и все. Я должна сказать, что Арнольд тоже был испуган и очень взволнован...

Да, я уехала во Франкфурт в ту же ночь на первом попавшемся поезде...

Сестра лежит в больнице, и главный врач говорит, что ее дела очень плохи... Нет, кроме главного врача, я ни с кем

не говорила. Он всегда бывает, когда я прихожу в больницу, сам проводит меня к сестре и потом провожает до ворот... Нет, сестра выглядит вполне прилично.

20

Зигмунд Лисовский назначил Посельской свидание в букинистической лавчонке, разместившейся в подъезде разбитого во время войны дома. Посельская даже не сразу нашла ее. Вывеска на узенькой двери была размером в тетрадный лист.

В лавке пахло мышами и столярным клеем. Всю ее левую, скошенную лестничным пролетом стену занимали стеллажи с книгами. В задней стене находилась низенькая дверь, завешенная суконной гардиной. Оттуда вынырнул, точно специально подобранный по размеру двери, кругленький коротышка в грязном синем комбинезоне.

— Что вам угодно, мадам? — Коротышка выпуклыми, слезящимися глазами с раболепным выражением уставился на девушку.

— Покажите мне какие-нибудь французские романы.

— Сию минуточку! — Коротышка вспрыгнул на стремянку, выхватил с полки несколько потрепанных книг и рассыпал их на прилавке.

— Французов, извините, у нас маловато. Последствия чисто исторического порядка. — Склонив шарообразную голову, букинист смотрел, как Посельская перелистывала книги.

Наташа недоумевала. Она пришла сюда с десятиминутным опозданием, а Зигмунда Лисовского нет.

— Пожалуй, возьму вот эту... — нерешительно сказала Посельская. — Сколько стоит?

— Мадам, а может, не стоит зря тратить деньги?

Встретив удивленный взгляд Наташи, букинист тихо произнес:

— Господин Лисовский ждет вас там, — и показал на заднюю дверь.

За дверью была маленькая комнатуха, в которой стояли кровать, стол и один стул. На кровати сидел Зигмунд Лисовский. Когда Наташа входила в комнату, он посмотрел на часы.

— Любишь опаздывать? — спросил он без тени улыбки.

— Пришлось пропустить два поезда метро — люди едут с работы.

— Садись. — Лисовский кивнул на стул. — Свидание у нас не любовное, не будем тратить время. Я хочу поговорить о твоём отце.

— Это ещё зачем? — спросила Посельская, думая в это время, как вести себя в связи с таким неожиданным желанием Лисовского.

— Видишь ли...

Наташа заметила, что король тренеров немного смутился и не знает сам, как начать разговор. Он тряхнул головой и точно сбросил смущение.

— Я не умею финтить, будем говорить прямо. Я из тех, кому не нравится, что Германия разодрана на куски, и которые не собираются с этим мириться. Германии не нужны ни русские, ни англичане, ни тем более французы. А русских мне просто трудно видеть на улицах Берлина!

Наташа заметила, что американцев он не назвал.

— Мы те, кто не капитулировал вместе с Кейтелем и готов пойти на все ради Германии. Твой отец офицер морских сил рейха? Так?

— Был, — уточнила Наташа.

— Что значит «был»? Немецкий офицер всегда офицер, пока он жив, — быстро произнес Лисовский. В глазах у него вспыхнул и тотчас погас злобный огонь.

— Мой отец увлечен своей гражданской профессией.

— Ерунда! Откуда ты знаешь, что у него на душе?

Некоторое время они оба молчали.

— Ну и что же вы от меня хотите? — спросила Наташа.

Лисовский посмотрел на Посельскую раздраженно и вместе с тем настороженно.

— Прежде всего не забывай, что ты немка, — усмехнулся он.

— Я это всегда помню.

— Тогда отец твой помнит это вдвойне. Он кровь проливал за Германию. Наверное, с ним мне говорить было бы легче.

— Смотря о чем! — Посельская с вызовом смотрела на Лисовского.

— Все о том же — о Германии. Он же ведь не стал красным?

— Он был и остался немцем...

— Красные тоже кричат, что они немцы.

— Знаете, что я вам скажу... — Посельская смело смотрела в холодные глаза Лисовского. — Я категорически не желаю заниматься политикой. Это все знают в моем институте, это знает мой отец, мои друзья и должны знать вы. Я делаю то, что мне нравится. Учусь. Мне нравится спорт — я занимаюсь спортом. Мне нравится парень — я провожу с ним время.

— Русский? — усмехнулся Лисовский.

— Сегодня — русский, завтра — египтянин. Важно, чтобы нравился. И больше я ничего не хочу знать. Groш цена вам, занимающимся политикой, если вы не можете обойтись без того, чтобы не тянуть в политику таких, как я!

— Но твой-то отец мужчина? — после долгой паузы устало произнес Лисовский.

В его глазах Наташа прочла разочарование. Возможно, что он уже злился на себя, что организовал это бесполезное свидание. И тогда Посельская решила подбодрить его немного.

— Я поговорю с отцом, — сказала она.

— О чем? — насторожился Лисовский.

— Вообще. Я с ним как-то ни разу не говорила о политике. Мне даже самой вдруг стало интересно, что он думает обо всех этих вещах.

— О каких?

— Ну, Германия, Германия и еще раз Германия.

— А кто, между прочим, тот русский, который сегодня тебе нравится? — вдруг спросил Лисовский.

— Мужчина. Молодой, интересный, острый.

— Чем занимается?

Наташа засмеялась:

— Мне не приходило в голову задать ему этот вопрос и заодно уже поинтересоваться и его зарплатой. До замужества еще не дошло. Сам он говорил, что он военный инженер, что-то тут у нас консультирует...

— Что именно?

— Да не знаю я! — искренне возмутилась Посельская. Помолчала и робко спросила: — Наверное, вы больше уже не будете заниматься со мной баттерфляем? Мне очень жаль.

— Да? — Лисовский почти улыбнулся. — Нет, почему же, позанимаемся. Ведь ты обещала поговорить с отцом... — Он тяжело поднялся с постели. — Ты уйдешь отсюда одна. Извини, что не провожаю.

— Этим занимается мой русский, — засмеялась Наташа.

— Он что, опять ждет тебя? — не сумев скрыть испуг, спросил Лисовский.

— О нет! Не хватало, чтобы он провожал меня на свидание с другим женщиной!

Наташа вышла на улицу, довольная собой. Кажется, она не сделала ничего такого, за что полковник Семин пробирал бы ее на очередном совещании.

21

Рычагов установил, что Хауссон каждое утро ездил на улицу Хенель. Оставив машину на площади Майбах, он пересекал бульвар, по улице Хенель доходил до пятиэтажного дома очень старой постройки и скрывался за обшарпанной массивной дверью.

На улице, по обеим сторонам двери, висело множество табличек, по которым можно было узнать, кто живет в этом доме. Зубной врач, протезист, адвокат, учитель музыки и много еще всяких других полезных людей. Не было только таблички, пояснявшей, что в этом доме на втором этаже находится один из филиалов ведомства майора Хауссона.

«Он человек скромный — не хочет афишировать свою фирму», — угрюмо усмехнулся полковник Семин, когда Рычагов показал ему фотографию подъезда дома на улице Хенель.

...Войдя в парадную дверь, майор Хауссон поднялся на первый пролет лестницы, отпер своим ключом дверь и вошел в переднюю, ярко освещенную лампой дневного света. В самом конце коридора, возле маленького столика, вытянув ноги, сидели два солдата. У одного на шее висел автомат, у другого на поясе — кобура с пистолетом. На майора Хауссона солдаты не обратили никакого внимания; можно было подумать, что они спят.

Хауссон прошел в одну из комнат, где молодой человек, присев на угол стола, диктовал что-то стенографистке. Не прерывая диктовки, он помахал майору рукой и показал на стол, посреди которого лежала папка ярко-желтого цвета. Майор Хауссон сел на стол и, открыв папку, начал читать бумаги. Молодой человек подошел к Хауссону и раздраженно сказал:

— Я был у него уже два раза — все по-прежнему!

— Терпение, Жерард, — не отрываясь от бумаг, сказал Хауссон. — А это вы читали?

Майор протянул молодому человеку узенькую полоску шифровки.

— Конечно, читал. Всего этого следовало ожидать.

Майор Хауссон ударил кулаком по столу.

— Зачем они держали его в Мюнхене? Мы же им говорили, что этот русский попросту мелкий вор и бежал к нам от неминуемой тюрьмы. Предупреждали идиотов, что

его нужно как можно скорее отправить подальше. Была же очередная отправка перемещенных в Австралию. Там бы он спокойно окошел от тропической лихорадки. А они держали его в Мюнхене, пока газетчики не узнали, что он за птица. Теперь скандал на всю Европу.

Молодой человек усмехнулся:

— Хоть теперь его нужно обезвредить. Автомобильная катастрофа, или сердечный припадок, или еще что-нибудь...

— Да-да, конечно... — рассеянно пробормотал Хауссон. — Сегодня же, Жерард, сами поезжайте в Мюнхен и сделайте все, что нужно... А этот продолжает молчать?

— Как попугай, твердит одно и то же — требует немедленного освобождения.

— Ну что же, пойду поработаю с ним я.

Хауссон вышел из комнаты и направился в конец коридора, где сидели солдаты. Те лениво подтянули ноги и медленно встали. Один из них повернул ключ в обитой железом двери. Хауссон вошел в комнату, в которой несколько дней назад очнулся лейтенант Кованьков...

В это время Рычагов, очередной раз пропутешествовав за Хауссоном от его квартиры до дома номер три по улице Хенель, занялся тщательным исследованием дома. Он уже давно обнаружил, что во двор с улицы Хенель въезда нет. Во всех соседних домах ворота во двор были.

Рычагов вошел во двор соседнего дома с правой стороны. Этот двор был обрезан глухим брандмауэром дома номер три — абсолютно глухая стена, только под самой крышей круглое вентиляционное окошко. По всей вероятности, оно служило для освещения чердака. Внимательно ощупав взглядом стену, Рычагов с трудом заметил, что раньше в ней на уровне второго этажа было окно. Теперь оно заделано старым кирпичом, который по цвету сливался со стеной.

Рычагов прошел во двор дома, стоящего слева. И сюда дом номер триставлял такую же глухую стену. Разница была только в том, что здесь окно на втором этаже не было

замуровано и, судя по всему, за ним была жилая квартира. На подоконнике стояли цветы.

Дом номер три был сильно вытянут в глубину, его брандмауэры были гораздо длиннее фронтона. Соседние дворы не были проходными. Но где же тогда двор дома номер три? Рычагов вышел на улицу Хенель, затем перекрестком прошел на параллельную улицу Беникен. Он предположил, что дом номер три вторым фасадом выходит на параллельную улицу и что там и может оказаться въезд в его двор. Но еще издали он увидел, что интересующий его дом на параллельную улицу не выходит. Здесь на улицу пустыми глазницами окон смотрел разбитый четырехэтажный дом. Разрушена была и половина следующего здания. Все двери и нижние окна разрушенных домов были замурованы кирпичной кладкой, и пробраться внутрь развалин было невозможно.

Рычагов медленно шел вдоль мертвых зданий. Последнее выходило на площадь Майбах. Здесь, в трех шагах от угла, Рычагов остановился и задумался. Ведь не может же быть, чтобы у дома номер три не было подъезда со двора... Во всяком случае, майору Хауссону такой подъезд был нужен.

Чтобы вернуться на улицу Хенель, Рычагов завернул за угол и замер на месте. В глубине боковой стены разбитого дома он увидел плотные высокие ворота, окованные железными полосами. Он и раньше видел эти ворота, но ему не приходило в голову, что они, так далеко отстоящие от дома номер три, могли вести именно туда. Ворота были заперты изнутри, и в них не было ни одной щели.

Рычагов прошел на бульвар, сел на скамеечку, откуда хорошо были видны ворота, и стал ждать. Часа через два с улицы Беникен вылетела машина — автобус без окон. Машина круто развернулась и уперлась фарами в ворота. Тотчас ворота распахнулись, пропустили машину и так же быстро закрылись. Но в эти две-три секунды Рычагов увидел все, что ему было нужно: среди развалин тянулся узкий проезд к дому номер три.

Уже больше часа майор Хауссон обрабатывал Кованькова, но, как и в предыдущие дни, безрезультатно. Майор обладал железным характером. С его лица не сходила доброжелательная улыбка, и он без устали атаковал лейтенанта. Внутренне Хауссон бесился, что ему не удастся сломить этого мальчишку, у которого по всем внешним признакам должен быть неустойчивый, мягкий характер.

— Я призываю вас, Кованьков, посмотреть трезвыми глазами офицера на все, что произошло с вами. Два наших мира стоят друг против друга... — Майор Хауссон стукнул кулаком о кулак. — И вы и мы, в общем, мало верим в рай на земле. И мы и вы не хотели бы оказаться застигнутыми врасплох, и поэтому и у вас и у нас действуют институты, задачи которых узнать: а что же втайне думает другая сторона? И даже когда наши дипломаты расточают друг другу улыбки и комплименты, эти институты продолжают свою, по возможности невидимую, деятельность. И то, что сейчас происходит с вами, — абсолютно рядовой эпизод этой вечной беззвучной войны. Месяц назад от нас к вам бежал капитан американской армии Реджер. Он знал не очень много, но все же вам он, наверно, пригодился. Теперь вам придется оказаться полезным нам.

— Я уже сказал: вы от меня ничего не дождетесь. Я требую немедленного освобождения!

Кованьков отлично понимал: Хауссон хочет, чтобы у него притупилось ощущение чрезвычайности происходящего. Не выйдет! Война так война! Стиснув зубы, Кованьков с гневной насмешкой смотрел на Хауссона, а тот продолжал доброжелательно улыбаться.

— Ну-ну, лейтенант, ни к чему столь сильные эмоции! Здесь, как вы видите, нет советских кинокамер, а для меня и моих коллег ваш бессмысленный героизм попросту смешон. Давайте-ка начинать работать. Вы служите в отделе, осуществляющем связь с немецкой администрацией северного района. Но мы прекрасно знаем, что ваша осведомленность так же узка, как полосы на ваших погонах. Ро-

дину продавать вам не придется — такая сделка вам и не по силам. Мы зададим вам весьма элементарные вопросы. Где печатаются восточные марки? В Берлине? В Лейпциге?.. Или, может быть, в Москве?

Кованьков молчал, смотря мимо Хауссона.

— Хорошо. Еще вопрос. Сколько продовольствия ежедневно поступает в Берлин из Советского Союза? Хотя бы примерно...

— Я отвечать не буду. Зря тратите время, — спокойно произнес Кованьков.

— Ну что ж, прекрасно, — беспечно произнес Хауссон. — Объявляется перерыв до завтра. Подумайте заодно вот о чем: если вы не будете отвечать, мы выдадим восточным властям вашу подругу Ренату Целлер как соучастницу вашего похищения. Хотя, могу вас заверить, она к этому абсолютно не причастна. До свидания, лейтенант, до завтра!

Выходя из комнаты, Хауссон зацепился за протянутые ноги часового, и солдату пришлось принять на себя весь заряд его злобы.

Хауссон вернулся в кабинет и сел за стол. Бессильное бешенство клокотало в нем, мешало дышать; он сжимал мокрые от пота руки в кулаки. Не с первым русским имеет дело Хауссон, и он уже понимает, что от этого парня добром ничего не добьется. По всему видно, что лейтенанта пора свезти в зону «Игрек» и подвергнуть «горячей обработке». Но Хауссон сделать этого не мог. Вчера вечером он был у генерала: разговор был неприятным. Генерал спросил:

— Как дела с русским?

— Пока молчит, — ответил Хауссон.

— Можно выяснить, на какой срок рассчитано ваше «пока»? (Хауссон промолчал.) — Генерал начал подергивать плечом, что ничего хорошего не сулило. — Это плохая работа, майор. Вы недопустимо долго готовили операцию, она стоила нам немало денег, а теперь, когда дело сделано, вы повторяете свое «пока молчит»!

— Вы же не знаете, генерал, что раньше... — начал было защищаться Хауссон, но его перебил генерал.

— Что раньше? — закричал он. — Перебежчик? Да мой адъютант лучше информирован в восточных делах, чем все ваши перебежчики, вместе взятые! Может, и этот будет полгода молчать, а потом сообщит нам сенсационные данные о ценах на хлеб в восточной зоне?

— Но вы же знаете, генерал, что этот офицер из штаба и из отдела, который нас очень интересует. И именно потому, что он попал к нам не добровольно, нужно время, чтобы он пришел в себя и начал давать показания.

— Ерунда! — Генерал дернул плечом и швырнул карандаш на стол. — В свое время я спрашивал вас: почему остановлен выбор именно на этом офицере? Вы сказали: во-первых, потому, что он молод; во-вторых, нарушая инструкцию, завел знакомство с немкой. Вы говорили это? Прекрасно! Значит, я еще не страдаю склерозом и память у меня работает. А на поверку выходит, что вы схватили русского, для которого умереть за красные идеалы — удовольствие! Тогда я поздравляю вас, майор, — вы изготовите для русских очередного героя...

— Постараюсь не сделать этого, — угрюмо произнес Хауссон.

— Может, вы, майор, неясно представляете себе здешнюю обстановку? Мы делаем в Западной Германии то, что нужно Америке. А русские все больше развязывают руки немцам и требуют объединения страны. Это требование встречает поддержку народа. А если немцы начнут заниматься этим объединением, они сорвут и наши планы. Это же ясно, как дважды два — четыре! Нам нужно, срочно нужно взрывать русские позиции в Германии. Этот лейтенант только тогда будет стоить затраченных на него усилий, если он, штабной советский офицер, спокойно и ясно скажет немцам то, что нужно нам. А иначе... — Генерал дернул плечом, помолчал и добавил: — В общем, долго ждать я не намерен...

На том разговор с генералом и кончился. Нет-нет, не мог Хауссон торопиться отправлять Кованькова в «горячую обработку». Русский должен заговорить здесь. Должен!

22

Очередное совещание оперативной группы у полковника Семина проходило бурно. Столкнулись два направления операции: одно — более активное, с уже реальными результатами, другое — внешне пока пассивное. Его представлял Рычагов.

И Субботин и особенно Посельская считали теперь, что они напали на верный след. Они требовали, чтобы и сам Рычагов меньше занимался бесплодным наблюдением за Хауссоном и помогал им. Ведь очень многое открылось после признания Ренаты Целлер.

— Так или иначе мы вернемся к Хауссону! — горячо и взволнованно говорила Посельская, обращаясь к Рычагову и косясь на полковника Семина. — Но вернемся, зная абсолютно все, что связано непосредственно с похищением лейтенанта. Это же облегчит и нашу атаку непосредственно на Хауссона... Товарищ полковник, разве я неправа?

Семин приподнял веки и ничего не ответил, неторопливо записал что-то в своем огромном блокноте.

Рычагов не отозвался на слова Посельской. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на люстру.

— Послушаем Рычагова, — тихо произнес полковник.

Рычагов встал, пригладил ладонью свои белые волосы и сказал:

— Известен ход моей работы. Известно то, что сделали Посельская и Субботин. По-моему, сейчас по-прежнему еще опасно торопиться с радикальными выводами. Необходимо еще и еще раз проанализировать ход операции. — Рычагов говорил спокойно, убежденно, переводя взгляд с одного участника совещания на другого. Вот его взгляд ос-

тановился на Посельской. — Я думаю так. По-прежнему всю свою работу мы должны оценивать только с одной точки зрения — приближаемся ли мы к цели? А наша цель — лейтенант Кованьков. В этом смысле вряд ли Посельская, даже изучив у Лисовского баттерфляй, доплывет до лейтенанта Кованькова.

— Демагогия! — тихо, но внятно произнесла Наташа.

Вот только когда полковник Семин поднял тяжелые веки и укоризненно посмотрел на Посельскую.

— Продолжайте, Рычагов.

Рычагов признавал, что Субботин и Посельская обнаружили очень интересных людей. Несомненно эти люди объединены в нелегальную враждебную организацию, и разоблачение ее — большое и важное дело. Но, признав все это, Рычагов снова спросил:

— Скажите мне: разоблачив эту организацию, окажемся мы хоть на шаг ближе к лейтенанту Кованькову?.. Нет. Мы только более точно установим обстоятельства похищения и сможем наказать его участников. А Кованькову-то легче от этого не станет! Неужели такую простую вещь вы не можете понять?

Посельская и Субботин молчали. Полковник Семин, выждав немного, спросил, что же предлагает Рычагов.

— Мы должны проникнуть в хозяйство майора Хауссона, — твердо произнес Рычагов. — Мой план на этот счет таков...

Все, что затем говорил Рычагов, было настолько захватывающим, что даже Посельская и Субботин, забыв о своих обидах, слушали его с огромным интересом.

Полковник Семин всем своим грузным телом навалился на стол, его оживившиеся глаза все время были устремлены на Рычагова, лицо точно помолодело.

Рычагов все это видел и отлично понимал, что его план нравится и полковнику и всем сотрудникам группы.

Да, это был план интересный, смелый, во многом рискованный. В нем было столько больших и малых сложнос-

тей, столько опасных подводных камней, что не следует удивляться тому длительному молчанию, которое установилось после выступления Рычагова.

Посыпались вопросы. Им, казалось, не будет конца. Рычагов отвечал быстро, уверенно. Было видно, что свой план он подготовил тщательно. Особенно много вопросов задавал полковник. После одного Рычагов не выдержал и, смотря на стол, устало сказал:

— Если вы, товарищ полковник, против моего плана, то так прямо и скажите.

Последовало неожиданное. Семин грузно поднялся с кресла, посмотрел на часы и сердито сказал:

— Совещание закончено. Завтра в девять ноль-ноль всем быть здесь. До свидания.

Недоуменно переглядываясь, Рычагов, Посельская и Субботин вышли в приемную. Они еще не успели и словом перемолвиться, как из кабинета вышел полковник.

— Я к генералу, — на ходу сказал он секретарю...

Генерал Соколов был значительно моложе полковника Семина. Он это всегда помнил, как помнил и то, что за спиной полковника стоит многолетний опыт разведчика, отличное знание Германии и то, что полковник теперь болен, что ему пора на покой или по крайней мере взяться за серьезное лечение.

Увидев входящего в кабинет Семина, генерал встал и пошел ему навстречу:

— Как чувствуете себя?

— Отлично, — рассеянно ответил Семин и без паузы сказал: — Хочу доложить вам очень интересный план, возникший в оперативной группе Рычагова.

Генерал мгновенно уловил смысл плана и сразу же про себя одобрил его. Слушая полковника, он всматривался в его оживленное лицо и думал: «Как же должен он любить свое нелегкое дело, если может вдруг словно стряхнуть с себя годы и стать таким, каким он, наверно, был лет де-

сять назад, когда сумел пробраться в картографический отдел немецкого генштаба и работать там почти до самой войны...»

Полковник Семин закончил доклад и настороженно посмотрел на генерала. Его взгляд спрашивал: «Ну что скажете, генерал? Есть еще порох в пороховницах?»

— План одобряю! — весело сказал генерал. — Хороших ребят вы, полковник, вырастили! Интересно, что в плане ваше?

— Только уточнение отдельных мест.

— Молодец Рычагов! — Генерал задумался, потом быстро спросил: — Какие новости из Франкфурта?

— Завтра наши немецкие коллеги проведут разоблачение мнимой больной. Сама Рената Целлер по-прежнему находится там.

— А как ведут себя спортсмены?

— Пока все без изменений. Зигмунд Лисовский все более настойчиво требует у Посельской устроить ему свидание с ее отцом.

— Продумайте это. Может, дать ему это свидание? А может, пора Посельской оттуда уходить? ... Как наши немецкие товарищи?

— До трогательности старательные. И работают очень аккуратно.

— Помогайте им крепче, Владимир Иванович. Ведь пройдет год-другой, и мы с вами уедем отсюда домой... — Генерал засмеялся. — «Еще есть у нас дома дела!» Так, кажется, в песне поется?... Вот... А тогда немецким товарищам посоветоваться будет не с кем.

— Понимаю, понимаю... — задумчиво произнес Семин. — Они это тоже понимают.

— Вот и хорошо... Ну что ж, Владимир Иванович, план группы Рычагова мне нравится. Смело, хотя и рискованно. Замечательно, Владимир Иванович, что свой трудный и опасный план Рычагов придумал не для кого-нибудь, а для себя.

— Вся опергруппа загорелась, — улыбнулся Семин.

— Вот она, наша главная сила: во имя спасения товарища себя не пожалеть! Ну а если мы и Кованькова вырвем и выполним вторую часть плана, этой операцией мы сможем гордиться...

Семин повертел головой:

— Не будем забегать вперед.

Генерал довольно потер руки и сказал:

— Да, рискованный, черт возьми, делаем ход! Предупредите всех: действовать спокойно, обдуманно. Малейшая ошибка или неразумная поспешность может провалить все дело.

23

У Посельской в ее отношениях со спортсменами возникло неожиданное осложнение. Арнольд Шокман, судя по всему, всерьез влюбился в нее. Именно сейчас, когда Наташа начала готовить свое исчезновение из спортивной среды, он, точно предчувствуя это, буквально не отходил от нее: подстерегал на улице, возле бассейна, навязывался проводить и уже не раз заводил непонятный разговор, состоящий главным образом из туманных намеков.

В этот вечер Наташа шла на тренировку. Сильный порывистый ветер крутил по улице смерчи из дождя и мокрого снега. Фонари были окутаны беснующейся метелью, сумрачный туннель улицы еле угадывался.

Собираясь в бассейн, Наташа с отвращением думала, что ей предстоит раздеваться и лезть в воду, а сейчас ей уже хотелось поскорей оказаться в гулком и теплом зале.

На следующем перекрестке нужно повернуть за угол, и там уже будет улица, на которой находится спортивный клуб. Наташа ускорила шаг.

За углом ее поджидал Арнольд Шокман. Он возник так внезапно, что Наташа отшатнулась.

— Извините, Ани... это я, — пробормотал он, беря Наташу под руку. — Не ходите туда, там никого нет. Тренировку отменили. Там только Зигмунд со своей Альмой... ждут вас.

— Лисовский хотел со мной заниматься! — сердито сказала Наташа, с любопытством вглядываясь в Арнольда и видя, что он очень взволнован.

— Если не хотите, Ани, покалечить себе жизнь, не ходите! — вдруг решительно произнес Арнольд.

— Боже, как это таинственно, как страшно! — Наташа рассмеялась. — Последнее время, Арнольд, вы буквально засыпали меня таинственными предупреждениями. Не пора ли заговорить прямо и ясно?

— Да, Ани, нам надо поговорить. Идемте куда хотите, только не к ним...

Они шли против ветра, разговаривать было невозможно. Когда они поравнялись с кафе, Наташа сама предложила зайти туда. Совершенно неожиданно Арнольд идти в кафе отказался и тут же бросился через улицу, чтобы перехватить проезжавшее такси.

Посельская насторожилась. А вдруг вся эта спортивная братия раскусила обман и теперь они хотят сделать с ней то же, что сделали с Кованьковым?

Садясь в такси, Наташа опустила руку в карман пальто и отвела на пистолете предохранитель.

— Фридрихштрассе, двадцать семь! — приказал Арнольд шоферу.

— Куда мы едем? — небрежно спросила Посельская.

— Там есть маленькое, уютное кафе. — Арнольд взял Наташу за руку и тихо сказал: — Не бойтесь, я вам плохого не сделаю... не могу сделать.

Кафе оказалось действительно очень уютным. И, видимо, публика его любила, раз в такую погоду здесь не оказалось ни одного свободного столика. Но Арнольда здесь знали. Тотчас вынесли и накрыли запасной столик.

— Что пожелает ваша дама? — спросил официант.

— Черный кофе, — строго сказала Наташа.

— Мне тоже, — немного смущаясь, произнес Арнольд.

— Вам только кофе? — Официант сделал испуганное лицо и нагло подмигнул Наташе.

— Два раза черный кофе, — сердито распорядился Арнольд.

— Слушаюсь. — Официант исчез.

Наташа засмеялась:

— Не стесняйтесь меня, Арнольд, заказывайте то, что всегда.

— А я и кофе не хочу... вообще ничего не хочу. Мне нужно сказать вам... очень важное.

Официант подал кофе, и, как только он отошел от стола, Арнольд наклонился к Наташе и заговорил быстро, поначалу сбивчиво и все время опасливо косясь по сторонам.

— Ани, вы можете думать обо мне все, что угодно. Я скажу вам так... Я лучше, чем обо мне думают ваш Зигмунд и его прекрасная ведьма Альма. Честное слово, лучше... Им только раз удалось втянуть меня в свое грязное дело. Хватит! — Арнольд пристукнул ребром ладони по столу, в глазах его зажглась решимость. — Ани, вы можете, конечно, смеяться... но я люблю вас! Да-да, улыбайтесь! ... Я знал многих девушек... но вы — это совсем другое.

— Вы неплохо, Арнольд, придумали, — тихо засмеялась Наташа, — запугать меня Лисовским и затащить сюда для объяснения в любви.

— Говорите и думайте что хотите! — Арнольд упрямо потряхнул головой. — Но я вам сегодня скажу все. Помните: Зигмунд Лисовский и Альма Гуц — опасные люди. Спорт для них не больше, как ширма для черных дел. Они, попросту сказать, бандиты...

Наташа положила руку на руку Арнольда и, смотря ему в глаза, тихо сказала:

— Послушайте, Арнольд, вы, наверно, думаете, что Зигмунд...

— Нет! — решительно произнес Арнольд. — Я все знаю. У Зигмунда есть Альма, а у вас какой-то русский. Конечно, я был бы рад, если бы этого русского не было, но, раз он есть, я могу надеяться только на судьбу... на то, что вы уже сегодня поймете, на что я готов ради вас.

— Ну, хорошо! — Наташа усмехнулась. — Итак, Зигмунд и Альма — бандиты. Дальше что?

— Да, они бандиты. Больше того, они возглавляют целую шайку бандитов.

— По-моему, вам это надо сообщить не мне, а тому, кто интересуется бандитами.

— Нет, никогда! Я доносчиком не был и не буду. Я вам говорю это только затем, чтобы вы, лично вы, знали, с кем имеете дело. Тем более, я знаю: вам и вашему отцу и даже вашему русскому грозит большая опасность.

— Да ну! — насмешливо воскликнула Наташа.

— Да, именно так. Я это точно знаю... — Арнольд замолчал и, откинувшись на спинку стула, обвел кафе медленным взглядом.

Наташа испугалась, что она повела себя неправильно, что Арнольд больше ничего не скажет. Она сделала ему знак глазами, чтобы он приблизился к ней.

— Скажите мне, Арнольд, правду: зачем вы все это говорите о ваших же друзьях?

— Друзьях?! Какие они мне друзья! — Он махнул рукой. — Вы же не знаете, кто такой я и кто такие они! — Глаза Арнольда затуманились, и он долго молчал. — Мой отец погиб во Франции, мать умерла после окончания войны. Я остался один в этом страшном Берлине... квартира сгорела... мне двадцать лет. Разве удивительно, что моей ареной стал черный рынок! Продавал сигареты, выпрошенные у янки. Не было сигарет — воровал. Было, Ани, и это. Потом меня взяли рассыльным в профсоюз. Затем стал сторожем на стадионе. Я очень люблю спорт, и мне хотелось стать чемпионом. Но только хотеть мало, тем более что я пристрастился к вину, к развлечениям. Но

меня заметила Альма Гуц, сказала: «Ты будешь чемпионом». Вместе с Зигмундом они стали меня тренировать, и год назад я поставил берлинский рекорд. Мою фотографию напечатали в газете. Это были самые счастливые дни в моей жизни!.. А недавно Зигмунд и Альма сказали, что мой рекорд сделали они. Зигмунд купил двух судей — и все. Сволочи!

— И вы думаете, этого достаточно, чтобы считать их бандитами? — серьезно спросила Наташа.

— Нет, Ани, история моего рекорда — чепуха. Было кое-что и другое.

— Что именно?

Арнольд молчал.

В его глазах Наташа видела смятение и понимала, что вот сейчас его признание подошло к самому главному, что он может и не сказать...

— Расскажите мне, Арнольд, все. Может быть, я смогу вам помочь? — тихо сказала Наташа.

— Нет, я еще хочу жить... — Арнольд криво усмехнулся.

— Вы похожи на Альму. Она тоже всегда безжалостно чернит людей и не желает при этом объяснить, за что она их ненавидит.

Лицо Арнольда мгновенно побагровело, и Наташа поняла, что сделала правильный ход.

— А что бы вы сказали, узнав, что Альма и Зигмунд работают на Запад? — Арнольд впился в Наташу злым решительным взглядом. — Да, на Запад! Они спекулируют валютой. Распространяют провокационные листовки. Шпионят. Они способны на любые бандитские дела... лишь бы хорошо заплатили.

— Например? — быстро спросила Наташа.

— Например, участвовать в похищении русского.

— Какого русского?

— Скажем, вашего друга. А если хотите, и вашего отца заодно. Даже скорей — вашего отца. Он Зигмунда очень интересуется.

— Вы говорите, Арнольд, слишком серьезные вещи, чтобы я могла поверить вам на слово.

— Вы хотите бежать в полицию?

— Нет, хочу бежать от Альмы и Зигмунда.

— Они могут догнать.

— А вот тогда можно и в полицию.

— Берегитесь, Ани, у них очень длинные руки! Если вы действительно решите бежать от них, сделайте это осторожно, не вызвав у них ни малейшего подозрения. А то у них есть один букинист, который в два счета отправит вас на тот свет.

— Гельмутштрассе, четыре? — быстро спросила Наташа.

Арнольд отшатнулся. В его глазах кричал страх:

— Вы знаете?

— Однажды Зигмунд назначил мне встречу у этого букиниста, — небрежно пояснила Наташа. — Такой маленький человек и совсем не страшный — скорее смешной.

— Профессиональный убийца — вот кто этот букинист! — Арнольд, помолчав, продолжал: — Недавно был украден один русский офицер. Это дело организовал букинист.

— Откуда вы знаете?

— Если хотите знать все, — Арнольд хлебнул воздух, точно перед прыжком в воду, — они и меня сделали участником этого грязного дела. Да-да, Ани! Только, поверьте, я ничего не знал. Ничего до тех пор, пока все это не произошло на моих глазах. Они привлекли меня, чтобы сбить с толку одну немецкую девушку, с которой я был знаком.

— Ну и что же? — небрежно спросила Наташа.

— Вам этого мало? — разозлился Арнольд. — Я вам... ради вас... потому что люблю вас... я рассказываю все... А вы... — Арнольд вдруг уставился на Наташу округлившимися глазами. — Кажется, я большой идиот, — торопливо проговорил он. — Вы, очевидно, с ними? Да? Ну что же...

— Не говорите глупостей, Арнольд! Большое вам спасибо за все. Я сбегу от этих бандитов, даю вам слово!

— Но я вас умоляю об одном... — На лбу Арнольда выступила испарина. — Не предпринимайте ничего, не посоветовавшись со мной. Помните, я ваш самый верный друг, я для вас сделал то, чего не сделал бы ни для кого на свете. Неужели вы этого не видите?

— Я вижу.

Арнольд порывисто схватил Наташину руку и поцеловал ее.

Наташа встала:

— А теперь мне надо домой. Отец, наверно, уже беспокоится.

24

Рената не знала, что произошло с ее сестрой на самом деле. Ей сказали только, что в состоянии сестры наступило резкое ухудшение и поэтому допуск к ней в палату временно запрещен.

Рената каждое утро приходила в больницу и слышала одно и то же:

«Никаких изменений нет, вашей сестре по-прежнему очень плохо».

А на самом деле произошло вот что.

Немецким товарищам из местного управления госбезопасности не стоило большого труда установить, что сестра Ренаты Целлер совершенно здорова. Разоблачение мнимой больной было произведено хитро и прежде всего так, чтобы связанные с ней люди никак не заподозрили, что кто-то догадывается об истинной причине странного заболевания Алисы Целлер.

Просто в местный отдел здравоохранения поступило малограмотное письмо от медсестры, в котором она обращала внимание на бесхозяйственное использование больничных помещений. Среди других факторов она приводи-

ла и такой, что в отдельной палате содержится, видимо, хорошая знакомая главного врача, хотя по своему состоянию эта больная отлично могла бы находиться в общей палате.

Для расследования заявления отдел здравоохранения создал специальную комиссию. Однажды утром комиссия внезапно появилась в больнице и начала осмотр палат и опрос больных. Комиссия приступила к работе около девяти часов утра, а к половине двенадцатого исчез главный врач. Он сумел уйти из больницы, не замеченный работниками немецкой госбезопасности.

В течение получаса консилиум врачей установил симуляцию больной Алисы Целлер, и она прямо из больницы была перевезена в местное управление госбезопасности. Поняв, что ее игра окончена, но, видимо, надеясь еще на что-то, Алиса Целлер отказывалась отвечать на вопросы. Уже три дня продолжались бесплодные попытки добиться у нее признания, но она упрямо молчала. Работники госбезопасности понимали, что, кроме всего прочего, она, очевидно, хочет выиграть время, для того чтобы ее сообщники успели или ей помочь, или хотя бы скрыться. Поэтому квартира Алисы Целлер находилась под неусыпным наблюдением.

А Рената, ничего этого не зная, каждое утро приходила в больницу и затем возвращалась домой, на квартиру сестры.

Погода в это утро была отвратительная. Низко над самыми крышами летели, клубясь, грязные рваные тучи. На несколько секунд вдруг окутывали угрюмые сумерки и сыпал, сыпал мелкий мокрый снег.

Подняв воротник пальто, Рената шла из больницы домой. «Что же это с сестрой?» — тревожно думала она. В последнее время Рената все чаще вспоминала странный вопрос следователя, за которым явно стояло сомнение в том, что Алиса действительно больна. В самом деле, странно. Болезнь у сестры тяжелая, а выглядит она хорошо. И по-

чему, наконец, главный врач оказывал ей и Ренате такое предпочтительное внимание, такую заботливость? Однажды, когда Рената навещала сестру и разговаривала с ней с глазу на глаз, Алиса высказала предположение, что главный врач равнодушен к ней, но Рената в это не поверила. Просто не поверила — и все.

Размышления Ренаты о сестре тотчас связывались с тревожными воспоминаниями о пережитом ею за последнее время, о самом главном и самом страшном, что случилось в тот вечер в Берлине возле Варшавского моста. А все началось с того, что к ней явился человек с запиской от Алисы. Значит, она тоже знала, что их отец жив. Но тогда почему, когда Рената однажды уже здесь, в больнице, спросила у нее об этом, Алиса вдруг занервничала и, сославшись на сердцебиение, уклонилась от прямого ответа. Наконец, почему она потом ни разу не вспомнила об этом?..

Рената подошла к перекрестку, где она обычно переходила улицу, чтобы зайти в бакалейную лавку. Она уже так привыкла к этому однообразному маршруту, что чисто механически шагнула с тротуара на асфальт. Все, что произошло в следующее мгновение, было непонятно, как дурной сон.

Рената слышит слева нарастающий гул мотора. Она оглядывается. Прямо на нее с огромной скоростью мчится низенькая машина черного цвета, а другая, большая темно-зеленая, догоняет эту черную... Чья-то сильная рука хватает Ренату за плечо и швыряет ее назад, к стене дома. Она падает... Обе машины пролетают у самой кромки тротуара. Большая зеленая начинает обгонять черную и прижимает ее к краю улицы... Черная машина правыми колесами задевает кромку тротуара и врезается в чугунную тумбу. Машину забрасывает на тротуар, и она опрокидывается на бок. Зеленая машина с душераздирающим визгом тормозов останавливается, проскочив чуть дальше...

Из дверцы опрокинувшегося автомобиля, как из люка, выкарабкался высокий, плечистый мужчина в короткой

черной куртке. Он встал на ноги, пошатнулся и вдруг с неожиданной проворностью прыгнул на тротуар и скрылся в воротах... Выскочившие из зеленой машины люди — их было четверо — с пистолетами в руках подбежали к лежащей на боку машине. Один из них погнался за человеком, скрывшимся в воротах...

Все это произошло в течение нескольких секунд. Рената Целлер даже не успела еще подняться. Возле нее стоял молодой человек, который, как и она, наблюдал все происходящее. Но вот он наклонился к Ренате:

— Вас не задело?

— Нет.

— Значит, вовремя я вас схватил. Давайте руку, вставайте.

25

Покупатель оказался на редкость нудным и въедливым. Букинист никак не мог понять, что в конце концов нужно было этому господину с постным, как у священника, лицом.

— Покажите мне что-нибудь из области истории.

— Пожалуйста, вот вам история, целая куча истории.

Добрых полчаса покупатель роется в этой куче, мусолит каждую книжку, а потом выясняется, что ему нужна всего-навсего история музыки.

— Прекрасно! Вот вам книги по истории музыки.

Оказывается, ему нужны еще исторические романы, в которых описана жизнь великих музыкантов — скажем, Бетховена или Моцарта. А лучше всего Вагнера.

— Этого, извините, нет. — Коротышка начинал терять терпение.

Он стоял, облокотившись на стеллажи, сцепив пухлые руки на кругленьком животике, и с ненавистью смотрел на покупателя, близоруко нюхавшего книги. Но когда покупатель отнимал от лица книгу, на круглом лице букиниста мгновенно появлялась любезная улыбка.

— А вы не можете принять заказ на такие книги? — скрипучим голосом спросил покупатель.

Букинист нервно повел плечом:

— Принять заказ нетрудно, а выполнить его невозможно. После этой страшной войны весь прославленный немецкий букинизм отдан во власть случая. Вы только подумайте: для того чтобы я мог выполнить ваш заказ, нужно, чтобы у какого-то немца «икс» сгорело все кроме романа о Вагнере, и еще надо, чтобы этому немцу самому нужна была не данная книга, а те десять марок, которые я ему за эту книгу дам. Видите, какая цепь случайностей!

— А вдруг этот немец все-таки притащит вам нужную мне книгу? — невозмутимо спросил покупатель.

— Дай бог, — сквозь зубы проговорил букинист.

— И на этот случай запишите, пожалуйста, мой адрес и, если мне повезет, пошлите мне открытку.

— С удовольствием! — Букинист понял, что покупатель наконец уйдет, шариком подкатился к конторке и достал оттуда потрепанную тетрадь. — Слушаю вас.

Покупатель сказал адрес и снова начал рыться в книгах. Словно нарочно, он выбрал самую тоненькую и протянул ее букинисту:

— Заверните, пожалуйста. Не зря же я вас беспокоил. — Первый раз на лице покупателя мелькнуло что-то похожее на улыбку. — Сколько это стоит?

— Пять марок, — прорычал букинист.

— Пожалуйста. Спасибо. Я все-таки буду ждать вашу открытку, я очень верю в волшебство случая. — Покупатель педантично замотал шею шарфом, застегнул пальто на все пуговицы, поднял воротник и вышел из лавки.

Букинист остервенело стукнул кулаком по прилавок и нырнул за гардину.

В комнате, где в свое время Зигмунд Лисовский принимал Посельскую, теперь сидел худощавый молодой человек лет тридцати. Одет он был в поношенную кожанку, а

на столе перед ним лежала фуражка-тельманка. Букинист швырнул на стол полученные от покупателя пять марок:

— Вот цена моей выдержки! Еще минута, и я бы его застрелил.

Молодой человек взял смятые деньги и аккуратно разгладил их ладонью.

— Не узнаю вас, Курт. Неужели ваши нервы так подешевели? И мы, выходит, переплачиваем вам? — Молодой человек говорил по-немецки довольно хорошо, но с той старательностью, которая выдавала в нем иностранца.

— Нервы не из железа, мистер Райт, — проворчал, садясь, букинист.

— А не может быть, что этот покупатель заходил специально проверить, из чего сделаны ваши нервы?

— Ерунда! Я знаю этих сумасшедших. Гитлер истреблял евреев, а надо было душить и всю интеллигенцию. Они-то нас и спихнули в пропасть. — Толстяк всплеснул руками. — И этим идиотам хоть бы что: вынь и подай роман о Вагнере!

Молодой человек пододвинул деньги букинисту:

— Хорошо сказано! Получите.

Букинист смахнул деньги на пол.

Глаза у молодого человека злобно блеснули.

— Господин Краер, покупатель явно переплатил за ваши нервы. Я вас просто не узнаю.

— А я вас не понимаю! — вспыхнул букинист. — Что вы изображаете из себя сверхчеловека? «Нервы, нервы»... Вы же просто не знаете, что случилось во Франкфурте. Зигмунд Лисовский буквально выпрыгнул из петли, и наконец просто счастье, что Карл разбился насмерть. Он слишком любил себя и продал бы нас, как баранов, поштучно.

— Вы уверены, что он действительно мертв?

— Так сообщено в газетной хронике.

— А если это сообщение напечатано нарочно, чтобы сберечь остатки ваших нервов?

— Да? — Букинист испуганно посмотрел на собеседника.

В это время где-то под кроватью послышался звук, похожий на приглушенный звонок. Хозяин и его гость вздрогнули, посмотрели друг на друга.

— Кто это? — тихо спросил молодой человек.

— Не знаю... Все были предупреждены: входить через лавку открыто. — Букинист задумался и вдруг облегченно произнес: — Это может быть только Зигмунд. Он один не знает условия сегодняшней явки.

Под кроватью с ровными паузами слышались четыре глухих удара. Букинист и молодой человек отодвинули кровать, отогнули угол покрывавшего пол линолеума и открыли искусно закамуфлированный люк. Из черноты подземного хода показалась голова Зигмунда Лисовского. Молча он выбрался из люка, подсел к столу и мрачным взглядом уставился на букиниста.

— Твой Карл, — заговорил он наконец сиплым шепотом, — трус и дрянь!

— Ладно, ладно... — Букинист махнул рукой. — Он мертв, и ему уже нельзя стать другим...

— Как все это произошло? — сухо спросил молодой человек.

— Во-первых, была собачья погода... — начал рассказывать Лисовский.

Но молодой человек нетерпеливо поднял руку:

— Без лирики, если можно.

— До этого дня мы дважды могли покончить с ней, но Карлу, видите ли, казалось, что на улице было много прохожих.

— А почему вы сами не сели за руль? — быстро спросил молодой человек.

— Я привык делать то, что мне приказано! — злобно огрызнулся Лисовский.

— Понимаю. Это уже мое упущение. — Молодой человек, прищурясь, смотрел на Зигмунда. — Я забыл, что у немцев дисциплина — вторая религия. Но так ли уж всегда вы следуете этой религии?

— Всегда.

— А мое задание в отношении отца Анны Лорх?

— Излишней настойчивостью можно было бы спугнуть... — Лисовский пожал плечами.

— Ладно, допустим. Так что же все-таки случилось?

Лисовский продолжал рассказывать:

— Вторая ошибка была в том, что мы послушались вас и на нашей машине поставили франкфуртский номер. Там не так уж много машин, чтобы полиция не заметила появления новой. Вдобавок мы несколько дней или стояли, или вертелись у того места, где ходила Рената Целлер. Наконец, в этот день, буквально в решающий момент, зашалило зажигание, мы отстали, а затем на дикой скорости стали наверстывать упущенное и обратили на себя внимание полиции. Так или иначе, когда мы были в десятках метров от Целлер, мы обнаружили погоню. Карл стал нервничать и еще прибавил скорость. В результате мы приблизились к Целлер, когда она сделала от тротуара первый шаг, а в метре от нее была куча снега. Карл стал эту кучу объезжать, и в результате мы пролетели мимо Целлер и стукнулись боками с машиной полиции. От удара нас вынесло на тротуар, и мы врезались в тумбу.

— Карл действительно убит?

— Да. Он ударился грудью о руль. Был такой звук, будто сломали сухую доску. Из рта у него сразу хлынула кровь. От этого обычно умирают, — тяжело усмехнулся Зигмунд.

Молодой человек насмешливо посмотрел на него:

— Можно сказать только одно: для суда над вами вы сохранили великолепного свидетеля обвинения. Я имею в виду Ренату Целлер. Она вас в два счета запрычет в тюрьму лет на двадцать.

Зигмунд молчал.

Вскоре через лавку в комнате за гардиной пришли еще два человека, после чего букинист запер входную дверь и вывесил на ней табличку: «Обед».

Уже несколько дней немецкие товарищи вели пристальное и, надо сказать, по-немецки тщательно организованное наблюдение за лавкой букиниста. Делать это было не легко. Дом, в котором она находилась, со всех сторон был окружен руинами. Дверь лавки выходила на мертвую улицу. Если на ней появлялся человек и если он не заходил в лавку, он сразу мог вызвать подозрение букиниста.

Один из постов наблюдения находился метрах в двухстах от лавки; там для маскировки поста была имитирована разборка руин и вывозка кирпича. При помощи мощной оптической аппаратуры оттуда хорошо просматривался вход в лавку. Фотографировался каждый ее посетитель. Этот пост назывался «Каменщик». Второй пост наблюдения располагался в глубине разрушенного квартала, позади лавки букиниста, на вершине громадного каменного кургана. Он назывался «Пирамида». На этой горе битого кирпича однажды ночью был открыт и оборудован блиндаж с круговым наблюдением. Здесь непрерывно дежурили два человека. Оба поста наблюдения по радиотелефону были связаны с двумя оперативными пунктами, находившимися в значительном отдалении. Там дежурили автомашины.

Пост «Каменщик». Дежурный, прильнув к оптическому прибору, поднял руку:

— Внимание! Открывается дверь лавки.

Другой сотрудник положил руку на пусковой рычаг киноаппарата, но его остановил товарищ:

— Не надо, это вышел Иоганн Ремке.

Иоганн Ремке, он же докучливый покупатель, мечтающий достать роман о Вагнере, медленно направился в сторону оперативного пункта номер два...

Оперативный пункт № 2.

— Ну, как дела, Ремке?

— Ничего. Нервы у него не в порядке, он готов был съесть меня живьем.

— Гостя его не видел?

— Нет. Он, конечно, в комнате за гардиной. Купил вот книжечку с символическим названием «Начало конца».

— Опасные вольности, Ремке! Он же мог почуять в этом недоброе.

— Он даже не посмотрел, что я беру.

Пост «Пирамида».

— Смотри, человек! Куда это он идет по развалинам? Идет уверенно, точно по улице.

— Верно. А озирается, как загнанный волк.

— Смотри, смотри!

Человек этот был Зигмунд Лисовский. Он остановился возле цоколя разбитого дома и долго смотрел по сторонам. Убедившись, что никто его не видит, согнулся и нырнул в дыру полуподвального окна.

— Вызываю оперативный пункт номер один. Говорит «Пирамида». Только что...

Оперативный пункт № 1.

— Сообщение принято, продолжайте наблюдение. По-сылаем на место сотрудников с собаками.

Пост «Каменщик».

— Вниманию оперативных пунктов! С восточной стороны показались двое. Идут в сторону букинистической лавки. Начинаем киносъемку. Один из двоих — тот самый, что был здесь третьего дня. Другой, судя по всему, появляется тут впервые.

Оперативный пункт № 1.

— Внимание! Слушайте все, все! Говорит пункт номер один. Ровно через пятнадцать минут после того, как эти двое войдут в лавку, начнем операцию. Предупреждаю: оружие применять только в исключительном случае. Не выключайте радио, слушайте меня непрерывно...

— Мне поручено передать вам, что начальник «Мили-тариинтеллидженс департамент» мистер Форстер считает вашу работу очень плохой... — С этого начал худощавый

мужчина в потрепанной кожанке, когда собрались все, кто был вызван к букинисту. — По-видимому, вы повторяете главную ошибку своего незадачливого фюрера: самоуверенность за счет ума. Эта история во Франкфурте просто позорная: два опытных человека не сумели справиться с девчонкой! А один еще и погибает впустую. Теперь красные нападут на ваш след. Какие были документы у погибшего?

— Не подлинные, — мрачно ответил Лисовский.

— Это я понимаю. Но какие? Не сделаны ли у нас?

— Нет. У меня и у Карла были документы его производства... — Зигмунд кивнул на букиниста.

— Хоть это предусмотрели, и то хорошо, — облегченно вздохнул худощавый. — Те, кто гнались за вами, не могли догадаться, что вы хотели сбить эту Целлер?

— Не думаю. Наш человек, наблюдавший всю эту историю, сказал, что она упала со страху. Ей помог встать какой-то прохожий, и она пошла домой...

— В ее старшей сестре вы уверены?

— Абсолютно, — ответил букинист. — Главный врач больницы дал ей яд. Как только она увидит, что мы для нее ничего сделать не можем, она умолкнет навеки.

— Давно надо было это сделать. Что касается главного врача, то он уже у нас. Вот сорван с хорошей стратегической точки еще один человек. Франкфурт стал для нас белым пятном. И все из-за того, что вы никак не можете отказаться от провинциальной театральщины, которую так обожало ваше гестапо! Зачем нужно было младшую Целлер посылать во Франкфурт, инсценировать болезнь старшей? Не могли вы, что ли, покончить с младшей здесь?

— Здесь это было трудней, — сказал букинист.

— Но оказалось, что трудней там? Везде, господа, трудно, если мало умения, вот в чем дело. А в результате мы сорвали с важных для нас точек и главного врача и Алису Целлер. Самое досадное, что этот провал происходит как раз тогда, когда ваши действия должны быть наиболее активными и эффективными.

— Главное мы сделали, мистер Райт: русский офицер у вас! — резко сказал букинист.

Человек в кожанке ничего не сказал, даже бровью не повел.

— С этим морским офицером, отцом спортсменки, вы связались наконец? — обратился он к Лисовскому.

— Да. Состоялся первый разговор.

— Ну и что?

— Не понравился он мне. Молчит. А когда говорит — изворачивается, как уж.

— Когда вы с ним встретитесь еще?

— Договорились в воскресенье. Он придет сюда в два часа дня.

— Хорошо.

— Теперь всем вам предстоит начать совершенно новое и не очень сложное дело. — Худощавый тщательно затушил сигарету и продолжал: — Война выбросила в жизнь множество подростков, у которых нет родителей. Эти подростки нас очень интересуют. Нужно набрать их как можно больше. Ребята болтаются возле театров и ресторанов, им хочется красивой жизни, а денег нет. Говорите им: «Идите в Западный Берлин, улица Беллермана, девятнадцать, четвертый этаж, квартира пятнадцать». Пусть спросят там Вольфганга Клоза, и он даст каждому легкий и хороший заработок. Таких подростков нам нужны сотни. Они смогут натворить кучу неприятностей красным. А подойдет срок — они с оружием в руках выйдут на улицы Восточного Берлина и...

Раздался стук в дверь лавки.

Худощавый замолчал и требовательно посмотрел на букиниста:

— Кто это может быть?

— Не знаю... — растерянно произнес толстяк.

Настойчивый стук повторился.

— Возможно, какой-нибудь идиот-книголюб.

Букинист встал и направился в лавку.

— Стойте! — крикнул худощавый. — Быстро откройте подземный ход! Мало ли что...

Кровать опрокинута, поднят линолеум и открыт люк.

— Теперь идите. — Худощавый занял место у самого отверстия. — В случае опасности громко произнесите слово «да». Идите!

Снова стук в дверь, сильный, нетерпеливый.

— Идите же, черт бы вас взял! — крикнул худощавый.

Букинист вынул из стола пистолет, отвел предохранитель, положил пистолет в карман пиджака и вышел.

Опасность возникла одновременно с двух сторон. Из лавки прозвучало громкое «да». С грохотом открылась входная дверь, и сейчас же в лавке возникла возня, слышались удары и глухой стук упавшего тела.

Худощавый бросился в люк, но замер на первой ступеньке лестницы: в темноте подвала метались блики яркого света и доносился быстро приближающийся лай собак.

— Выбросить оружие! — тихо приказал худощавый и первый швырнул в форточку свой пистолет. — Закройте люк!

Когда люк был закрыт и уложен линолеум, в комнату ворвались сотрудники немецкой госбезопасности:

— Руки вверх!

Четверо послушно подняли руки.

— В чем дело? — спросил худощавый, стараясь в это время ногой подвинуть кровать на место. — Мы всего-навсего комиссионеры букиниста. Что вам от нас нужно? Или в Берлине уже нельзя торговать старыми книгами?

— Отойдите от кровати! — последовал приказ. — Встаньте в тот угол! ... Вот так.

Из-под пола уже ясно слышались голоса и остервенелый собачий лай.

— Выходите, господа комиссионеры! Через лавку! Быстро!

Майор Хауссон еле сдерживал себя. В который раз он пытался сломить волю лейтенанта Кованькова, но все его усилия оказывались тщетными. Многолетний опыт давал Хауссону основание считать молодость человека его слабостью. Сколько раз он добивался успеха, строя расчет прежде всего на неопытности или на неустойчивости, свойственных еще не закаленному жизнью человеку!

Этот русский был молод, возмутительно молод, а Хауссон не мог с ним справиться. Он уже не требовал у Кованькова никаких сведений.

— Неужели вы, мистер Кованьков, не понимаете, какую упускаете возможность? Трехминутное заявление у микрофона — и все. А дальше — если вы захотите, карьера, которой позавидуют многие. А хотите — обеспеченная жизнь в любой стране. Может, вы боитесь расправы со стороны своих? Такое опасение просто глупо. Днем вы сделаете заявление, а вечером уже можете быть в Америке или где захотите. Вам ничьи угрозы не будут страшны. А сказать-то вам у микрофона нужно сущую чепуху: что Советы только с целью пропаганды сообщают о поставке в Восточную Германию русского хлеба и продовольствия, что на самом деле происходит процесс обратный.

— Напрасно стараетесь. Я советский офицер, мы брехней не занимаемся. Весь Берлин ест советский хлеб.

— Вы уедете в Америку или в любую другую страну вместе с Ренатой Целлер. Она ждет вашего решения.

— Не дождется и она.

Хауссон смотрел в голубые, чистые глаза Кованькова и раздраженно думал: что же может сломить наконец упорство этого по-девичьи розовощекого парня? Где было майору понять, что перед ним сидел не просто парень, а комсомолец, который к тому же всего месяц назад в политотделе армии получил карточку кандидата в члены

партии коммунистов! Если бы Хауссон понимал, что это означает, он перестал бы соблазнять лейтенанта сказочной карьерой.

Просто удивительно, что люди из мира Хауссона до сих пор не усвоили простой истины, подтвержденной уже многими примерами: в безвыходном положении коммунист самой блестящей для себя карьерой считает возможность умереть за честь и торжество своих идей. Да, многое еще не понимают господа хауссоны, и оттого делают они так много ошибок, дискредитирующих их перед всем миром.

— Наши разговоры не могут длиться бесконечно. Мы можем заставить вас сказать то, что нам надо. — Хауссон впился жестоким взглядом в Кованькова. Но он не увидел в глазах лейтенанта ни страха, ни смятения.

— Давно готов и к этому. — Кованьков смотрел на майора с насмешкой.

Хауссон встал:

— Подумайте до завтра...

В кабинете на своем столе Хауссон обнаружил шифровку: «Арестована группа букиниста, в том числе наш связной Грант. Из группы, по предварительным сведениям, на свободе остался один Арнольд Шокман».

Работа разведки всегда сопряжена с риском. Провалы неизбежны. Нужно только добиваться, чтобы успехов было больше, а неудач меньше. Хауссон, как никто, знал это и поэтому, как ни был он раздражен упорством русского лейтенанта, прочитал шифровку спокойно и запер ее в сейф. Судьба потерянных людей его нисколько не волновала. Да и что он мог предпринять для их спасения? Ровным счетом ничего. Он уже давно привык таких людей именовать сброшенной картой. Единственно, о чем он с огорчением подумал, — это о ликвидации букинистической лавки. Очень уж хорошим прикрытием была она для этой группы!

Хауссон вызвал стенографистку и продиктовал донесение начальству о провале группы букиниста. Оно еще не

было зашифровано, как в углу за столом майора зазвонил телефон прямой связи с берлинской комендатурой.

Хауссон поднял трубку:

— Слушаю... Когда?.. Я сейчас приеду.

Положив трубку, Хауссон приказал стенографистке пока не отдавать донесения в шифровальный отдел.

— Будет важное дополнение, — сказал он, торопливо одеваясь.

Сам того, конечно, не понимая, Хауссон отправился в расставленную ему ловушку...

В хорошем хозяйстве ничего зря не пропадает. В конце концов и то, что сделал Рычагов, и то, чего добились Посельская с Субботиным, совершенно разными путями, постепенно привели к главному. Если поездка Субботина во Франкфурт дала, кроме всего прочего, ценные признания Ренаты Целлер, то знакомство Посельской с тренерами по плаванию и спортсменом Шокманом помогло установить исполнителей похищения. Ценнейший материал для разгрома бандитской шайки в лавке букиниста. Ведь тут, кроме всего, в руки следствия попал связной американской разведки, который на первом же допросе достаточно ясно показал, куда тянутся нити от шайки букиниста. Работа Рычагова в Западном Берлине оказалась весьма важной для разведки личности Хауссона и его засекреченного хозяйства на улице Хеннель.

И когда все это оказалось собранным воедино, тогда и родился оперативный план действий. Все в нем пригodiлось. Каждая деталь была тщательно взвешена, выверена и получила свое отражение в плане. Такой план в окончательном виде чем-то похож на сложный кроссворд, в котором различные действия людей, пересекаясь, идя параллельно или друг за другом, образуют совершенно точно обусловленный ход событий. И вот как раз сейчас начиналось действие — первое из того раздела плана, который носил название: «Переключение внимания Хауссона на ложные объекты».

В комендатуре, как всегда, царила шумная толчея. В сумрачном коридоре к окошкам, где выдавались разные справки, тянулись очереди штатских немцев. Немецкая речь смешивалась с английской. Офицеры и сотрудники комендатуры то и дело с папками в руках пробегали по коридору. Каждый считал своим долгом потребовать тишины. Гул голосов стихал, чтобы возобновиться в ту же секунду, как только офицер скрывался за дверью.

Хауссон, не поднимая глаз, быстро прошел в конец коридора и на лифте поднялся на четвертый этаж. При выходе из лифта его встретил коренастый офицер с непропорционально маленькой головкой, с мелкими и острыми чертами лица. Пока они шли по коридору, офицер, шагая бочком, не сводил глаз с Хауссона и говорил:

— Она явилась час назад. Красивая, неглупая. С нами говорить отказалась. Потребовала представителя из вашего ведомства. Мы попробовали говорить с ней строго. Она снова потребовала вызвать вашего представителя и прибавила: «Сообщите, что я пришла по делу букиниста».

— Так и сказала: «по делу букиниста»? — на ходу быстро спросил Хауссон.

— Да, точно так.

— Как она называла наше ведомство?

— Политическая полиция... Прошу сюда! — Офицер распахнул перед Хауссоном дверь.

Девушка, сидевшая на диване, при появлении Хауссона встала.

Майор окинул ее небрежным взглядом и, не снимая пальто, сел за стол.

— Прошу вас сюда, — сухо сказал он и показал девушке на стул. — Что там у вас? Только короче. Мне некогда.

— Вы из политической полиции? — недоверчиво спросила девушка.

— Если хотите, да... Но говорите короче! Мне некогда...

Такое поведение Хауссона несколько смутило Посельскую. Предполагалось, что ее приход вызовет здесь большой интерес и ей будет предоставлена возможность подробно изложить всю тщательно разработанную версию своего побега в западную зону. Теперь же нужно было срочно выбрать самое для них заманчивое.

— Мое имя Анна Лорх. Мой отец, бывший офицер морского флота, Вильгельм Лорх, вчера вечером арестован в связи с провалом группы людей, имевших связь с букинистом на Гельмутштрассе.

— А откуда вы знаете и об этих людях, и о каком-то букинисте? — насмешливо спросил Хауссон.

— Я же сама была связана и с этими людьми, и с букинистом! — будто удивляясь недогадливости Хауссона, ответила Посельская.

— Любопытно, что это за люди и наконец почему все это должно нас интересовать?

— Эти люди: Зигмунд Лисовский, Альма Гуц, сам букинист, Арнольд Шокман и другие. Я была хорошо с ними знакома.

— Мне эти люди неизвестны! — раздраженно произнес Хауссон и посмотрел на часы. — Что вы хотите от меня?

— Прошу предоставить мне право жить в западной зоне, — устало проговорила Посельская.

Она была в страшном смятении. Неужели в разработке операции допущен такой промах и группа букиниста не связана с ведомством Хауссона?

— Что может быть проще! — рассмеялся майор, вставая. — Хауссон кивнул на стоявшего у стены офицера. — Они это оформят в пять минут. Больше у вас ко мне ничего нет? — Не дожидаясь ответа Посельской, Хауссон ушел.

Наташа, сопровождаемая офицером, спустилась на первый этаж в комендатуру. Там ей дали регистрационную карточку, и она села к столу заполнить ее.

— Сдадите карточку вот сюда. — Офицер показал на чиновника, сидевшего за высокой стойкой. — Тут же вы

получите необходимые документы. Прошу извинить, у меня тоже дела. — Острая физиономия офицера чуть смягчилась вежливой улыбкой: — Желаю успеха.

Офицер снова поднялся на четвертый этаж, где в одной из комнат его нетерпеливо ожидал Хауссон:

— Ну что она?

— Заполняет регистрационную карточку. Извините меня, что я побеспокоил вас, но мне показалось, что она представляет некоторый интерес. Я подумал...

— Не некоторый, а значительный, — прервал офицера Хауссон.

— Но вы же...

— Так надо. За ней нужно дня три понаблюдать. На случай провокации. Дайте ей немного денег, поселите в отеле, где легче вести за ней наблюдение, предложите ей какую-нибудь работу. Все это делайте так, чтобы у нее и мысли не возникло, что ей делают какое-то исключение. Просто такой у нас порядок — и все. А главное — наблюдение. Мы должны знать каждый шаг этой девицы... Сегодня у нас среда? В субботу утром привезете ее ко мне на улицу Хенель.

— Все будет сделано, майор.

Наташе Посельской любезно посоветовали снять номер в отеле «Дрезден». Чиновник комендатуры был настолько заботлив, что сам позвонил в отель и договорился о номере, а затем и отвез ее туда.

29

Это была старая третьеразрядная гостиница. Посельская получила маленькую узкую комнату с единственным окном, выходившим в тесный, захламленный двор. Прежде всего она самым тщательным образом исследовала комнату, но ничего подозрительного не нашла. Наташа опустилась в кресло и задумалась...

Неужели вся так тщательно продуманная операция летит прахом? Примириться с этим было невозможно. Но тут Наташа вспомнила совет полковника Семина — не торопиться. Хорошо, не будем торопиться. Не будем. И все же попробуем сделать первую проверку.

Посельская положила чемодан в шкаф, оделась и вышла из отеля, предупредив портье, что вернется не раньше чем через час. Она шла по оживленной торговой улице, подолгу останавливаясь у витрин и рекламных щитов. Это позволило ей безошибочно установить, что за ней идет наблюдатель. Сперва он шел шагах в пятнадцати позади; когда она останавливалась, останавливался и он. Потом он решил изменить тактику. Он обогнал Посельскую и теперь шел впереди нее, иногда останавливался у той же витрины, что и она. Посельская прекрасно изучила его лицо и была обеспокоена только одним: не дать ему понять, что она заметила наблюдение. На душе у нее просветлело. Раз за ней пущен шпик, значит, она им не так уж безразлична, как это пытался изобразить майор Хауссон.

В отеле Посельскую ожидала новая радость. Она без особого труда установила, что, пока она гуляла, ее чемодан был открыт и просмотрен. Очень хорошо. Теперь Наташа была почти уверена, что Хауссон искусно разыграл равнодушие и сделал это потому, что хочет предварительно провести проверку. Ну что ж, проверяйте, майор!

Вечером Наташа Посельская спустилась в ресторан отеля. Тесный, с низким потолком, он был набит людьми. В зале плавал табачный дым, визжала музыка. Ни одного свободного столика не было. Наташа встала в дверях, выглядывая свободное местечко за чьим-нибудь столом. Откуда-то из дыма перед ней возник лохотенный молодой человек с желтым лицом. В этом третьесортном ресторане нелепо выглядел его смокинг с цветком на лацкане.

— Вам нужно место под ночным солнцем? — спросил он на хорошем русском языке.

Посельская уставилась на него с недоумением.

— Я не понимаю, что вы говорите? — произнесла она по-немецки.

— Ах, вы немка? — удивился щеголь, переходя на довольно скверный немецкий язык. — А нашей компании почему-то показалось, что вы русская. Но это не имеет никакого значения. Если вам нужно место, идемте. — Он бесцеремонно взял Посельскую под руку и повел к столику в темном углу за оркестровой эстрадой.

В компании щеголя оказались две девушки и парень. Все они говорили по-немецки не чисто. Щеголь, знакомя с ними Наташу, сказал, что все они русские и работают в Западном Берлине.

Около часа за столом шел ничего не значащий разговор. Щеголь помогал Посельской заказать ужин. Никто у нее ничего не спрашивал. Потом девушки и парень, сославшись на то, что они живут очень далеко, ушли. А еще через несколько минут Посельская уже была убеждена, что щеголь — агент майора Хауссона. Однако действовал он весьма грубо. Как видно, ему было поручено выяснить, не знает ли перебежчица русский язык. Разговаривая, он то и дело вставлял русские слова, а то и целые фразы. Словно забывшись, он вдруг задавал по-русски вопрос и, смотря в глаза Посельской, ждал ответа. А не дождавшись, хлопал себя по лбу:

— Черт возьми, все забываю, что вы не знаете русский язык!

Эта игра для Наташи была не такой уж легкой: опасно было переиграть. Ей приходилось напряженно следить за каждой фразой собеседника. Если вставленное русское слово не делало фразу непонятной, она на такую фразу реагировала. Но если вставленное слово несло в себе главный смысл фразы, она недоуменно поднимала брови:

— Как вы сказали? Я не поняла.

Некоторые русские слова она «понимала» — это соответствовало одному из обстоятельств версии ее бегства на

Запад: там, на Востоке, ее близким другом был русский... Посельская поужинала и ушла к себе в номер. Щеголь проводил ее до лестницы.

— Очень рад был с вами познакомиться, — сказал он, прощаясь. — Спасибо за приятную беседу. Между прочим, я живу напротив отеля и ужинаю здесь каждый вечер.

На другой день Посельская, как советовали ей в комендатуре, сходила в бюро найма рабочей силы и встала там на учет. Регистратор записал ее адрес и сказал:

— Работу вы получите довольно скоро. Во всяком случае, в течение недели.

Вечером третьего дня, когда Наташа уже собиралась ложиться спать, в номер без стука вошел офицер, с которым она имела дело в комендатуре.

— Оденьтесь, пожалуйста, — не здороваясь, сказал он. — Нужно поехать в одно место. С вами хотят поговорить.

Офицер сам вел машину и всю дорогу молчал. Ехали очень быстро, и проследить путь Посельской не удалось. На несколько секунд машина остановилась, чуть не упершись фарами в глухие высокие ворота, которые тут же распахнулись. Затем несколько сот метров ехали каким-то узким туннелем и, наконец, остановились перед скупо освещенным подъездом в глубине двора. Посельская вспомнила описанный Рычаговым дом Хауссона на улице Хенель. Судя по всему, ее привезли именно сюда...

Теперь майор был изысканно вежлив и внимателен. Он усадил Посельскую в кресло, предложил кофе, сигареты. Заметив ее удивление, он рассмеялся:

— Прошу прощения, госпожа Лорх, но так было нужно. Согласитесь, что сразу в таких делах верить на слово непростительно. Как минимум мы должны были убедиться, что Анна Лорх — это действительно Анна Лорх. А теперь мы можем разговаривать откровенно. У меня к вам несколько вопросов: кого из группы букиниста вы хорошо знали?

— Зигмунда Лисовского, Альму Гуц, Арнольда Шокмана.

— Простите, но Арнольд Шокман как будто не арестован?

— Во всяком случае, в течение двух дней после провала группы букиниста он был еще на свободе.

— Вы не допускаете... — Хауссон замялся, — не допускаете, что предательство было с его стороны?

Посельская задумалась.

— Не думаю, не думаю. Он, на мой взгляд, наименее серьезный человек в группе.

Хауссон закурил, подумал и быстро спросил:

— Вы работали с Лисовским?

— Дело в том, что работы еще не было. Лисовский интересовался моим отцом. А я, по правде сказать, не была особенно уверена в отце. Когда я поняла, чего хочет Лисовский, я с отцом поговорила. Он согласился встретиться с Зигмундом. Эта встреча состоялась за несколько дней до провала группы.

— Как вы узнали о провале?

— Мне сказал Арнольд Шокман.

— Как он сам отнесся к провалу?

— Очень напуган. А когда был арестован мой отец, он потребовал, чтобы я немедленно уходила на Запад.

— Извините за нескромность, но, видимо, у вас с Шокманом были какие-то отношения...

— Он за мной ухаживал.

— А вы?

— Я любила другого человека. Советского офицера.

— Вот как! — Хауссон пристально всмотрелся в Посельскую. — А Шокман знал об этом?

— Все знали. Я не скрывала. А от этого посыпались беды и на моего друга, русского офицера.

— А именно?

— Утром того дня, когда я ушла на Запад, ко мне в институт прибежал сослуживец моего друга, тоже советс-

кий офицер. Он сказал, что у моего друга крупные неприятности на службе. Арестованы какие-то люди, с которыми он будто бы был связан. Офицер больше ничего рассказать мне не мог и только передал вот эту записку...

Наташа вынула из-за обшлага кофточки аккуратно сложенную бумажку и протянула ее Хауссону. На листке из блокнота торопливо по-немецки было написано следующее:

«Дорогая Ани, у меня очень серьезные неприятности. Настолько серьезные, что я умоляю тебя, во имя нашего счастья, сегодня же уйти на Запад. Обо мне узнавай там же, в комендатуре. Если эта записка дошла до тебя, того, кто ее принес, поблагодари за то, что он верный друг — мой и твой. Скоро увидимся. Целую крепко. Твой Михаил».

— О-о! Это очень интересно! — прочитав записку, сказал Хауссон. — Видимо, нужно понимать так, что он тоже перейдет на Запад?

— Я тоже так поняла.

— Хорошо. Какое звание у вашего друга?

— Капитан. Капитан Скворцов.

— Где он служит?

— Этого я не знаю. Мне известно только, что он работает в штабе.

Посельская прекрасно видела, что Хауссон все хуже владеет собой и уже почти не старается скрывать, насколько интересно и важно для него все, что он слышит.

— Как вы думаете, когда он может прийти? — нетерпеливо спросил майор.

— Принесший записку офицер сказал, что в субботу у них будет какое-то партийное собрание, на котором решится судьба моего друга.

Хауссон беспокойно отодвинул и снова придвинул к себе стоявшую на столе пепельницу, вынул сигарету, подержал ее и, не закуривая, бросил в пепельницу.

— Разрешите последний и опять нескромный вопрос. У вас с этим офицером отношения... достаточно серьезные?

Посельская покраснела:

— Да.

— Простите, — поспешно произнес Хауссон, — но мы должны знать и это.

30

Субботин явился в комендатуру за полночь. Разговаривая с дежурным офицером, он заметно нервничал, но это не помешало ему увидеть, что его здесь ждали. Не успел он заполнить регистрационную карточку, как в комендатуру прибыл майор Хауссон.

Он зашел в комнату дежурного офицера, спросил, не звонили ли ему по телефону, и, бросив мимолетный взгляд на Субботина, вышел.

Да, это был Хауссон. Субботин сразу его узнал.

Вскоре Субботина провели в другую комнату. Здесь Хауссон встретил его у двери.

— Вы поступили правильно, капитан Скворцов. — Майор обнял Субботина за плечи и повел его к креслам. — Садитесь. Я рад первым приветствовать вас под сенью законов, утверждающих свободу человека.

— С кем имею честь разговаривать? — настороженно спросил Субботин.

Хауссон засмеялся:

— Не нужно так официально, капитан! Скажем так: я тот человек, которому Анна Лорх нашла возможным доверить некоторые ваши тайны — не все, конечно.

— Где она? — быстро спросил Субботин.

Хауссон посмотрел на часы и подмигнул:

— Сейчас она, наверно, крепко спит в своей гостинице, где будете жить и вы. Но мы мужчины и к тому же люди военные. Нам придется еще пободрствовать. Готовы ли вы ответить на несколько вопросов?

— Пожалуйста, — устало произнес Субботин.

— Чем для вас окончилось партийное собрание?

— Меня исключили из партии. Впереди — отправка на родину.

— Какие обвинения вам были предъявлены?.. Только, пожалуйста, поточнее.

— Несколько обвинений: дружба с немкой Анной Лорх, будто бы связанной с какими-то арестованными заговорщиками. Это — главное. Потом спекуляция в западной зоне.

— В действительности это тоже было? — быстро спросил Хауссон.

— В какой-то степени да. — Субботин усмехнулся. — У меня, например, намечалось солидное дело с вашим полковником, по фамилии Купер.

— Купер? — переспросил майор.

— Да...

Хауссон записал фамилию.

— Ну и, наконец, как всегда у нас в таких случаях бывает, повытащили на свет божий все, что было и не было. И какое-то пьянство с дракой, и грубое обращение с подчиненными, и недобросовестная работа. Но все это ерунда.

— Что значит «ерунда»? Это были обвинения необоснованные?

Субботин пожал плечами:

— В такой ситуации превращение мухи в слона — наимпростейшее дело.

Хауссон подумал и сказал:

— Пока у меня все. Сейчас вас отвезут в отель. Отдыхайте. А завтра вернемся к делам.

На другой день утром Субботин в ресторане отеля встретился с Посельской. Они знали, что за ними наблюдают, и держались так, как могли вести себя влюбленные, нашедшие друг друга после тревожного испытания их любви. За завтраком Субботин не сводил глаз с Посельской.

— Что у тебя? — поглаживая руку Наташи, тихо спросил он.

— Сперва Хауссон разыграл полное равнодушие к моему появлению, а потом все пошло по нашему плану.

— Со мной он уже говорил. Задал несколько вопросов. Думаю, что сейчас он пытается проверить то, что ему по силам проверить.

Субботин не ошибался. Хауссон в это время действительно занимался именно этим. Прежде всего — полковник Купер. Нетрудно догадаться, как обрадовался Хауссон, установив, что среди американских военнослужащих, занимающихся в Берлине экономической разведкой и валютной войной, действительно имеется капитан Джойс, носящий условную кличку «полковник Купер». Одновременно к Хауссону уже помимо его усилий поступило письмо из советской комендатуры Берлина о побеге офицера Скворцова. В нем требовали вернуть перебежчика, так как он совершил служебные преступления и подлежит суду. Впрочем, этому документу Хауссон верил меньше всего — он понимал, что письмо комендатуры может быть специально изготовлено для прикрытия и утверждения агента советской разведки. Больше того, получи Хауссон только одно это подтверждение, он был бы почти уверен, что Скворцов подослан. Большую надежду Хауссон возлагал на проверку с помощью «полковника Купера».

Очная ставка Скворцова и Купера была обставлена с большой хитростью, исключавшей всякую случайность во взаимном опознании ими друг друга.

Субботина привели в комнату, в которой были три двери: одна — в коридор, а две — в соседние комнаты. Его посадили на диван. Хауссон сидел за столом. Извинившись, что ему нужно закончить какие-то срочные дела, майор что-то писал. Из соседних комнат через ту, где находился Субботин, то и дело проходили люди.

И вот в дверях появился «полковник Купер». Он медленно прошел через комнату и в упор посмотрел на Субботина. Через минуту на столе у Хауссона зазвонил телефон.

Он послушал, сказал: «Хорошо, зайдите». «Полковник Купер» вернулся, прошел мимо Субботина к столу Хауссона. Они перебросились несколькими фразами, после чего майор пригласил к столу Субботина.

— Скажите, капитан, вы лично не знакомы с этим человеком? — спросил Хауссон, показывая на «Купера».

Субботин улыбнулся.

— Я не знаю, помнит ли полковник Купер, но я отлично помню встречу с ним.

— Где она произошла? — спросил Хауссон.

— В кафе возле Олимпийского стадиона. Вы помните это? — обратился Субботин к Куперу.

— Помню.

— Вы были чересчур осторожны, — засмеялся Субботин. — А вот мне за сделку с вами, хотя она и не состоялась, крепко попало.

— Но вы же были штатский? И были немцем? — сказал Купер.

— Я был бы полным идиотом, если бы занимался спекуляцией в форме русского офицера.

Оба американца засмеялись.

— Вы свободны, — сказал Хауссон Куперу, и тот ушел. — Ну, капитан, продолжим наш разговор и постараемся вести его как можно более откровенно. У меня к вам такой вопрос: знаете ли вы некоего лейтенанта Кованькова?

— Слышал что-то... — равнодушно ответил Субботин. — Он из другого отдела штаба. Я ведь работал в отделе, ведавшем инженерными войсками, а тот лейтенант, если не ошибаюсь, — в отделе по связи с немецкой администрацией.

— Да, вы не ошибаетесь... — рассеянно произнес Хауссон. — Скажите, капитан, вы, случайно, не осведомлены в таком вопросе: везут ли в Восточную Германию из России хлеб и продовольствие?

— Это известно всем. Везут — и много.

— А не может быть, что это пропаганда?

— Нет. Об этом, кстати, в газетах вообще не пишут.

— Ах, так? Значит, немцы могут этого и не знать?

— Да. Но хлеб, масло, сахар есть. А это точнее и вкуснее газетных сообщений.

— Ну а если населению сказать, что хлеб и масло стоят Германии вывоза всех ее национальных ценностей?

— Это, конечно, сказать можно, — усмехнулся Субботин, — только это надо очень ловко сказать.

Хауссон задумался, пытливо смотря на Субботина. В этого офицера он верил все больше. Жаль только, что он — не Кованьков, который наверняка знает много, но молчит. И вдруг возникла мысль: а не поручить ли этому офицеру обработку Кованькова? Ведь русский к русскому найдет дорогу скорее.

— Так вот насчет того Кованькова, о котором я вас спрашивал... Он занял у нас глупую позицию упорного молчания. Не могли бы вы подействовать на него? Он нас интересуется как человек, вероятно, более вас информированный в том, что для нас важно. Его упорство глупо.

— Он бежал сюда сам? — быстро спросил Субботин.

Хауссон улыбнулся:

— Бежал с нашей помощью.

— А точнее? Это же для меня очень важно знать, прежде чем с ним разговаривать.

— Да, мы его взяли.

— Это хуже. — Субботин задумался, потом заговорил, точно размышляя вслух: — Тут ведь совсем иная, чем у меня, психология, другое состояние. Для меня вопрос перехода на Запад был, так сказать, подготовлен всем ходом последних событий моей жизни, а для него это полная внезапность. А ведь в нашей среде немало фанатиков советской идеи, этого нельзя забывать. Но все же попробую...

Можно понять, как трудно было Субботину изображать полное спокойствие — ведь ему в руки шло то, ради чего проводилась вся эта рискованная часть плана.

Субботин потребовал, чтобы разговор происходил без свидетелей. Хауссон не возражал, но сказал:

— Будет один невидимый свидетель — микрофон.

— Это можно, — подумав, согласился Субботин. — Когда состоится разговор?

— Сначала я хотел бы просить вас самого сделать краткое заявление для печати и радио.

Субботин усмехнулся:

— Вы что же, думаете, что у меня есть еще путь назад? Не беспокойтесь, нет. — Субботин помолчал. — Заявление, конечно, я сделаю.

— Сегодня вечером можете?

— Надо же подготовиться.

— Я просил бы вас просто зачитать текст, который подготовим мы. Вопросов к вам не будет.

— Можно ознакомиться с текстом?

— Конечно, вот он. — Хауссон протянул лист бумаги с довольно коротким машинописным текстом.

Субботин стал читать. О нем самом было всего несколько строчек в начале и в конце. «Я бежал из Советской армии по сугубо личным мотивам, которые излагать нет необходимости: они касаются только меня». Далее в заявлении шло неожиданное. Субботину предлагалось перед лицом немецкой общественности засвидетельствовать, что в Восточном Берлине проводятся массовые аресты немецких патриотов — сторонников объединения Германии. Особому гонению подвергается старая немецкая интеллигенция. Заканчивалось заявление так: «Моей невестой является немецкая девушка-студентка. Только среди ее близких знакомых репрессиям подверглись сразу несколько человек. Так что нет ничего удивительного, что в Западном Берлине я оказался вместе со своей невестой».

При продумывании операции, конечно, учитывалось, что его могут заставить сделать публичное заявление. Ус-

ловились, что Субботин будет податлив, но все же он обязан думать и о том вреде, который может принести его выступление, и стараться свести его к минимуму.

Субботин задумался над текстом. Ничего нового в нем не было: о мнимых репрессиях в восточной зоне западная пропаганда визжала каждый день. Так что наверняка далеко не все журналисты об этом заявлении напишут. Плохо только, что текст был так ловко составлен, что мог прозвучать весьма достоверно.

— Что вас смущает? — осторожно спросил Хауссон.

— Я совершенно не информирован по затронутому здесь вопросу. Вдруг кто-нибудь спросит меня о конкретных фактах?

— Никаких вопросов к вам, повторяю, не будет.

— Ну что ж, тогда все в порядке, — облегченно произнес Субботин. — Только лучше, по-моему, если я буду выступать не по бумажке.

Хауссон насторожился:

— Но скажете именно это?

— Можете не беспокоиться...

Эта пресс-конференция состоялась через час в помещении комендатуры Западного Берлина.

Журналистов было меньше десяти человек. Проводивший конференцию якобы немецкий чиновник на не очень чистом немецком языке извинился перед журналистами, что он не смог вовремя информировать о конференции весь корпус журналистов. Он попросил присутствующих поделиться материалом со своими коллегами. После этого в зал вошел Субботин. Первая, кого он увидел, была Наташа. У нее было бледное лицо, она тревожно смотрела на Субботина. Он улыбнулся ей и прошел к столу. Хауссон сидел в самом конце зала.

Два журналиста, видимо, представляющие радио, говорили что-то в свои микрофоны, а теперь протянули микрофоны к Субботину, с любопытством разглядывая его.

Субботин спокойно, неторопливо подбирая слова, пересказал текст заявления, по-своему пересказал, получились одни общие фразы. Он видел, как Хауссон рассерженно встал и направился к столу. Когда Субботин сказал о невесте, чиновник сделал галантный жест в сторону Посельской. Журналисты оживленно зашумели.

Субботин кончил говорить. Сидевший за столом чиновник встал и объявил пресс-конференцию закрытой.

— Вопросы! — заорали журналисты.

Субботин сделал такой жест, будто он готов ответить, но чиновник застучал карандашом по столу:

— Тише, господа, тише! Нельзя быть такими эгоистами. Русский офицер будет отвечать на вопросы, когда мы соберем весь ваш корпус. Это произойдет в ближайшие два-три дня. До свидания, господа, спасибо!

Субботин подошел к Посельской и тихо сказал ей:

— Мне поручают обработку Кованькова. Сообщите.

— Хватит, хватит! — Майор Хауссон оттеснил репортеров. — Все прекрасно, капитан, спасибо! Но, увы, должен разлучить вас с Анной Лорх. Работа есть работа, нас с вами ждут, нужно ехать сейчас же.

— Ехать так ехать! До свидания, Ани! — Субботин поцеловал Посельской руку и обратился к Хауссону: — Мы с ней сегодня увидимся?

— Вряд ли, — холодно ответил Хауссон.

32

И вот Субботин и Кованьков вдвоем в маленькой комнатке без окон. Их разделяет голый стол. Кроме двух стульев, на которых они сидят, в комнате другой мебели нет. Где скрыт микрофон, не видно.

Первый разговор с Кованьковым был для Субботина необычайно трудным. Трудным и в то же время радостным, потому что каждая минута этого разговора вызывала в душе

Субботина гордость за все то, что составляло для него понятие «советский человек». Тем не менее он должен убедиться, что Кованьков не сломлен...

Кованьков с презрительной усмешкой смотрел на Субботина, у которого этот взгляд вызывал двойственное чувство — и неловкость, и удовлетворение тем, как держится пленный.

— Ну, лейтенант, давайте знакомиться. Капитан Скворцов.

— Не имею желания знакомиться с предателем родины! — быстро проговорил Кованьков.

— Глупо, лейтенант. Нелепое донкихотство.

— Лучше быть нелепым Дон-Кихотом, чем гнусным предателем!

— Это все фразы, лейтенант. А действительность выглядит так: для вас, как и для меня, возврата туда, где мы служили, нет. Даже если бы такая возможность представилась, воспользоваться ею было бы безумием. Неужели вы не понимаете, что после всего случившегося в армии вам места не будет?

— Меня похитили бандиты, и моя армия это знает! — убежденно воскликнул Кованьков.

— Хорош советский офицер, которого можно украсть, как зазевавшуюся курицу! Да, лейтенант, то, что с вами произошло и происходит, — это не подвиг. Это ваш позор, позор офицера!

Кованьков, помолчав, брезгливо спросил:

— Неужели вы тоже были советским офицером?

— Да, и неплохим. Но обстоятельства сложились так, что я оказался здесь, и нисколько об этом не жалею. Кажется, Бисмарк сказал, что солдатская профессия интернациональна.

— Со ссылкой на Бисмарка или без нее, — твердо сказал Кованьков, — вы для меня — изменник родины. Если бы было оружие, я, не раздумывая, застрелил бы вас, как собаку!

— Значит, хорошо, что у вас нет оружия, — усмехнулся Субботин. — Я еще хочу пожить.

— Рано или поздно вас к стенке поставят.

— Тогда уж лучше поздно. Перед тем как закончить эту нашу душевную беседу, — Субботин улыбнулся, — я хочу сказать, лейтенант, что с вами может случиться. Вас увезут из Германии, а может, и вообще из Европы. И тогда за вашу судьбу уже никто поручиться не сможет. Наконец, можно обойтись и без услуг транспорта. Для них, — Субботин кивнул через плечо, — самым лучшим вариантом будет ваше полное и надежное исчезновение. Вы просто исчезнете навсегда, будто вас и не было на свете. Они умеют это делать ловко, поверьте мне.

— Лучше смерть, чем предательство! Передайте это тем, кому вы продались в холуи. Так и передайте: лейтенант Кованьков готов умереть в любую минуту, но присяге не изменит! И убирайтесь! Я не желаю дышать с вами одним воздухом! Убирайтесь! — Кованьков вскочил, лицо его побагровело.

— Прекрасно, лейтенант... — Теперь можно открыться, не боясь... Субботин встал, чуть наклонился через стол к Кованькову и шепнул: — Так держать! — Весело подмигнув ему, Субботин быстро вышел из комнаты.

Слова, сказанные Субботиным шепотом, и его подмигивание не сразу дошли до сознания Кованькова. Но позже, вспоминая последнюю минуту разговора, он все чаще возвращался к невероятной мысли — вернее, не столько к мысли, сколько к ощущению, что капитан — симпатизирующий ему человек. Но поверить в это было невозможно...

Субботин застал Хауссона сидящим в глубокой задумчивости перед радиодинамиком. Он, очевидно, слушал по радио разговор, только что происходивший там, в маленькой комнатке.

— Вы говорили хорошо... — не оборачиваясь к Субботину, сказал Хауссон. — И пригрозили ему правильно.

Действительно, есть предел нашему терпению. Еще два-три дня, и мы... перестанем тратить на него время.

Субботин улыбнулся:

— Все-таки нужно еще немного терпения. Я убежден: после сегодняшнего разговора он заново обдумает все, и завтра я сделаю новую попытку. А сейчас мне хотелось бы поехать к Анне Лорх.

Хауссон встал:

— Нет, капитан. Разрешите не объяснять — почему, но несколько дней вам придется безвыездно жить в этом доме. Сейчас вам покажут вашу комнату.

Хауссон нажал кнопку звонка, и тотчас вошел солдат.

— Покажите господину его комнату и объясните, как пользоваться сигнализацией на случай, если ему понадобится выйти из комнаты... Спокойной ночи, капитан!

Субботин, не ответив, с обиженным лицом вышел из кабинета вслед за солдатом.

33

На первое время связь Посельской со своими была устроена, казалось, довольно просто. Связной каждый день должен был пройти в определенном месте Западного Берлина, имея обусловленную примету. В одном случае в руках он должен держать свернутую в трубку синюю бумагу, перевязанную красной тесемкой; в другом — на пуговице его пальто должен висеть сверточек в форме груши, и так далее. В назначенном месте — каждый раз в новом — связной появлялся первого числа в час дня, второго — в два, третьего — в три и так — до пяти. Затем счет времени повторялся. Наташа должна идти навстречу связному, а тот — незаметно сделать с нее микроснимок. «Разгадывался» этот снимок при помощи сложнейшего шифра: учитывалась и одежда Наташи, и положение ее рук, сумочки, шарфа, шляпки, и выражение лица, и краска губной помады, и еще многое, многое другое...

Посельская высчитала время сегодняшней встречи и начала к ней готовиться. Больше часа ушло на то, чтобы ее внешний вид стал соответствовать краткому шифрованному сообщению: Суботину поручена обработка Кованькова.

В половине второго она вышла из отеля и сразу же заметила, что по ее пятам следует молодой человек в сером пальто. «Ну что ж, иди, — сказала про себя Наташа. — Авось попадешь на снимок, и твоя физиономия займет у нас свое место».

Ровно в два часа Наташа вышла на угол площади перед зданием Национального музея. Она медленно шла по тротуару, всматриваясь в прохожих. И вот из-за угла показался человек с синей, свернутой в трубку бумагой. На вид беспечный, любопытный ко всему, он шел медленной, расслабленной походкой. Наташа пошла ему навстречу. Шагов за десять они встретились взглядами. И вот уже разминулись. Наблюдатель, ничего не заметив, продолжал идти за Посельской.

Первая связь прошла хорошо...

В шесть часов утра Субботина разбудил дежурный солдат. Майор Хауссон был уже в кабинете.

— Как выспались, капитан?

В его вопросе Субботин уловил нотки раздражения и насторожился.

— Не хватило часов двух, — беспечно ответил он.

— Нужно кончать канитель с Кованьковым. Установлено, что он всю ночь не спал. Очевидно, действительно обдумывал ваш разговор. Человек всегда уязвим после бессонной ночи. Или, как говорит ваша пословица, утро всегда умнее вечера. Сегодня надо дать ему понять, что мы не постесняемся в выборе средств, чтобы достойно вознаградить его упорство... Да, сообщите ему между прочим, что советское командование по поводу его исчезновения не сделало никаких заявлений. Пусть знает, что он

не представляет никакой ценности. Вызовите у него страх за свою судьбу. Ведь он остался один, один против нас всех. Страх за судьбу — это главное. Потом он разговорится.

— Он может спросить, чего от него хотят.

— Совсем немного. Мы устроим широкую пресс-конференцию, и он как офицер штаба, осуществлявший связь с немецкой администрацией, сделает сообщение о том, что завоз Советами продовольствия в Берлин — пропагандистская ложь, цель которой прикрыть вывоз в Россию промышленного оборудования и ценного сырья Германии. Такова программа-минимум. А если он сдастся окончательно, его заявление можно будет значительно расширить. Но сейчас говорите с ним только о минимуме!..

Сразу было видно, что Кованьков провел бессонную ночь. Его лицо было серым, помятым. Когда Субботин вошел, лейтенант равнодушно посмотрел на него погасшими глазами.

Субботин не на шутку встревожился: неужели Кованьков и впрямь сломился?

— Как чувствуем себя? — весело спросил Субботин.

— Отлично! — Кованьков подобрался, подтянулся, и в глазах у него вспыхнул уже знакомый Субботину огонек упрямства.

Они снова сидели друг против друга. Субботин начал хитрую и сложную игру. Он говорил Кованькову именно то, что требовал Хауссон, а в это время глазами утверждал другое: «Держись и знай: я твой друг». То невероятное, о чем всю ночь думал Кованьков, снова подтверждалось, но он продолжал держаться настороженно. Не прерывая разговора, Субботин вынул из кармана бумажку и написал на ней: «В конце сегодняшнего разговора скажи: “Дайте мне три-четыре дня, чтобы все обдумать”».

Субботин показал записку Кованькову, тот прочел ее. Субботин тщательно спрятал записку.

Разговор продолжался. Субботин грозил Кованькову расправой, уничтожением. Тот молчал.

Субботин встал:

— Ну, лейтенант, за вами последнее слово. От него зависит ваша жизнь.

Кованьков посмотрел на Субботина и увидел в его глазах все то же подтверждение невероятного. И он решил довериться этому невероятному. В конце концов пока он ничего не терял.

— Прошу дать мне три-четыре дня, чтобы все продумать.

— Вот это дело, лейтенант! — весело воскликнул Субботин. — Я сейчас же доложу о вашей просьбе начальству. До свидания.

Теперь Хауссон встретил Субботина гораздо приветливее.

— Ну что же, капитан, на трубе страха вы сыграли хорошо. Что ни говори, страх — великая сила. Какое у вас впечатление? Он сломлен?

— Думаю, да.

— Прекрасно. Мы устроим лейтенанту пышную пресс-конференцию. И когда после его заявления ударим во все колокола, в это поверят даже глухие.

Субботин помолчал и спросил:

— А не помогла бы нам та немецкая девушка, у которой с Кованьковым была дружба?

— Нет. Он ей уже не верит. Кроме того, сама она для нас опасна. В свое время девушка поверила нам, что ее отец жив и находится здесь. На этом мы ее провели и использовали для похищения Кованькова. А отца ее, разумеется, в живых нет. Потом она наверняка находится под наблюдением советской разведки. А главное, эта история с отцом... Немцы с их сентиментальностью — опасный материал для подобных экспериментов.

— Жаль, — тихо произнес Субботин, думая в это время о том, что Рената Целлер, значит, рассказала правду.

Субботин ежедневно продолжал душеспасительные беседы с Кованьковым, во время которых, незаметно для Хауссона, они разработали смелый план действий.

Кованьков поломался еще неделю, а затем разыграл полное разочарование в своем упорстве и согласился сделать все, что предлагал майор Хауссон.

Да, он зачитает на пресс-конференции заявление, которое ему приготовят. Да, он ответит на вопросы, инспирированные тем же Хауссоном, и ответит именно так, как хочет майор.

Пресс-конференция была назначена на пятницу. В четверг майор Хауссон провел репетицию, собрав для этого всех своих сотрудников. На репетиции Кованьков держался прекрасно. Субботин с восторгом смотрел, как искусно играл он роль советского офицера, который разочаровался в коммунизме, но никак не в своей родине. Именно эту формулу раскаяния, а никакую иную Кованьков потребовал занести в заявление. И это его неумолимое требование усиливало впечатление достоверности поведения лейтенанта.

После репетиции Хауссон устроил ужин для Кованькова и Субботина. И первый сказал такой тост:

— В отличие от некоторых своих коллег я придерживаюсь мнения, что русские — деловые и умные люди. За них! — сказал он, показав бокалом на Кованькова и Субботина.

Для пресс-конференции был снят большой зал Делового клуба. Его заполнило около двухсот корреспондентов, представлявших печать и радио всего мира. Добрый десяток кинооператоров, вскинув к плечу камеры, ждали появления героя пресс-конференции. Радиорепортеры бубнили в свои микрофоны. Видно было, что Хауссон постарался разжечь любопытство газетчиков.

На сцене появились Кованьков и Субботин. В зале установилась мертвая тишина. Главный режиссер пресс-кон

ференции майор Хауссон, как всегда, уселся в самом последнем ряду. Нельзя и подумать, что сегодня — его праздник.

Корреспонденты быстро записывали в свои блокноты:

«Русский лейтенант взволнован...»

«Бледное симпатичное лицо...»

«Весь его облик, особенно широко открытые серые глаза, вызывает доверие...»

«В руках у лейтенанта нет никакого текста — это тоже вызывает доверие...»

«Мы не знаем, кто с ним за столом второй, но он тоже очень волнуется...»

В тишине зазвучал ясный и твердый голос Кованькова. Он говорил на немецком языке:

— Господа, я обращаюсь к вашей совести, к совести общественного мнения всего мира. Если есть еще на свете справедливость и честность, вы должны поверить тому, что я сейчас расскажу, и стать на защиту справедливости...

Между прочим, это вступление к приготовленному Хауссоном заявлению было включено также по требованию Кованькова. Субботин сначала против этого притворно возражал, а потом согласился: пожалуй, действительно такое вступление повысит напряжение в зале. В конце концов уступил и Хауссон. Эти фразы Кованьков произносил и на репетиции. Но почему-то сейчас начало речи лейтенанта необъяснимо встревожило Хауссона.

— Господа, — продолжал Кованьков, — я должен был здесь пересказать заявление, которое подготовили для меня сотрудники американской разведки во главе с майором Хауссоном и еще вот этим предателем Советской страны, неким Скворцовым... — Кованьков показал на Субботина.

Тот, изобразив на лице ужас и полную растерянность, отшатнулся от лейтенанта, вскочил и начал глазами искать кого-то в зале — Хауссона, конечно.

А Кованьков в это время продолжал:

— Я был предательски выкраден той же американской разведкой из Восточного Берлина. Угрозой расправы, вплоть до уничтожения, они хотели заставить меня сделать здесь заявление по шпаргалке. Я этого не сделаю. Я вообще о политике здесь говорить не буду...

В зале возник гул. Корреспондентские ручки резко прыгали по бумаге. Сенсация! Наконец-то настоящая сенсация!

Хауссон вскочил. Чуть не потеряв контроль над собой, он хотел крикнуть: «Пресс-конференцию закрываю», — но вовремя удержался. Все равно было уже поздно, никакая сила не могла теперь остановить этот скандал. Недаром же печать именуют шестой державой. Держава есть держава, тут шутки плохи.

— Я не буду говорить о политике, — продолжал лейтенант Кованьков, — так как я знаю, что мои убеждения для вас чужды. Тем не менее я надеюсь на вашу помощь. Вот все, что я хотел сказать. Да, еще несколько слов...

В это время Субботин бросился на Кованькова, оттолкнул его от микрофона и крикнул:

— Объявляется перерыв!

Зал ответил хохотом и свистом.

Кованьков показал на Субботина и, перекрывая шум, крикнул:

— Наверно, для этого грязного типа уже устраивали или еще устроят пресс-конференцию. Знайте: это профессиональный уголовник, спекулянт, предатель!..

35

Майор Хауссон, выдавший всякие виды, умевший хладнокровно держаться в очень опасных ситуациях, теперь растерялся и струсил. У него достаточно было врагов и завистников в собственном ведомстве, и он знал, что скандала ему не простят. Он шел по коридору к генеральному кабинету и, сам того не замечая, замедлял шаги. Перед

дверью он остановился, произнес про себя свое заветное: «Это еще не смерть», — и взялся за ручку двери...

Генерал брезгливо посмотрел на остановившегося перед его столом Хауссона и отшвырнул карандаш:

— Поздравляю вас, майор! Отличная работа! На месте русских я бы дал вам орден! Что же касается Америки, она вам аплодирует! Bravo, майор! На вас прекрасно зарабатывают газетные издатели. Можете гордиться: ваша популярность в Америке затмила сейчас славу всех кинозвезд. Bravo, майор!

Хауссон стоял не шевелясь и смотрел мимо генерала. Он понимал, что вся эта язвительная тирада — всего лишь вступление, и ждал главного — того, что определит всю его дальнейшую судьбу.

— Что вы молчите? — крикнул генерал. — Или вы разучились не только работать, но и говорить?

— Что я могу сказать... — Хауссон пожал плечами. — Этот русский лейтенант сумел всех нас провести за нос.

— Что значит «всех нас»?

— В первую очередь меня, — твердо произнес Хауссон.

— Так... А еще кого?

— Ну и еще раз — меня. Но вы, как никто другой, знаете, что ошибки в нашей работе случаются... — Хауссон сказал это не без намека: он напоминал генералу о его скандальном провале в Касабланке во время войны.

— Ошибки ошибкам рознь, майор! — Лицо генерала побагровело. — Одни после ошибок становятся генералами, а другие превращаются в ничто! Вы поняли меня?

— Прекрасно.

— Так если вы кое-что еще понимаете, как вы не можете понять, что свой подарок вы сделали нам в такой трудный момент, когда подобные дела не могут быть прощены!

— Должен ли я, генерал, это ваше замечание понимать как обвинение в том, что я создал и эти трудности?

Это был выстрел с дальним прицелом. Недавно на президентских выборах победили демократы. Трумэн остался

президентом. Однако во время избирательной кампании политические конкуренты — республиканцы — доставили демократам большие неприятности.

Особенно резко они нападали на все, что делалось в Германии. Отводя удар от себя, лидеры демократов придумали хитрый маневр: во всем-де виноваты устаревшие люди войны, люди Рузвельта. И было обещано, что люди эти будут заменены другими. Генерал, распекавший Хауссона, был типичным «человеком войны», и он должен был понимать, что Хауссон знает о нем больше, чем кто-либо другой. Хауссон рассчитывал именно на это. И он попал в цель...

Генерал на вопрос майора не ответил. Еще вчера он продумал все: он устраивает беспощадную расправу над Хауссоном, объявляет его чуть ли не главным виновником всех просчетов, допущенных в германском вопросе из-за неправильной ориентации разведки, а себя выставляет в роли того начальника, который первый начинает устранение из Германии устаревших людей.

Хауссон, конечно, все это предугадывал, потому-то он и сделал выстрел с дальним прицелом. Молчание генерала сообщило ему о точном попадании в цель. Теперь нужно действовать решительно, без оглядки.

— Никогда не следует, генерал, — говорит он спокойно и почти сочувственно, — переоценивать значение политической предвыборной игры. Недавно я получил письмо от Большого Джона. О результатах выборов он с юмором пишет, что если не считать потерянных денег, которые пришлось дать на проведение предвыборной кампании, все осталось по-старому. Кстати, он по-прежнему очень интересуется Руром. Он вам об этом не писал?.. Нет? Я ему как раз советовал связаться именно с вами.

Генерал молчал. Хауссон мог считать бой выигранным... Все дальнейшее было уже не больше, как взаимные маневры противников по выводу своих сил из боя.

— Не ожидаете ли вы, майор, — усмехнулся генерал, — что эта скандальная история будет поставлена вам в заслугу?

— Ни в коем случае, — быстро произнес Хауссон. — В меру моей личной вины я готов понести наказание. Но, кстати, зачем вы так поспешили с сообщением в печать об этом русском?

— Нужно было, — глухо произнес генерал.

«Повышал свои акции», — внутренне усмехнулся Хауссон.

В кабинете долго царило молчание. Потом генерал сухо сказал:

— В Берлине вам оставаться нельзя. Думаю, что вам придется принять нашу новую школу в Мюнхене. Я сегодня поговорю с Центром. Необходимо, майор, чтобы прошло время и забылась эта ужасная история.

— Ну что ж, я согласен, — почти весело сказал Хауссон. — Тем более что в нынешней бурной жизни все забывается довольно быстро.

— Не обольщайтесь, майор. Мы получили с Востока целую серию контрударов. Для всех нас создалось положение весьма напряженное.

Хауссон улыбнулся:

— Людей устаревших, вроде нас с вами, сменят новые, и дело поправится... Как вы предлагаете поступить со вторым русским и его немкой?

— Я смотрел его досье... — Генерал пожал плечами. — Этот как будто подвести не может. В каком состоянии он сейчас?

— Удручен. Подавлен. Того лейтенанта брался застрелить собственноручно.

— Вот-вот! Боюсь, что он только на такие дела и годен.

— Не думаю, генерал. Это человек очень неглупый. А главное, у него теперь никаких путей назад нет.

— Сегодня русские повторили требование о его выдаче.

— Что им ответили?

— Снова — ничего. Но я дал интервью западноберлинской газете. Заявил, что этот русский офицер сам избрал

Запад и напрасно советское командование, продолжая не понимать принципов западной демократии, добивается, чтобы мы распорядились судьбой человека и не давали бы ему жить так, как он хочет. В общем, мы на их требования просто не будем отвечать — и все.

— А не пригодится он нам в школе? — спросил Хауссон. — Ведь он знает Россию, ее порядки, обычаи...

Генерал покачал головой:

— Не знаю, майор, не знаю... Вот, если Центр решит доверить вам школу, тогда вы сами этот вопрос и решите... Да, а немку, с которой спутался этот русский, убрать. Выгоните ее к чертовой матери!

— Это может повлиять на капитана Скворцова... — осторожно возразил Хауссон.

— Мы не брачная контора, майор! — ожесточенно произнес генерал. — Она не нужна. Выгнать — и все!

36

Субботина увезли из Берлина через час после скандальной пресс-конференции. Увезли в машине. Пока ехали, наступили сумерки, так что он совершенно не представлял себе, куда его везут. Машина остановилась перед глухими воротами. В обе стороны от них тянулся, пропадая в темноте, такой же глухой и высокий забор, по верху которого на кронштейнах тянулась колючая проволока. Сопровождавшие Субботина два рослых парня в штатском за всю дорогу не произнесли ни слова. Теперь они довольно долго объяснялись с вышедшим из калитки офицером.

Наконец ворота открылись. Машина промчалась по дороге, обрамленной густой полоской кустарника, и остановилась под аркой дома, похожего на старинный помещичий особняк. Тут же в стене была дверь с чугунным гербом в виде белки, сидящей на косматой сосновой ветке. Как только Субботин вышел из машины, дверь открылась.

— Сюда, пожалуйста, — сказал один из парней.

Видно, на этом миссия штатских заканчивалась, их больше не было видно. В полутемном коридоре Субботина встретил человек в офицерской форме, но без знаков различия.

— Прошу за мной, — отрывисто, тоном приказа произнес он и пошел впереди по длинному и мрачному коридору с низким сводчатым потолком. — Здесь ваша комната. Входите...

Нетрудно представить себе, какой тревожной была эта ночь для Субботина.

Комната, в которой он находился, походила на тюремную камеру: длинная, узкая, с голыми стенами, окно-бойница изнутри закрыто массивной ставней. Тусклая лампочка под высоким потолком. Стол, стул, солдатская кровать — и больше ничего! Что все это означало? А главное: поверили они или не поверили в версию, которая была разыграна на пресс-конференции? Все решало именно это. И только это.

Субботин в который раз вспоминал все, что произошло, и придирчиво анализировал, не был ли где допущен им хоть маленький промах. Но нет, все прошло удивительно чисто и точно по расчету. «Молодец Кованьков!» — подумал Субботин. И тут же тревожная мысль: «Что с Наташей Посельской?» После пресс-конференции он ее больше не видел...

Утром, когда Субботин был еще в постели, в его комнату без стука зашел солдат.

— Вас просят вниз, — сказал он.

Субботин решил провести первую разведку.

— Это обязательно? — спросил он слабым голосом. — Я плохо себя чувствую...

Солдат ушел. Не прошло и десяти минут, как явился врач. Положив на стол кожаную сумку с красным крестом, он присел на кровать и взял руку Субботина. Врач был очень молодой, но держался уверенно, если не сказать — нахально. Проверив пульс, он нагнулся к Субботину, всматриваясь в его глаза.

— Что с вами? — спросил он наконец.

— Непонятная слабость, — тихо ответил Субботин.

— Почему непонятная? Естественная разрядка после нервного напряжения.

— Наверно, — согласился Субботин. — Мне вставать обязательно?

Врач пожал плечами:

— Внизу подан завтрак. И я советовал бы вам не развинчиваться, встать и действовать. В таких случаях это самое верное лекарство.

Субботин улыбнулся:

— Тогда, не теряя времени, прибегнем к этому лекарству...

Солдат, поджидавший Субботина в коридоре, провел его не в столовую, а в кабинет, где его с явным нетерпением ждал пожилой американский полковник. Увидев входящего в кабинет Субботина, он сердито посмотрел на часы.

— Здравствуйте, капитан. Садитесь! — отрывисто произнес он. — Я хочу сказать несколько слов, чтобы вам впредь было все ясно. Я и мои люди к вашим делам не имеем никакого отношения. Вы... ну, что ли, мой гость. Но, увы, здесь — учреждение военное. Прогулок по парку разрешить не можем. Вам придется все время находиться в своей комнате. Поскольку я предупрежден, что цель вашего пребывания здесь — скрыться от общественного любопытства, думаю, что такой режим жизни устроит и вас. Можете идти завтракать... — Полковник сказал это без пауз, на одном дыхании, и снова сердито посмотрел на часы.

— Я хотел бы иметь возможность читать газеты, — требовательно произнес Субботин.

— Хорошо. К завтраку вам будут подавать газету.

В дверях появился солдат.

— Проводите господина в столовую... (Субботин встал.) Да, чуть не забыл. Я имею распоряжение переодеть вас в штатский костюм. Приятного аппетита.

Кельнер в странной полувоенной форме подал Субботину завтрак и стал возле стены. Как только был выпит кофе, в дверях появился солдат:

— Прошу...

Субботин вернулся в свою комнату...

Так он прожил шесть дней. Теперь по утрам он читал газету и был в курсе событий. Прочитал он и насчет себя. Генерал в интервью утверждал, что ему ничего не известно о судьбе русского офицера Скворцова. Офицер сам сделал выбор и пришел в западный мир. Где и как он живет теперь? Генерал не может, естественно, знать, как живут миллионы людей, которые населяют Западную Германию... Субботин несколько раз прочитал это место из интервью. Нет-нет, все было в порядке: они ему верят и, судя по всему, собираются использовать. «Ну что же, именно это нам и надо...»

План, разработанный Рычаговым, состоял из двух частей. Первая включала в себя все, что было связано с вызволением лейтенанта Кованькова. Но в ходе этой операции уже начиналась и вторая часть плана, по которой Субботин должен был закрепиться на Западе и затем действовать в зависимости от обстановки.

На седьмой день во время обеда в столовую быстро вошел полковник, с которым Субботин разговаривал после приезда сюда.

— Прошу прощения, но вам нужно поторопиться. За вами приехали...

И снова Субботин ничего не увидел. По тому же коридору его вывели под арку дома, где уже стояла машина. Рядом с шофером сидел знакомый Субботину офицер из отдела Хауссона.

— Здравствуйте, мистер Жерард! — обрадовался Субботин.

Не отвечая на приветствие, офицер открыл заднюю дверцу. Машина сорвалась с места и помчалась по аллее. Промелькнули раскрытые ворота, за которыми к горизон-

ту устремилось прямое как стрела шоссе. Субботин тронул за плечо офицера и тихо и гневно сказал:

— Мистер Жерард, неужели вы не уничтожили этого щенка лейтенанта?

Офицер пожал плечами:

— Скандал получил чересчур широкую огласку. И вообще я не хочу говорить об этом.

Субботин видел, что офицер в дурном настроении. Но кое-что уже известно. Кованьков жив! Прекрасно! Зададим вопрос другой:

— Куда мы едем, мистер Жерард?

— В Мюнхен.

— Зачем?

— Я думаю, вы там будете жить и работать.

— Надеюсь, с мистером Хауссоном?

Офицер снова пожал плечами и не ответил.

— Еще один вопрос, мистер Жерард: где Анна Лорх?

— Понятия не имею. Я занимаюсь только тем, что имеет отношение к делу...

Субботин понял, что с Наташей дело плохо. От тревоги за нее похолодело сердце.

Часть вторая

37

Как только окончилась война, сразу стало ясно, что западные державы создают искусственные препятствия возвращению на родину советских людей, угнанных фашистами в Германию. Кто был в дни окончания войны в Германии, никогда не забудет, как по ее дорогам с запада на восток и с востока на запад двигались бесконечные колонны изможденных людей. Вводя в Европе свой бандитский «новый порядок», гитлеровцы согнали в Германию рабов из многих стран мира. Французских шахтеров они заставляли работать на шахтах Силезии. Украинские крестьяне батрачили на землях помещиков в Баварии. Вся Германия была покрыта сетью лагерей для рабов. Для тех, кто не покорялся новоявленным рабовладельцам, были созданы концентрационные лагеря смерти.

В первые дни мира на дорогах Германии мы видели немало людей в полосатых арестантских робах, с выжженными на руках лагерными номерами. Эти люди были похожи на вставших из гроба мертвецов. Они возвращались в родные места, одним своим видом свидетельствуя миру о пережитых ими муках.

В советской зоне сотни наших офицеров, недосыпая, валясь с ног от нечеловеческой усталости, помогали жертвам «нового порядка» поскорей вернуться к родному кро-

ву. На дорогах стояли солдатские кухни. В населенных пунктах днем и ночью работали специальные центры по снабжению освобожденных узников фашизма одеждой и продовольствием, обеспечивали их ночлегом и транспортом.

Совсем иначе было в Западной Германии. В первые же послевоенные дни советское командование располагало информацией о том, что в западных зонах тысячи и тысячи советских людей не выпускают из гитлеровских лагерей. Сначала был выдуман предлог такой: в лагерях-де свирепствовали различные инфекционные болезни, и поэтому теперь необходим карантин. Затем в западной пропаганде и в официальных документах появился термин «добровольная репатриация». Видите ли, оказывается, многие советские люди не выказывают желания возвратиться на родину. Эту заведомую ложь дружно разоблачали все, кто сумел вырваться из лагерей.

Распространяется гнусная клевета, будто все освобожденные из лагерей на родине объявляются изменниками и их судят. Одновременно рассыпаются щедрые и столь же лживые посулы о беспечной жизни в западном мире.

Так после войны развернулась форменная борьба за освобождение советских людей.

То, что Советская страна желала возвращения попавших на чужбину своих людей, естественно. Но почему западные державы решили помешать этому? Как раз той осенью, когда разворачивались события нашего рассказа, американский главнокомандующий в Германии генерал Клей на одной из своих бесчисленных пресс-конференций заявил, что западные оккупационные власти не собираются запрещать деятельность антисоветских организаций среди русских перемещенных. На просьбу французского корреспондента более подробно осветить этот вопрос генерал раздраженно ответил, что он не обязан вмешиваться в частные дела русских...

Все та же старая песня!.. Нечто похожее сказал для печати о Субботине и другой американский генерал. Он тоже, видите ли, не обязан знать, что делает перешедший на Запад русский офицер.

38

Иностранные разведки, развертывая работу против Советского Союза, всегда сталкивались и сталкиваются с проблемой языка. Невозможно научить американца или англичанина так говорить по-русски, чтобы русские приняли его за соотечественника. Или научить его говорить по-украински так, чтобы украинцы приняли его за земляка. Во всяком случае, это требует многих лет учения и практики.

Американская разведка торопилась и решила сделать ставку на кадры, вербуемые из русских перемещенных лиц. По лагерям ездили высокопоставленные чины разведки, сопровождаемые целым штатом вербовщиков. Несколько позже перешедший к нам из Западной Германии офицер американской разведки рассказал, с каким упорством по лагерям перемещенных лиц выискивали людей с замаранной во время войны совестью или таких, кто по отсталости сознания мог соблазниться на денежные посулы и обещания райской жизни. Их увозили в школы, размещенные в разных укромных местах Западной Германии, и торопливо готовили из них шпионов и диверсантов.

Майор Хауссон стал начальником школы по подготовке агентуры для засылки в Восточную Германию и Советский Союз. Конечно, для него это было понижение. С тем большим усердием он приступил к работе, надеясь своим служебным рвением заслужить прощение грехов и как можно скорее вернуться к более заметным делам.

Школа помещалась в старинном замке, в пятидесяти километрах от Мюнхена. Со всех сторон замок окружал парк из столетних деревьев, в здании постоянно царил

сумрак. Майор Хауссон занимал комнату в башне. Из ее окон открывался вид на неуютную осеннюю равнину.

Курсанты размещались на первом этаже. Это были самые разные люди в возрасте от двадцати до тридцати лет. В школе работали два отделения: немецкое и русское. Все девять курсантов немецкого отделения являлись уроженцами Восточной Германии, по тем или иным причинам после войны оказавшимися в западной зоне. На русском отделении обучалось около двадцати человек. Все они были из так называемых «перемещенных лиц».

Поклявшись себе быть более осмотрительным, Хауссон решил как следует проверить состав курсантов. Сперва он вызвал к себе немцев. К нему явились девять парней, одетых по последней американской моде. Все они держались нахально и самоуверенно.

Хауссон стал выяснять, кто они такие. Как на подбор, все курсанты были людьми случайными и не вызывающими особого доверия. Один работал официантом в Мюнхене, стал соучастником ограбления французского коммерсанта, чудом избежал суда, скрывался, потом попал в школу. Другой по профессии шофер. Сбил машиной человека, сидел в тюрьме. Оттуда был взят в школу. Третий работал наборщиком в типографии, участвовал в печатании нелегального порнографического журнала. По приговору суда должен был два года сидеть в тюрьме. Попал в школу... И так далее, в том же духе. Хауссон вообще к немцам относился презрительно, называл их «нацией исполнителей». «Ну что ж, — думал он, вглядываясь в лица сидевших перед ним курсантов, — эти тоже что-нибудь смогут исполнить. Весь вопрос в том, чтобы приказ был построже, а оплата повыше...»

Затем майор Хауссон познакомился с курсантами русского отделения. Эти произвели на него более благоприятное впечатление. Их биографии были весьма схожи. И что почти поразило его: биографии у них были куда значительнее, чем у немцев. И в каждой было то, что обнадеживало: озлобленность человека с покалеченной судьбой...

Майору Хауссону показалось, что этих парней можно увлечь перспективой тайной авантюрной деятельности. Особенно ему понравился Герасим Барков, тридцатилетний мужчина удивительных внешних контрастов. Геркулес, а руки маленькие, женские, холеные. Девичье чистое, нежное лицо, а на нем — темно-серые, немигающие глаза с матовым свинцовым блеском, глаза убийцы. Во время войны работал в гестапо в Донбассе. Потом сам бежал в Германию.

— Почему вы стали работать в гестапо? — спросил Хауссон.

Барков задумчиво усмехнулся:

— Интересная была работа. Весь поселок меня, как чумы, боялся. Идешь, бывало, люди, как мыши, прячутся.

— А что вы думаете о России теперь?

— Только бы она обо мне не думала, — рассмеялся Барков. — Там на меня зуб имеют острый.

— Ну а если по ходу дела вам предложат съездить туда, не побоитесь?

Барков пожал плечами:

— А чего бояться? Не придется же мне ехать в тот шахтерский поселок? Думаю еще усы отпустить. — Он махнул рукой. — И вообще кто меня близко тогда видел, тех в живых нет.

— А родные у вас там остались?

— Фактически я безродный. Мать умерла. Отец беглый со дня моего рождения. Его с алиментами никак найти не могли.

Все это Барков говорил спокойно и с той неподдельной простотой и убежденностью, в которые нельзя было не верить.

Хауссону оставалось только пожалеть, что он не располагал такими кадрами в Берлине.

Познакомившись с курсантами, Хауссон стал вызывать к себе преподавателей. Все они оказались хорошо знающими свое дело, но абсолютно не представляющими особенности той страны (речь идет о России), куда должны были попасть их питомцы. В этом они целиком полагались на са-

мих курсантов, забывая, что те не были на родине уже весьма длительный срок.

Преподаватель, обучавший курсантов шифровальному делу, человек с внешностью старомодного художника, сказал Хауссону:

— Я готовил людей для Франции. Я знал: что бы там ни произошло, Франция есть Франция. Я сам бывал там, и все, что необходимо о ней знать, знаю. Но Россия... — Он прочесал пятерней свои длинные, сваливающиеся на уши волосы и добавил: — Сплошной сфинкс! Хуже, чем Китай. Впрочем, — добавил он, — относительно Восточной Германии мы тоже в большом неведении.

Хауссон понимал, что преподаватель прав. Именно в этом может оказаться главный порок в работе порученной ему школы. А раз уж он вынужден отбывать здесь наказание за берлинский промах, он должен сделать школу образцовой.

Но разве сам Хауссон знает Россию настолько, чтобы быть уверенным в том, что он сможет хорошо поставить изучение плацдарма, на котором предстоит действовать его питомцам? И Хауссон решил прежде всего сам изучить все, что можно, о сегодняшнем Советском Союзе. Он запросил всю имевшуюся в Разведывательном центре литературу об этой стране. Ее оказалось не так уж много. Справочники были сильно устаревшими. Его удивило и даже рассмешило, что ему прислали сокращенные издания романов Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание». Наиболее полезным было досье вырезок из газет.

Целый день Хауссон штудировал вырезки. Досье было не маленькое — восемь пухлых томов. Вдобавок Хауссон владел русским языком не настолько, чтобы читать без словаря.

К вечеру Хауссон, страшно уставший, с разболевшейся головой, лег в постель, решив на сон грядущий почитать Достоевского. Лучше бы он этого не делал. По газетным вырезкам психология русского человека представлялась ему довольно простой и, во всяком случае, понятной. Он даже стал иронически думать о загадочности русской натуры, о

которой так любили говорить среди его коллег. Нет, нет, советские люди представлялись ему довольно примитивными: у них все интересы сосредоточены только вокруг работы, связанной с выполнением каких-то бесконечных планов и обязательств. А Достоевский, даже сокращенный, показывал ему русского человека, действительно непостижимого в своей сложности и неожиданности поступков. Как же это может быть? Не могли же коммунисты так переделать не только государственный строй, но и самого русского человека? Ну, хотя бы вот этот, понравившийся ему курсант Барков — к чему он ближе? К Достоевскому или к тому, чем веяло от бесчисленных газетных вырезок? Пожалуй, к Достоевскому... Но это ощущение возвращало Хауссона к мысли о загадочности русской натуры.

Словом, нет ничего удивительного, что однажды Хауссон пришел к мысли, что ему нужно иметь при школе надежного консультанта по Советскому Союзу, жившего там совсем недавно. И он подумал о Скворцове. Хауссон решил, что его можно и нужно использовать в школе. Надо только некоторое время еще понаблюдать за ним: не изменил ли он свои взгляды, потрясенный тем, что произошло на пресс-конференции?

39

Журналисты, галдя, толкаясь, покинули зал. Субботина и Кованькова увели через дверь на сцене. И наконец наступила минута, когда Посельская осталась в зале одна. Что делать? Наташа прошла на сцену, но дверь там оказалась запертой. Наступившая после дикого гвалта тишина пугала. Наташа быстро вышла из зала. В фойе — ни души.

В гостинице портье, передавая Наташе ключ, сказал:

— За вами долг, фрейлейн.

— Разве номер не оплачен? — удивилась Наташа.

— Увы! — Портье развел руками и непонятно улыбнулся.

— Хорошо. Я сейчас схожу в меняльную контору, получу марки «Б» и заплачу...

Наташа вышла из гостиницы и чуть не столкнулась с уже знакомым ей молодым человеком, все эти дни ходившим за ней. Он посторонился и, приподняв шляпу, пробормотал извинение. Но за Наташей не пошел.

Поменяв марки, Наташа вернулась в гостиницу. На пороге ее ослепила вспышка фоторепортерской лампы. Все, кто был в вестибюле, провожали ее любопытными взглядами. Наташа все поняла: очевидно, пока она ходила, радио уже раструбило о пресс-конференции. Портье, принимая от нее деньги, сказал, улыбаясь:

— Можно было не торопиться. Вы сделали великолепную рекламу нашему отелю...

Молодой человек, который столкнулся у входа с Наташей, сидел в кресле в глубине вестибюля и посматривал на нее с непонятной усмешкой. К стойке портье подошел и стал рядом с Наташей пожилой и какой-то помятый мужчина.

— Прошу прощения. Несколько вопросов для газеты.

— Я устала... — Наташа хотела уйти, но корреспондент загородил ей дорогу.

— Всего два вопроса. На предыдущей пресс-конференции вы были представлены как невеста русского офицера. Где сейчас ваш жених?

— Не знаю.

— Прекрасно. И еще один вопрос: рассчитываете ли вы стать женой того офицера и когда это произойдет?

— Это наше личное дело... — Наташа бесцеремонно оттолкнула журналиста и быстро взбежала по лестнице.

В номере пожилая немка производила уборку. Она выключила пылесос и с откровенным презрением посмотрела на Наташу.

— Вы действительно немка? — вдруг со злостью спросила она.

— Да, немка, — устало ответила Наташа, вешая на распялку пальто.

— Как вам только не стыдно заниматься такими делами!

— Какими именно?

— Грязными — вот какими! — Уборщица сердито выдернула штепсель пылесоса. — Что плохого вам сделали русские?.. Убрали банду Гитлера? Да? — Женщина смотрела на Посельскую брезгливо и гневно.

Наташа в это время лихорадочно обдумывала, как себя вести в этой неожиданной ситуации.

— Я бы посоветовала вам, — жестко сказала она, — не совать нос, куда не следует. Убирайтесь отсюда!

Гремя пылесосом, уборщица вышла из номера. Наташа вздохнула: «Все же я поступила правильно. Мало ли что... Это могло быть и провокацией... Но что все-таки с Субботиным? Получил он возможность дать о себе знать? Как теперь поступать мне самой?.. Ясно пока одно: необходимо какое-то время выждать». Этого требовал и оперативный план.

Прошло еще три дня. От Субботина никаких известий. Не проявляли к ней никакого интереса и люди Хауссона. Уже трижды на встречах со связным Наташа условленным кодом передавала одно и то же: «Ничего нового. Положение Субботина неизвестно...»

На четвертый день утром Посельская пошла в комендатуру, рассчитывая найти там офицера, который ее принял после перехода зональной границы. Не поможет ли он ей связаться с Хауссоном?

Наташе повезло. Когда она подошла к комендатуре, у подъезда одновременно остановилась машина, из которой вышел именно тот офицер. Наташа бросилась к нему:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — замедленно ответил офицер, с недоумением смотря на Посельскую.

— Вы помните меня?

— Прошу прощения — нет. — Офицер козырнул и взялся за ручку двери.

— Я — Лорх. Анна Лорх. Невеста...

Офицер пожал плечами и быстро скрылся за дверью.

Наташа зашла в комендатуру и обратилась к чиновнику, который когда-то направлял ее в гостиницу. Этот ее помнил.

— Вы еще не устроились на работу? — спросил он. — Одну минуточку.

Чиновник ушел. Минут через пять он вернулся, но это был уже совсем другой человек. Не глядя на Наташу, он сказал:

— Комендатура устройством на работу не занимается. Для этого существует бюро найма. До свидания...

Все было ясно: от нее попросту отделивались, она им больше не была нужна.

Наташа вернулась в гостиницу. Только вошла в номер, зазвонил телефон. Портье сообщал, что ее хочет видеть корреспондент. Можно ли ему подняться к ней в номер?

— Можно... — Наташа положила трубку: «Посмотрим, что это за корреспондент».

Стук в дверь. Не успела Наташа отозваться, дверь открылась, и в номер вошел Рычагов.

— Здравствуйте, фрейлейн! Не откажите в любезности ответить на несколько вопросов.

— Пожалуйста. Садитесь...

Рычагов вынул блокнот и начал задавать вопросы. Наташа отвечала. Он записывал. Потом он встал, поблагодарил за интервью и ушел. На столе осталась записка:

«Сегодня же поезжайте в Мюнхен. Явитесь Гамбургерштрассе, 5, квартира 4. Там живет ваша двоюродная сестра Амалия Штерн. Она поможет вам устроиться на работу. Все идет хорошо. Записку немедленно уничтожьте».

40

Субботин сразу же обнаружил, что за ним ведется тщательная слежка. Началось с того, что в Мюнхене его поселили не в гостинице, а в заранее приготовленной кварти-

ре, в которой была даже экономка. Он прекрасно видел, что здесь регистрируется каждый его шаг. «Ну что ж, следите, господа!» Субботин избрал довольно беспечный образ жизни: вставал поздно, гулял по городу, посещал музеи, почти все вечера проводил или в кино, или в театре. Куда бы он ни пошел, за ним как тень тащился наблюдатель...

Прошло две недели. И вот утром его будит экономка. Этого никогда раньше не бывало. Женщина сказала, что приходил посыльный и принес письмо, которое просил вручить немедленно.

«Уважаемый господин Скворцов, прошу вас сегодня в двенадцать часов дня зайти по адресу Гартенштрассе, 31, квартира 7, по вопросу предоставления вам работы». Подпись неразборчивая.

Ровно в двенадцать Субботин стоял перед дверью седьмой квартиры. Его здесь ждали: только он протянул руку к звонку, как дверь открылась и он увидел майора Хауссона.

— Проходите, господин Скворцов...

Они вошли в большую, со вкусом обставленную квартиру. Через анфиладу комнат Хауссон провел его в маленький кабинет, единственное окно которого выходило в сад — голый, осенний, грустный. В кабинете было сыро, пахло плесенью. Вообще вся квартира, хотя и хорошо обставленная, производила впечатление нежилой.

Хауссон сел в кресло, Субботин — на диван.

— Как живете, господин Скворцов?

— Скучно... Где Анна Лорх?

Хауссон усмехнулся:

— Не знаю. Я не агент брачной конторы. И я удивлен, что вам скучно. По-моему, вы живете здесь как американский турист.

— Оттого и скучно! — сердито произнес Субботин. — Я без работы жить не могу. Особенно после всего, что произошло в Берлине.

Хауссон поморщился:

— Но лучше уж быть без работы, чем такая работа, какую вы провели там...

— Это верно... — Субботин вздохнул. — Но он так же, как меня, обманул и вас.

— Черт возьми, он же русский! — вспыхнул Хауссон. — Вы-то должны были раньше меня заметить, куда он смотрит.

Субботин пожал плечами:

— Великий хитрец истории Талейран заявил однажды Наполеону: «Ваше Величество, я никогда не смогу обмануть ваше доверие, кроме того случая, когда я захочу это сделать».

— Вы бы еще с Наполеоном сравнили этого мерзавца! — раздраженно обронил Хауссон.

— Я много думал о случившемся. — Субботин помолчал и продолжал: — Все дело в том, что разгадать хорошо задуманную хитрость, может быть, труднее, чем сложнейшую загадку ума. А между тем хитрость свойственна простейшим животным, и даже эту хитрость охотник разгадывает не сразу. Мы, господин Хауссон, поторопились. Если уж говорить сейчас начистоту, у меня была тревога с самого первого момента, когда этот щенок вдруг пошел нам навстречу.

— Что же вы, черт возьми, хранили эту тревогу про себя?

Субботин грустно улыбнулся:

— Еще большую тревогу я испытывал за собственную судьбу. Я видел, что вы нервничаете, понимал, что вас торопит высшее начальство, и в это время вдруг я, только свалившийся к вам, что называется, с неба, начну говорить вам об опасности спешки и тому подобное. Я же прекрасно понимал, какое это произведет впечатление. Словом, не вовремя я попал к вам, не вовремя.

— Конечно, нас торопили, — помолчав, проворчал Хауссон.

— А когда подобная работа, — подхватил Субботин, — идет с советским человеком, нужно быть предельно осторожным и предельно бдительным. Никакой самый богатый опыт такой работы с людьми других стран здесь не применим. Может быть, только оказавшись на Западе и получив возможность издали оглянуться на то, что меня раньше окружало, я с особой глубиной понял, как там искусно обрабатывают сознание каждого человека, кем бы он ни был. Но это особая тема. Извините, просто все это у меня наболело...

Хауссон помолчал и сказал:

— Вы снова будете работать со мной. Приготовьте ваши вещи, завтра к девяти часам утра за вами придет машина. Вас отвезут к месту новой работы.

— Можно узнать, что за работа и где? — деловито спросил Субботин.

— Все узнаете завтра. — Хауссон встал, давая понять, что разговор окончен.

Субботин тоже встал и, преданно смотря в глаза Хауссону, торжественно сказал:

— Я благодарю вас, майор, за то, что вы не потеряли ко мне доверия! Честное слово офицера — я оправдаю!..

Несколько часов Субботин бродил по городу, обдумывая встречу с Хауссоном. Он отлично понимал, что все сказанное майором принимать за чистую монету рискованно. Может быть, его просто хотят изолировать. А может, и вывезти из Германии. Но было одно обстоятельство успокаивающее: почему-то сегодня не было за спиной наблюдателя. Его не было, когда Субботин утром вышел из дома, не было и сейчас. А может, он такой умелый, что Субботин не может его обнаружить?.. Вот это надо проверить.

Субботин направился к бульвару — он еще раньше подумал, что это удобное место для выявления наблюдателя. Особенно теперь — глубокой, холодной осенью, когда кругом ни души. Субботин пересекал бульвар по диагонали. Наблюдатель должен был или пойти за ним и явно себя

обнаружить, или обежать всю площадь в расчете встретить Субботина у выхода... Нет, через бульвар за ним никто не пошел. Не было видно никого и на площади.

У самого выхода Субботин повернул назад, а в центре бульвара, где был фонтан, сел на скамейку. Наблюдения за ним не было. Очевидно, они убедились, что его мюнхенская жизнь безупречна. Но что с Наташей Посельской? Субботин подставил лицо сыпавшейся с серого неба колючей изморози и задумался... Скорей всего, ее просто выкинули из игры. В самом деле, зачем она им? При разработке плана такой вариант отношения к Посельской учитывался. И было условлено, что Наташа останется в Западной Германии, чтобы открыто и легально устроиться здесь жить на общих правах для немцев, бежавших с Востока, и быть как бы в резерве. Так что, если Хауссон действительно только выбросил Посельскую из игры, особенно беспокоиться за ее судьбу не стоит. Ведь Рычагов в Берлине, он не дремлет... Но что за работу придумал Хауссон для него? Куда его завтра увезут?

Здесь, в Мюнхене, был один заветный телефонный номер. Но к звонку по этому телефону Субботин может прибегнуть только в самом крайнем случае. Наступил ли такой случай теперь? Нет, нет и нет. Позвонив, он сможет сказать только одно: его увозят неизвестно куда и неизвестно зачем. В таком сообщении почти ничего, кроме тревоги за свою судьбу, не будет... В общем, это далеко не тот крайний случай, чтобы воспользоваться заветным телефоном... Значит, надо пока подчиниться обстоятельствам и при этом нерушимо верить, что товарищи тоже действуют и всегда о нем помнят. Это относится, в частности, и к тому человеку, которому принадлежит заветный телефон и о котором Субботин знал только, что его пароль «Братья Райт»...

Да, Субботин не ошибался. Тот человек уже знал, что Субботин находится в Мюнхене, знал, где он живет, знал даже, как он проводит время. И всю неделю его люди пы-

тались установить с Субботиным контакт, но это нельзя было сделать, потому что тот все время находился под наблюдением.

...Субботин уже собрался встать и идти домой, но в это время увидел женщину, которая медленно шла через бульвар. Решил подождать, пока она пройдет. А может, это и есть наблюдатель, которому надоело ждать, и он решил посмотреть, чем занимается его объект? ...

Женщина приближалась, в упор смотря на Субботина. Он смотрел на нее, недоуменно подняв брови.

Женщина проходит мимо, и Субботин слышит, как она, не останавливаясь, внятно произносит:

— «Братья Райт». Немедленно купите газету в киоске возле отеля «Глория».

Субботин смотрел вслед удалявшейся женщине, и сердце его радостно колотилось...

Газетный киоск стоял чуть в стороне от входа в отель, Субботин подошел к нему, выбрав момент, когда не было покупателей. В киоске сидела Наташа Посельская. Узнать ее было трудно: волосы другого цвета, другая прическа, крикливая косметика. И все же это была она. Наташа с игривым лицом протянула ему газету, получила деньги и тихо сказала:

— Шифр номер три. Здесь буду ежедневно я или Амалия Штерн. Мы — двоюродные сестры. Живу у нее: Гамбургерштрассе, пять, квартира четыре.

— Сегодня встречался с Хауссоном. Завтра утром меня увозят. Куда и зачем — не знаю, — сказал Субботин, вороша журналы на прилавке.

— Желаю успеха... До свидания. — Наташа улыбнулась.

Придя домой, Субботин открыл третью страницу газеты и в третьей колонке, в третьем абзаце, применив шифр, прочитал: «С Кованьковым все в порядке. Поздравляю. Хауссон назначен начальником диверсионной школы в пятидесяти километрах от Мюнхена. Очевидно, и вас не случайно доставили в Мюнхен. Возможна взаимосвязь этих

фактов. Оперативная связь через Посельскую и через каналы, о которых она вам сообщит. В самом крайнем случае — известный вам телефон».

Субботин улыбнулся: молодчина Рычагов!

41

На исходе еще одна длинная осенняя ночь. Рычагов встал из-за стола и раздвинул шторы. За окном — серая мгла. Еле видны дома напротив. Из открытой форточки потянуло холодком. Рычагов зябко поежился и вернулся к столу.

Начиная с того дня, когда Субботин пошел на Запад, Рычагов ночевал в кабинете, да и спал-то он не более трех-четырех часов. Иногда и мог бы поспать дольше, но не спалось. Чуть брезжил рассвет, вскакивал с раскладушки и хватался за телефон:

— Узел связи?.. Рычагов. Доброе утро. Что-нибудь есть?.. Так... так... Срочно — ко мне.

И начинался новый день, исполненный громадного нервного напряжения.

...Наивно думать, что такая операция — дело одного Субботина. Нет-нет, планы подобных операций, как правило, выполняются довольно большим количеством людей. В центре операции действует главный исполнитель, но вокруг него постоянно находятся его незримые помощники, без которых он не смог бы работать.

Сейчас Рычагов нетерпеливо ждал донесений с узла связи. Он склонился над столом, на котором разостлана карта, больше всего схожая с метеорологической. В центре карты — Мюнхен. Здесь — Субботин. А от Мюнхена, углубляясь на восток, прочерчены концентрические полукрути, пересеченные изломанными радиальными линиями. Дорого бы дали за эту карту Хауссон и его начальники, ибо карта эта раскрывает всю схему обеспечения операции.

Но ведь Рычагов не знал заранее, что Субботин окажется в Мюнхене... Да, в те дни, сразу после перехода Суббо-

тина в Западный Берлин, у Рычагова была самая напряженная пора. С волнением и тревогой он следил за ходом операции по освобождению лейтенанта Кованькова и одновременно тщательно разрабатывал схему обеспечения второй части операции. Причем он должен был, по мере возможности, быть готовым к любым неожиданностям, которые могут произойти с Субботиным. Ведь мог же тот, например, оказаться не в Мюнхене, а скажем, в Гамбурге. Значит, в схеме был и Гамбург. Но надо отдать должное Рычагову: тщательнейшим образом изучив обстановку, он в перечне возможных вариантов под номером первым занес Мюнхен.

Масса всяких деталей, которые пришлось продумать, заранее подсказали Рычагову правильное решение. И когда ход событий это решение подтвердил, оставалось только правильно распределить людей и построить цепочки связи. В подборе участников операции крепко помогали немецкие товарищи, знавшие в Мюнхене немало надежных людей. Рычагов понимал, какое решающее значение имеет связь с главным исполнителем. Поэтому каждая разработанная им цепочка, кроме того, что сама была надежной, еще хитро перестраховывала или дублировала другую. Полковник Семин особенно придирчиво рассматривал именно эту сторону плана.

«Сам Субботин, — говорил полковник, — достаточно надежный. А малейшая ошибка в построении связи может свести его усилия на нет...»

Возвращаясь к себе от полковника, Рычагов начинал все продумывать заново.

На скандальной пресс-конференции Рычагов присутствовал. Он пришел туда вместе с Дырявой Копилкой. Стиссен идти не хотел. Но Рычагову он был очень нужен: появиться на пресс-конференции в одиночку было в известной степени рискованно.

Но разразившийся скандал прекрасно вознаградил Стиссена за его уступку Рычагову. Он буквально метался по залу со своим фотоаппаратом.

— Спасибо тебе, бельгийская подружка! — говорил он потом Рычагову. — Сделаны три великолепные пленки. И, сверх того, парочка снимков, за которые мне неплохо заплатит лично Мокрица. Хо-хо! Я снял Хауссона в момент взрыва бомбы. Видик у него был как у монашки, с которой на улице юбку сорвали. Хо-хо!..

Рычагов сумел заинтересовать Стиссена и дальнейшей судьбой русских офицеров и не без его помощи получил данные, подтверждающие, что капитана Скворцова увозят в сторону Мюнхена...

Да, первая часть плана была реализована с блеском. Истосковавшиеся по сенсациям журналисты скандальное происшествие на пресс-конференции разнесли по всему свету. Сыграл тут свою роль и известный волчий характер дружбы западных держав: англичане, например, описывали этот скандал с особым злорадством.

Советское командование немедленно заявило энергичный протест и потребовало освобождения похищенного лейтенанта Кованькова. И уже на другой день он был освобожден. В отношении же Скворцова в протесте было сказано, что такой капитан известен, что он действительно бежал на Запад, боясь понести наказание за совершенные им преступления. Советское командование требовало выдачи капитана Скворцова, как подлежащего суду. Американское военное командование на это не пошло. Они в Скворцова поверили. А Рычагову только это и было нужно...

В те дни Рычагов больше беспокоился о Посельской: он опасался, что ее попросту «устранят» как нежелательного свидетеля. И тогда Рычагов сам, в последний раз сыграв роль журналиста, встретился с Наташей и направил ее в Мюнхен к надежному человеку...

В кабинет Рычагова вошел высокий, сутулый человек. Он устало улыбнулся Рычагову:

— Не спится?

— От кого донесение? — быстро спросил Рычагов.

— От Посельской.

Рычагов чуть не вырвал у него из рук бумажку.

Наташа сообщала о своей первой встрече с Субботиным, о том, что завтра его увозят, но куда и зачем — неизвестно.

— Как это неизвестно? — рассмеялся Рычагов. — Хауссон потащил его за собой в школу! Порядок! Полный порядок!

42

Ровно в девять часов утра за Субботиным пришла машина. Шофер, парень атлетического сложения, назвался Жаном. Говорил он по-немецки очень плохо.

В пути шофер молчал. Сидевший рядом с ним Субботин спросил, долго ли ехать. Шофер сделал вид, что вопроса не слышал.

За городом машина развила огромную скорость — около ста пятидесяти километров. Субботин определил, что они едут на юго-запад от Мюнхена. Посматривая на спидометр и часы, он высчитывал остающееся позади расстояние. Отметил в памяти несколько характерных примет местности, по которой пролегалo шоссе. Когда проехали около пятидесяти километров, шофер сбавил скорость и через несколько минут свернул влево, на совершенно неезженую грейдерную дорогу. Открылся вид на просторную равнину, в конце которой был не то лес, не то большой парк. Над деревьями возвышалась готическая башня. Дорога вела туда.

У подъезда замка Субботина встретил щупленький подвижный человечек в штатском, говоривший на хорошем немецком языке. Он назвался комендантом объекта. Приказав шоферу отнести вещи, комендант провел Субботина на второй этаж и показал его комнату. Скаля желтые мелкие зубы, сказал:

— Чувствуйте себя здесь как дома.

— Я хочу видеть майора Хауссона, — строго сказал Субботин.

— Увы! — Лицо коменданта сразу стало постным. Я ничего этого не знаю, мое дело — комнаты, питание, транспорт... Да! Если вам понадобится выйти из комнаты, нажмите вот эту кнопку. Вас проведут куда надо. — Он подмигнул Субботину и взялся за ручку двери: — Всего хорошего, отдыхайте с дороги, — и мгновенно исчез.

Шли часы, но ни Хауссон, ни кто другой к Субботину не приходили. Замок казался вымершим. Глухая тишина. Изредка где-то хлопнет дверь — и опять тишина. Часа в три появилась пожилая женщина в сопровождении молодой девушки. Они молча, с непроницаемыми лицами, внесли поднос с обедом и вышли. Спустя час так же молча унесли посуду. Спрашивать что-нибудь у них было бессмысленно.

Субботин решил поспать, но заснуть не смог. Наступили быстрые осенние сумерки. Субботин встал и начал ходить по комнате из угла в угол. Он не умел долго радоваться успешно завершённому делу. «Сделанного никто не отнимет», — любил он говорить. И всегда всем своим существом был устремлен в завтрашний день. Что же его ждет завтра?..

Без стука в комнату вошел Хауссон.

— Здравствуйте, господин Скворцов! Прошу извинить, но я был очень занят. Как чувствуете себя на новом месте? Нравится ли вам ваша комната? Летом здесь будет прекрасно. Вы уже отдохнули после дороги? — Хауссон не ожидал ответов на свои вопросы. — Прошу вас к столу.

Он сел первый и, пока Субботин усаживался, пристально наблюдал за ним.

— Тут размещена специальная важная школа. Мы готовим людей для работы в советской зоне Германии и непосредственно в России. Здесь вы будете жить и работать. Вы назначаетесь вести дисциплину, которую мы условно назовем «Детализация обстановки». Для курсантов вы — преподаватель, которого зовут Иван Иванович. Больше они ничего о вас знать не должны. Ясно?

Субботин кивнул головой.

...Уже второй час Хауссон излагал Субботину свои мысли о том, как он должен вести преподавание дисциплины «Детализация обстановки». Это были совсем не глупые мысли. Хауссон тщательно проанализировал обстоятельства провалов в России и пришел к выводу, что главной их причиной является недостаточная профессиональная подготовка агентов и пренебрежение к фактору непрерывного изменения обстановки в стране, куда их отправляли.

— Россия — место особой сложности... — Хауссон говорил задумчиво, точно для себя, смотря при этом на свои положенные на стол руки. — Послать туда прекрасно подготовленного агента из американцев можно только под какой-либо официальной маркой дипломатического или коммерческого характера. Без этого он провалится в первый же день. Говорить по-русски, как русский, американец, по моему, не научится и после десяти лет обучения. Значит, пока мы можем рассчитывать только на перемещенных лиц. Но ведь они живут своими довоенными представлениями о России. А там, как нигде, обстановка меняется очень быстро. Ошибиться можно в пустяке. Я как-то беседовал с одним перемещенным, он все время упоминал слово «ударник». Спрашиваю, что это значит. Он говорит: «Лучший рабочий». Я наугад запросил справку. Получаю ответ: «Термин “ударник” в России больше не существует». А ведь в спешке можно было приготовить документ, что такой-то является ударником на заводе. Вот вам и провал...

Субботин слушал Хауссона внимательно и, когда тот изредка поднимал на него взгляд, согласно кивал головой. «Да, Хауссон ухватился за правильное звено», — думал Субботин и уже понимал, как будет ему трудно увильнуть от выполнения требований Хауссона; пытаться вводить курсантов в заблуждение будет весьма опасно: сказанное им на уроках Хауссон всегда сможет взять на проверку.

— Согласны ли вы с этой моей преамбулой по поводу вашей работы? — спросил наконец Хауссон и облегченно откинулся на спинку стула, смотря в глаза Субботину.

— Абсолютно! — воскликнул Субботин.

— Хотите что-нибудь дополнить?

Субботин беспомощно развел руками и засмеялся:

— Не в силах.

— Есть, конечно; еще один фактор — психология... — Хауссон помолчал. На строгом его лице дрогнула улыбка. — В Вашингтоне кое-кто эту психологию объявил наукой. Я же придерживаюсь формулы: разведчик и психология — нонсенс. Разведчик — человек без нервов и без психологии. Как вы думаете?

— Как вам сказать... — Субботин замялся. — Настоящий разведчик — да. Но разведчик-то будет действовать среди людей обыкновенных. И вот их психологию учитывать надо.

В это время Субботин подумал о том, что в Вашингтоне, видимо, работают люди поумней Хауссона, который не понимает, что психология перемещенного, заброшенного в качестве разведчика на родину, — серьезнейший, а иной раз и решающий фактор...

На составление плана уроков Хауссон дал неделю. Работать пришлось с утра до вечера: Субботин решил представить Хауссону не только план, но и подробные конспекты лекций.

План и конспекты были одобрены. После этого Хауссон познакомил Субботина с остальными преподавателями школы. Для них Субботин тоже был человеком без фамилии, все тем же Иваном Ивановичем. Наконец Хауссон представил Субботина курсантам русского отделения. В этот день начались занятия.

43

Эта зима казалась Субботину невероятно длинной. Главное, абсолютно не было известно, когда же наступит срок заброски агентов...

В плане операции учитывались самые разные ситуации, в которые мог попасть Субботин. Предусматривалось и то,

что с ним теперь случилось. Более того, по плану Субботин сам должен был напроситься работать по подготовке русской агентуры. Так или иначе, теперь план требовал от него добросовестно, не вызывая ни малейшего подозрения, работать, а когда начнется заброска агентов, предупредить об этом своих.

Но было одно весьма серьезное обстоятельство, которое очень тревожило Субботина. Его жизнь и деятельность были строго ограничены стенами школы. Проникновение сюда связных от Рычагова исключалось. А вдруг заброску будет осуществлять не школа, а совсем другая организация? Тогда все пойдет прахом.

Как он мог предусмотреть и устранить эту опасность? Он решил: только при помощи еще более усердной работы в школе. Нужно накрепко связать себя с делом подготовки агентуры, чтобы начальство неизбежно пришло к выводу, что он должен оставаться со своими курсантами вплоть до момента заброски.

В школе Субботин имел возможность читать газеты. По всему было видно, что создание восточногерманского демократического государства взбесило оккупантов Западной Германии.

Особую их тревогу вызывало настроение немцев, которые видели, что на востоке страны общенародным голосованием создано подлинно демократическое правительство. А искусственно созданное ими западное, боннское, правительство не пользовалось у населения никакой популярностью. Вот почему все шире разворачивается грязная война против демократической жизни в Восточной Германии. Диверсии на заводах. Засылка провокаторов, сеющих панические слухи. Террористические акты против демократических деятелей. Усиление валютной войны. Клеветнические измышления о советских планах порабощения Восточной Германии.

Узнавая обо всем этом, Субботин нервничал еще больше. Ему иногда казалось, что он позорно бездействует сей-

час, а в перспективе может вообще оказаться лишенным возможности выполнить задание. Но пока он продолжал придерживаться намеченной ранее тактики: изо всех сил старался завоевать расположение начальства.

В конце ноября Хауссон первый раз похвалил Субботина за его работу и предложил ему — в порядке, так сказать, поощрения — съездить на три дня в Мюнхен, как он выразился: «развлечься с помощью цивилизации». В душе ликуя, Субботин равнодушно сказал, что ему не очень-то хочется отрываться от работы, которую он полюбил.

— Вы мужчина, — улыбнулся Хауссон, — и в Мюнхене найдете достаточно дублерш своей Анны Лорх...

Субботин безразлично махнул рукой:

— Ну их всех к черту! ...

В Мюнхене Субботин жил, конечно, в отеле «Глория» и каждое утро покупал в киоске газеты и журналы. За эти дни он обменялся с Рычаговым целой серией шифрованных сообщений. Получил он и краткую шифровку от полковника Семина: «Ваши действия одобрены. Операция разворачивается нормально».

Вернувшись из Мюнхена, Субботин работал с еще большим старанием, даже с вдохновением. Он словно забыл, кто он на самом деле. Курсанты его уважали, уроки его любили. Занятия он проводил интересно, весело, искусно внушая курсантам опасную для них уверенность в том, что им предстоит не такое уж безумно трудное дело. Имея хорошую подготовку и совершенное оснащение, они прекрасно выполнят задания и вернутся со славой к обеспеченной жизни.

Хауссон был весьма доволен Субботиным. С первого января его сделали старшим инструктором школы. Как-то Субботин заговорил с Хауссоном о продолжительности срока обучения. Неожиданно майор рассердился:

— Надеюсь, вы не хотите спешить и повторить берлинский эксперимент? Это в Вашингтоне, сидя на теплом местечке, можно думать, что такое дело совершается быстро. Но мы-то с вами знаем...

— Я задал вопрос, — обиженно перебил его Субботин, — как раз потому, что в последнее время мне стало казаться, что именно вы всех преподавателей склоняете к спешке, а я считаю это неправильным.

— «Считаю, считаю»!.. — Хауссон злился все больше. — Работа должна вестись под простым девизом: «Все, что можно сделать сегодня, сделай сегодня». Нам пока не присвоено наименование академии. Все академии размещены в Вашингтоне, а не здесь...

Субботин все понял: очевидно, Хауссон испытывает нажим со стороны своего высшего начальства, которое его торопит. Он сопротивляется, но одновременно хочет, чтобы курсанты и педагоги работали с предельной нагрузкой. На случай ревизии это отведет от него обвинение в медлительности.

Хотя Хауссон так и не назвал точного срока выпуска курсантов, можно было понять, что он рассчитывает обучать их не меньше года. Неужели то главное, ради чего он здесь, придется ждать целый год? Оставалась только одна надежда, что высшее начальство все же одержит верх над Хауссоном.

А пока Субботин старался поближе сойтись со своими курсантами, чтобы лучше знать, какую опасность представляет каждый из них как будущий вражеский лазутчик. Он проводил время то с одним, то с другим, называл эти беседы индивидуальным инструктажем.

Самый опасный, конечно, Герасим Барков — геркулес с девичьим лицом и глазами убийцы. Он был страшен своей спокойной готовностью на все. Во время беседы с Субботиным Барков рассказал о своей работе в гестапо в одном из шахтерских городов Донбасса.

— Лихая была работа! — сказал он, мрачно сверкнув своими свинцовыми глазами. — Мне довелось двух коммунистов спихивать в шахтный ствол. Так они... — Он замолчал, потом усмехнулся и добавил: — Следы всегда надо зарывать поглубже...

Каких невероятных усилий стоило Субботину быть в эту минуту не больше как внимательным слушателем!.. Самым страшным в Баркове была его полная, убежденная беспринципность. Служил фашистам, теперь служит американцам. Завтра он может начать служить кому угодно, только бы платили и не мешали ему жить в свое удовольствие.

Константин Ганецкий — бывший харьковский репортер. Он рассказал Субботину всю свою биографию. Прежде всего Субботин заметил, что он о детстве и юности говорил так, как обычно рассказывают о счастливой поре своей жизни. Рассказывая, он задумчиво улыбался своим воспоминаниям.

— Хотел стать писателем, — грустно заключил он и надолго замолчал. А потом, словно спохватившись, что он в разговоре со старшим инструктором совершает тактическую ошибку, стал холодно рассказывать о том, как началась война, а он не успел эвакуироваться, как немцы увезли его в Германию, и как он здесь работал переводчиком в концентрационном лагере. И что было с ним дальше, вплоть до поступления в эту школу.

— Да, вы пошли на интересное дело... — исподлобья следя за Ганецким, сказал Субботин. — Захватывающе интересное дело! Вот и напишите книгу о своей жизни, завершающейся таким интересным эпизодом.

— Почему завершающейся? — насторожился Ганецкий. — Разве я старик? — Он натянуто улыбнулся, но глаза его с тревогой смотрели на Субботина.

— Я вижу, вы не очень понятливы, мистер, — засмеялся Субботин. — Сейчас ваша книга нужна только в Советском Союзе, в поучение, так сказать, потомству. Но я надеюсь, что вы не рассчитываете там обратиться в издательство со своей рукописью. А здесь такую книгу вам разрешат издать только тогда, когда вы уже уйдете на пенсию. Пора бы знать, что действующие разведчики книг о себе не пишут.

— О-о, это я понимаю, — облегченно произнес Ганецкий.

Пожалуй, один Ганецкий произвел на Субботина впечатление человека, который, попав в Советский Союз, скорей всего, активно действовать там в качестве шпиона не сможет. Остальные курсанты были опасны в разной степени, но все же опасны. Их души уже были покалечены всей атмосферой жизни во вражеском мире.

44

В начале мая стало окончательно ясно, что в отношении продолжительности обучения верх одержал не Хауссон, а его далекое начальство. Оттуда в школу прибыл мистер Гарц. Кто он был по положению и званию, знал один Хауссон, но Субботин сразу заметил, что, хотя Гарц относится к Хауссону внешне почтительно, на самом деле он совершенно с ним не считается и постепенно руководство школой забирает в свои руки. Вскоре стало известно, что выпуск школы состоится не позже конца июля.

Гарц присутствовал на занятиях, вызывал потом к себе преподавателей и требовал сокращения программы. Однажды вечером дошла очередь и до Субботина. Все эти дни он жил в страшной тревоге: ведь именно теперь и решалось, сможет ли он выполнить свой план до конца. Все преподаватели рассказывали, что Гарц разговаривал с ними грубо, не желал выслушивать никаких возражений. Тем большей неожиданностью для Субботина было то, что Гарц встретил его весьма приветливо. Они сели возле низкого круглого стола.

— Я умышленно вас пригласил последним, — сказал Гарц. — С вами у меня разговор особый. Ваши уроки произвели на меня благоприятное впечатление. Скажу еще прямее: то, чему учите вы, я считаю самым главным. Видимо, вы отлично знаете, для чего готовите этих людей. Хауссон тоже хвалил вас. Скажу откровенно, это меня насторожило. Видите ли, Хауссон очень хороший работник, но, во-первых, он несколько устарел, во-вторых, после скандального провала в Берлине он стал проявлять такую

сверхосторожность, какая в нашем деле уже недопустима, ибо для нас отказаться от известного риска — значит перестать действовать. Словом, Хауссону пора на отдых.

— Согласен, — быстро вставил Субботин, не уточняя, с чем он согласен.

— Ну а раз вы согласны, мне легче вести с вами весь дальнейший разговор. Понимаете, в чем дело, мистер Скворцов... Я надеюсь, что вам чужда тупая национальная обида. Я сейчас буду говорить о русских. Мы располагаем большим резервом перемещенных из России, достаточно большим, чтобы не обкладывать ватой каждого посылаемого туда в качестве агента. Мы ведем свою войну, и, как во всякой войне, у нас могут быть потери. Другими словами, мы должны опираться на фактор количества, а следовательно, и на ускоренную подготовку агентов.

— Понимаю, — с готовностью произнес Субботин.

— Очень хорошо. Я почему-то был уверен, что мы пойдем друг друга. Но все это не значит, что мы не должны научить нашу агентуру всем средствам предосторожности. В этом отношении мне понравилось ваше последнее занятие, ваше, в частности, предупреждение, что нельзя слепо верить в непогрешимость документов, которые мы для них готовим. Абсолютно правильно. Я подумал: надо подсказать им мысль о необходимости по прибытии в Россию самим добывать там более надежные документы. Если можно — украсть, а то и убить человека, чьи документы могут представлять интерес. Верно?

— Конечно... — Субботин помолчал и смущенно добавил: — Вот вы похвалили меня, а я-то до этой мысли не додумался. Но уже на завтрашнем занятии я вашу мысль тщательно разработаю. — Субботин тут же заметил, что Гарцу его лесть понравилась.

Переварив ее, Гарц сказал:

— Теперь еще одно очень важное обстоятельство. Раньше мы агентуру отправляли, не очень уж маскируя того, что занимаемся этим именно мы. Но после каждого провала

Москва поднимает страшный шум. Теперь разработана совершенно новая система. Вы знаете, что здесь у русских перемещенных имеется множество всяких организаций. Так вот: подготовленную агентуру мы формально как бы передадим одной из этих организаций. Это должно устроить всех. Русские организации бешено рвутся к этому пирогу. Так пусть они сядут за стол. Но за это мы все московские громы и молнии переведем на них. Понятно?

Нетрудно догадаться, с каким напряженным вниманием слушал все это Субботин. Его мозг пронизывала одна и та же тревожная мысль: сможет ли он быть в курсе отправки агентов? И вдруг — о счастье! — Гарц говорит:

— Сюда скоро приедут руководители русской эмигрантской организации. Они-то и посвятят курсантов в тонкости нашей новой системы. После их приезда мы устраним отсюда всех лиц американского подданства. Последние недели школа будет, так сказать, чисто русской. Мы свое дело сделали и удалимся, как это сделал в свое время мистер Мавр. — Гарц посмеялся своей шутке и продолжал: — Но без своего глаза мы школу оставить не можем. И вы, мистер Скворцов, до самого конца останетесь здесь нашим глазом.

Субботин не выдержал и от охватившей его радости улыбнулся.

— Чему вы радуетесь? — удивленно спросил Гарц.

— Очень ловко вы все придумали, — ответил Субботин. — Давно надо было...

— А Хауссон этому долго сопротивлялся.

— Просто не верится... — Субботин пожал плечами.

— Факт... — Гарц вздохнул. — Нет ничего опасней консерватизма возраста: когда человек останавливается, а сам думает, что он еще продолжает идти.

В начале июня в школу приехали три деятеля из русской эмигрантской организации: господы Барышев, Пав-

лов и Соколовский. Барышев среди них был главным. Остальные обращались к нему: «Господин председатель», хотя был он самым молодым — на вид лет сорока пяти. Пока в школе оставались Гарц и Хауссон, все они были тише воды, ниже травы. Первый раз господин Барышев решил показать зубы во время обсуждения у Гарца процедуры передачи им школы. Когда зашла речь о юридическом положении Субботина, Барышев сказал:

— Мы господина Скворцова не знаем, но, если он беспрекословно будет подчиняться моим распоряжениям, все будет в ажуре и...

— Стоп! — бесцеремонно прервал его Гарц, стукнув ладонью по столу. — Слушайте, мистер Барышев, что скажем вам мы. Слушайте и получше запоминайте. Мистер Скворцов найден для вас нами, а не наоборот. Мистер Скворцов остается в школе единственным нашим доверенным лицом. Единственным! Понятно?

Барышев послушно кивнул головой.

— Кем юридически будете считать его вы, нам не интересно, и это не имеет никакого значения. Но, например, связь с нами — только через мистера Скворцова. Любое мало-мальски важное решение вы принимаете, только посоветовавшись со Скворцовым. Все. Вопросы ко мне есть?

— Нет-нет, все абсолютно ясно, — погасшим голосом ответил Барышев.

Тем не менее, когда Гарц и Хауссон уехали в Мюнхен, Субботину нелегко было ладить с этими русскими господами. Барышев хотя и выполнял приказание Гарца, но держался с Субботиным заносчиво.

Однажды Субботин поспорил с ним по какому-то совсем несущественному поводу. Барышев уступил, но сказал:

— Я вынужден согласиться с вашей точкой зрения, но сделать мне это трудненько. Я ведь всегда помню, что вас могло бы не быть сейчас с нами, если бы вы не натворили делишек в Советской армии. А мы ведь здесь уже не первый год, мы-то люди не случайные...

Субботину каждый понедельник приходилось ездить в Мюнхен докладывать Гарцу о делах в школе. Каждый раз Гарц спрашивал, как ведет себя Барышев.

— Нормально, — уклончиво отвечал Субботин. Он решил не жаловаться на Барышева: боялся, что это может осложнить положение. В конце концов ради дела можно перенести неприятности и большие, чем отношения с этим грязным типом.

В конце июня Гарц вызвал Субботина в Мюнхен в середине недели. Во время разговора по телефону Субботин попробовал сослаться на дела, но Гарц раздраженно перебил его:

— Я лучше знаю, что важнее! Выезжайте немедленно!

Субботин выехал дачным поездом. В вагоне было пусто. На следующей станции в вагон вошел пожилой седоусый немец в аккуратно залатанном пиджаке. На ногах у него были грубые солдатские ботинки. Он прошел через вагон и сел напротив Субботина.

— Не возражаете? — спросил он, уже усевшись.

Субботин рассмеялся:

— Весь вагон — ваш...

Пристально смотря на Субботина и поглаживая усы, старик мрачно сказал:

— Недавно весь мир был наш, а потом... — Он замолчал и подмигнул Субботину.

— А что же случилось потом? — улыбаясь, спросил Субботин.

— Вы служили в армии?

— Да.

— Офицер?

— Да. Обер-лейтенант. А что?

— И вы еще спрашиваете у меня, что случилось потом! Это вы мне должны сказать, а не я вам.

— Ну что же тут непонятного? Мы потерпели поражение.

— Что вы говорите! — Старик, прищурясь, смотрел на Субботина. — А я думал, мы победили.

Субботин пожал плечами и с обиженным лицом стал смотреть в окно, за которым пролетал аккуратненький пейзаж.

— Вы, случайно, не из нового начальства? — со злостью в голосе спросил старик.

— Нет-нет. Я всего-навсего инженер.

— Вы говорите по-немецки, как американец.

— Ничего не поделаешь — знак времени. Ведь приходится с ними работать.

— Послушайте... — Старик доверительно наклонился к Субботину. — Скажите мне, почему здесь у нас, в западной зоне, так ведут себя по отношению к русским, будто победили не они, а мы? Что, по-вашему, русские дураки и будут с этим мириться?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Ах, не понимаете? — Старик проворно выхватил из кармана газету. Развернул ее. — Вот... Не хотите ли почитать?

— Нет. Я стараюсь газет не читать.

— Ага! А почему? Нет, вы обязаны читать, если вы действительно воевали! Вы же правду ногами узнали, пока до Германии добежали? Тут... — старик ткнул пальцем в газету, — тут про восточную зону пишут так, будто русские — папуасы. А у меня родной брат от русских землю там получил. Тут пишут, что русские только и знают, что расстреливают немцев. А брат пишет, что его дочка пошла учиться в институт в Берлине! Но даже не в этом дело. Брат пишет, что все было бы хорошо, да с Запада к ним все время засылают провокаторов, которые поджигают крестьянские дома, убивают активистов, лишают людей покоя. Кто это делает? Вы можете мне пояснить — кто?

Субботин пожал плечами:

— Не знаю...

— Ах, не знаете? Ну, хорошо. Тогда, может, вы, герр обер-лейтенант, объясните мне другое? Я имел ферму и клочок земли. Это принадлежало моему деду, отцу и принадлежало мне. А месяц назад пришли американцы. Они выгнали меня из дома во флигель. Они привезли рабочих и стали

на моей земле строить аэродром. Вот этими руками я засеял свою землю. Все уничтожили. Сунули мне пачку оккупационных марок и приказали: сиди тихо, а то будет плохо. И вот я третий раз еду в Мюнхен. Езжу искать правду. А меня гонят в шею. Русские гонят? Нет! Гонят немцы. Новые наши правители и начальники. У кого же тогда просить защиты? Может быть, у русских? А? Ведь такого безобразия в нашей жизни никогда не было! Никогда! Почему русские не посылают сюда своих поджигателей? Я бы им сам показал, что жечь. Пожалуйста, ангар, построенный на моем лугу. — Старик махнул рукой. — Да мало ли что еще...

— Наверное, русские такими делами не занимаются, — задумчиво сказал Субботин.

— Ну да, они заняты другими делами. Брат пишет: «Продавай ферму и переезжай ко мне. Получишь землю, и будем вместе работать». Но, оказывается, что я уже не могу продать свою ферму!

Поезд подходил к Мюнхену. Субботин попрощался со стариком и направился к выходу. От этого случайного разговора ему стало легче: нет-нет, мистеры, никакие поджигатели не помогут вам создать дымовую завесу для прикрытия ваших грязных делишек в Германии! Простые люди прекрасно все видят и понимают...

Гарц ждал Субботина. Не ответив на его приветствие, он раздраженно спросил:

— Почему так долго?

— Я ехал поездом.

— А что с автомашиной?

— Господин Барышев уехал на ней еще вчера.

— Куда? — Гарц злился все больше.

— Он мне о своих делах не докладывает.

— Должен докладывать! — Гарц стукнул кулаком по столу. — Мне, кстати сказать, непонятно, господин Скворцов, почему вы не ставите меня в известность о том, что происходит в школе.

— Все, что касается дела, вы знаете.

— А я имею сведения, что Барышев вам все время мешает.

— Я просто не обращаю на это внимания. Главное для меня — дело.

Гарц сделал запись в блокноте.

— Хорошо. Я приведу в чувство этого господина.

— Когда начнем заброску агентов? — спросил Субботин.

— Что вас волнует? — насторожился Гарц.

— Меня волнует, что курсанты до сих пор не имеют практического представления о парашютных прыжках. Хотя бы за три-четыре дня до заброски их надо перевезти на аэродром и несколько раз сбросить с парашютом.

— Но их этому в школе учат?

— Мистер Гарц, не знаю, как вы, а я два раза прыгал с парашютом. Когда нужно было в первый раз шагнуть в бездну, все, чему меня учили, вылетело из головы. Как прыгнул, сам не знаю.

Гарц задумался:

— Хорошо. Подумаем. А теперь — дело особое. Кто из ваших курсантов производит наиболее выгодное впечатление?

— Герасим Барков, — мгновенно ответил Субботин.

Гарц записал фамилию и сказал:

— Он пойдет в Россию особым путем — будет Колумбом этого пути. Человек он храбрый?

— Готов на все.

— Физически сильный?

— Атлет.

— Прекрасно. Специально им теперь и займитесь. Школу дней на десять придется оставить. Завтра привезите сюда вашего храбреца: будете готовить его к путешествию.

На другой день Субботин привез в Мюнхен Герасима Баркова.

Они прошли к Гарцу, и тот буквально вцепился в курсанта: вопрос следовал за вопросом. Барков выдержал этот натиск спокойно, отвечал коротко, точно и даже немного лениво. Субботин заметил, что Гарц не выдерживает ледяного взгляда курсанта.

Наконец Гарц прекратил расспросы и, помолчав, сказал:

— Предстоящая вам операция организационно и технически продумана идеально. Но риск есть риск. Можно и погибнуть. Готовы ли вы к этому?

Барков усмехнулся:

— Я уж давно готов... да что-то все не погибаю.

Гарцу ответ явно понравился, он посмотрел на курсанта с любопытством и уважением.

— Хорошо. Идите к себе. Ваш номер — рядом с моим.

Не успели они разложить вещи в своем двухкомнатном номере, как к ним явился Гарц в сопровождении высокого, небрежно одетого мужчины. Гарц показал своему спутнику на Баркова:

— Подходит?

Тот оглядел курсанта с ног до головы. К этому осмотру Барков отнесся совершенно спокойно: стоял в свободной позе, уставившись на незнакомца своими свинцовыми, немигающими глазами.

— Да, вполне, — произнес незнакомец.

Гарц подтолкнул Баркова к незнакомцу:

— Вот и прекрасно! Знакомьтесь, мистер Барков. Это — изобретатель. Так вы его и будете звать: «мистер изобретатель». Он построил удивительную машину, а вы первый эту машину используете в деле... — Затем Гарц представил изобретателю Субботина: — Это старший инструктор школы Иван Иванович. Он проследит за всем подготовительным периодом.

Никак на это не прореагировав, изобретатель продолжал рассматривать Баркова:

— Вы умеете плавать?

- Умею.
- Хорошо?
- Прилично.
- Ну что ж, тогда не будем терять времени.

Гарц ушел. Субботин, Барков и изобретатель прошли во вторую комнату, и здесь сразу же начались подготовительные занятия.

Изобретатель рассказал, что им создан аппарат, позволяющий одному человеку проплыть под водой довольно большое расстояние. Человек помещается внутри небольшой торпеды, которая выпускается с погруженной подводной лодки. Торпеда снабжена собственным электрическим двигателем, управляема и оборудована необходимыми приборами, для того чтобы выдерживать заданное направление. Аппарат уже испытан, показал прекрасные качества, он обеспечивает полную безопасность для человека, который им пользуется.

Барков слушал все это абсолютно равнодушно. В конце концов это стало раздражать изобретателя, и он спросил:

- Вас интересует это хоть в какой-нибудь степени?

Барков усмехнулся:

- Что значит интересует или не интересует? Мне прикажут, и я выполню приказ.

— Но должна быть хоть маленькая доля личного интереса к делу! — удивленно проговорил изобретатель и, помолчав, продолжил свои объяснения.

Из всего, что он говорил, для Субботина важно было только одно: изобретатель несколько раз подчеркнул, что на подготовку операции дано всего пять дней и что заниматься придется очень напряженно.

Занимались ежедневно с девяти часов утра до двух часов дня. Затем — обед, и с пяти часов занятия продолжались до самого позднего вечера.

Герасим Барков оказался учеником способным. Он хорошо освоил технику управления торпедой и уже на третьем занятии быстро отвечал на все вопросы изобретателя.

Гарц в эти дни не появлялся.

На четвертый день вместе с изобретателем пришли два офицера морской службы. Они разглядывали Баркова так, будто покупали его. После осмотра все отправились в номер Гарца.

Это совещание было, конечно, самым важным. Здесь Субботин узнал весь смысл задуманной операции. Герасима Баркова собирались выбросить с подводной лодки в зоне побережья Латвии, близ порта Н. Он должен был подплыть к берегу и затопить торпеду. Задание у него было одно: совершить диверсию в порту. После выполнения задания Барков должен был через Литву пробираться в Восточную Германию и явиться по условленному адресу. Оттуда он будет доставлен в Западную Германию.

Высадка диверсанта должна была произойти между десятым и пятнадцатым числом. Уточнение срока зависело от погоды. Дело в том, что во время шторма торпеду выпускать было нельзя. Субботин решил, что ему достаточно предупредить своих о районе заброски, и там будет установлено тщательное наблюдение за морем; что подводная лодка не проскочит, и охота пойдет уже не за торпедой, а за самой лодкой. Значит, его обязанность — немедленно передать сообщение о рейде подводной лодки.

После совещания Субботин пошел погулять по городу. Возвращаясь в отель, он выждал момент, когда у киоска не толпились покупатели, и подошел к нему.

В киоске была Амалия Штерн. Подавая Субботину газеты и журналы, принимая от него деньги, она с безразличным лицом прослушала несколько сказанных им фраз и чуть заметно кивнула головой. В ответ она тихо произнесла: «Анна Лорх уже дома».

В своем номере Субботин застал Гарца, изобретателя и морских офицеров. Барков укладывал вещи.

— Где вы болтались? — раздраженно спросил Гарц.

— Просто пошел прогуляться. Купил газеты. Ведь занятия кончились!

Гарц отвернулся и продолжал разговаривать с изобретателем. Офицеры нетерпеливо стояли у двери, поглядывая на Баркова. Вскоре офицеры и Барков уехали.

Гарц все еще злился. Субботин настороженно присматривался к нему, пытаясь угадать, в чем дело. Вскоре все прояснилось. Гарц получил шифровку от высокого начальства, в которой сообщалось о провале двух агентов гамбургской школы, посланных на Украину. В шифровке высказывалось убеждение, что провалы являются следствием плохой подготовки агентуры, и лично на Гарца возлагалась ответственность за работу мюнхенской школы.

— Я и без этого отвечаю за школу! — раздраженно говорил Гарц. — Но я не могу отправляться в рейд вместо курсантов! ...

Гарц был достаточно умен, он понимал: дело не только в том, что школа плохо готовит агентов. Он вообще всех перемещенных считал публикой малонадежной. Получив шифровку, он думал об этом с особой остротой; сейчас даже Субботин вызывал у него недоверие.

— Должен быть какой-то порядок! — сердито выговаривал Гарц. — Гулять вам, конечно, не запрещается, но я обязан знать, где находится мой сотрудник в любой час суток. Впредь прошу вас учесть это.

47

Во второй половине июля Субботин получил приказ подготовить шестерых курсантов к перевозке на аэродром. В эту группу он включил самых слабых по всем своим данным курсантов.

Когда за курсантами уже пришел автобус, «господин председатель» Барышев провел с ними прощальную отеческую беседу. Еле сдерживая улыбку, Субботин слушал его напыщенные разглагольствования о России, которую следует освободить от ига коммунистов.

— То, что днем и ночью мучает меня, как святая мечта, — ходя по кабинету, говорил Барышев, — скоро сделаете вы. Завидую вам! Вы ступите на русскую землю. Вы появитесь там, как первые вестники грядущего избавления России от коммунистического кошмара. Как бы я хотел быть на вашем месте! Но ничего, то, что вы будете делать там, мы делаем здесь. У нас с вами одна борьба и одна великая цель!

Курсанты слушали речь Барышева рассеянно. Субботин заметил, что на лице у несостоявшегося писателя Константина Ганецкого то и дело возникало выражение растерянности, если не испуга.

— Пусть же перед вами дрожат от страха господ комиссары! — выкрикнул Барышев. — С вашей помощью мы узнаем, где находятся их аэродромы, важные заводы. И придет час, когда по этим объектам будет нанесен такой удар, что от них останется одно мокрое место! А вы вернетесь на Запад, где вас будут ожидать именные текущие счета в солидном банке. Сололидные будут и суммы! Герои сделали свое дело и могут жить, не отказывая себе ни в чем...

Закончив речь, Барышев нажал кнопку звонка, и в кабинет вошла женщина с подносом, уставленным рюмками с коньяком.

— За ваши славные дела! За нашу общую победу! — крикнул Барышев и наметанным броском осушил рюмку.

Когда все выпили, Барышев по очереди расцеловался с каждым курсантом, приговаривая:

— С богом, милый... С богом, милый...

Именно в этот момент в кабинет вошел Гарц. Он остановился у двери, обвел всех бешеным взглядом.

— Что здесь происходит? — спросил он сиплым от злости голосом.

— Отмечаем... выпуск первой группы курсантов, — неуверенно ответил Барышев. — Может, и вы, мистер Гарц, скажете им свое напутственное слово?

Гарц остановил взгляд на Субботине:

— Почему курсанты до сих пор не выехали?

Субботин встал:

— Господин председатель хотел поговорить с курсантами. Я думал...

— Мне не интересно, что вы думали! Банкеты устраивать рано! — Гарц оглянулся на Барышева. — Нет другого повода для пьянства?

«Господин председатель» молчал, переминаясь с ноги на ногу.

— Немедленно на аэродром! — приказал Гарц.

— Мне ехать? — робко спросил Барышев.

— Там банкета не будет. Будьте любезны, оставьте меня со старшим инструктором.

Кабинет быстро опустел. Гарц нацелился в Субботина злобно прищуренным взглядом.

— Это форменное безобразие, господин Скворцов! Подозрительное безобразие, если хотите знать! Скандал за скандалом, а вы по этому поводу устраиваете банкеты?

— По-моему, люди, которых я готовлю, еще не дали вам основания для разговора со мной в таком тоне, — строго и с достоинством проговорил Субботин.

— Да? Вы в этом уверены? Может, вы хотите знать, что случилось с вашим готовым на все храбрецом Барковым?

Субботин молчал: зачем ему знать подробности? Важно, что с Барковым случилось то, что должно было случиться.

— Молчите? — выкрикнул Гарц. И вдруг, точно воздух из него выпустили, он опустился в кресло и надолго замолчал...

— Вы проверяли радиоподготовку людей? — устало спросил он.

— Да.

— Хорошо проверяли?

— Несколько дней занимался только этим. Все работают с рацией уверенно.

— Такой идиотизм! Такой идиотизм! — Гарц всплеснул руками. — Я твердил этим самоуверенным господам: Бар-

кову нужна собственная рация! Нельзя — габариты не позволяют! Сунули человека вслепую, а теперь подняли визг и крик!

— А что, собственно, случилось? — осторожно спросил Субботин.

— Что? И ваш храбрец, и подводная лодка канули в неизвестность! Вот что! Может, вам этого мало, господин Скворцов?

Субботин пожал плечами:

— Мало ли что могло случиться... Вы же сами учили меня спокойно относиться к потерям.

— Потеря потере рознь! Ваш Барков — ерунда! А вы понимаете, что такое потеря подводной лодки?

Субботин кивнул головой.

— Но может оказаться, что Барков на месте? И действует?

— А как это узнать? — крикнул Гарц. — Как? Сидеть и ждать, пока сами русские сообщат об успехах вашего храбреца?

Субботин промолчал.

Гарц встал:

— Сейчас же перебирайтесь на аэродром. Лично проследите за парашютной тренировкой. Я тоже приеду туда.

Гарц быстро вышел из кабинета. Через минуту его автомобиль промчался по аллее парка.

48

Этот аэродром официально считался законсервированным, а действовал круглые сутки. Здесь не было сформированных воинских соединений, но в ангарах и на поле всегда находилось десятка два военных самолетов.

В баре штабного здания с утра до вечера галдели летчики. Они были и в военной и в штатской одежде. На втором этаже находилась командная группа, возглавляемая полковником, которого все летчики панибратски звали «тол-

стый Бит». Это был флегматичный грузный человек и явно не авиационный офицер. Всеми летными делами руководил молоденький майор Лавенс.

Самолеты улетали отсюда в Берлин, в Афины, в Белград, в Стокгольм — словом, во все концы света. Днем и ночью здесь стоял рев турбин и моторов.

Субботина вместе с курсантами поселили в стандартном домике, стоявшем на краю аэродрома. Только он осмотрелся, явился разбитной американский сержант, доложивший Субботину, что он шофер машины, прикрепленной к его группе.

— Полковник Бит просит вас немедленно явиться, — сказал сержант. — А меня зовут Поль. Если хотите, зовите меня маршал Поль. Я ужасно люблю высокие звания...

— Ну что ж, вези меня, маршал Поль! — рассмеялся Субботин.

В кабинете полковника находился Гарц. Когда Субботин вошел, Гарц сказал:

— Это руководитель группы.

Полковник Бит кивком показал Субботину на стул и, провожая его сонным взглядом, сказал:

— Мне все ясно. Каждому вашему человеку мы дадим по два тренировочных прыжка. Один — днем, один — ночью. Не больше. У меня здесь не школа парашютистов. Кормить ваших людей будем.

— Их нельзя кормить в общей столовой, — вставил Гарц.

Полковник раздраженно повел плечом:

— Да знаю я! Они будут получать еду в термосах прямо дома. Срок главных полетов прошу согласовать со штабом «Зет». Мы возим не только по вашим адресам и перегружены чертовски.

Полковник повернул свое оплывшее лицо к Субботину:

— Практически летными операциями занимается майор Лавенс и его люди. С ними и держите связь.

На другой день курсанты совершили по первому тренировочному прыжку с парашютами. Их поднимали в воз-

дух по два человека. Субботин летал вместе с ними и наблюдал за прыжками. Все курсанты порядком трусили. Субботин видел это и радовался. Пожалуй, меньше других выказал трусость Константин Ганецкий. Он прыгал в первой паре. Когда они покинули самолет, инструктор по прыжкам прокричал Субботину:

— Лапша, а не парни! Второй чуть лучше!

Это относилось к Ганецкому.

Во время ночной тренировки дело дошло до того, что один курсант не захотел прыгать. Упершись руками в края открытой в темень двери, он не трогался с места. Инструктор что-то кричал ему в ухо, но тот только мотал головой. Тогда инструктор согнутым локтем ударил курсанта в спину. Его тело обмякло, прогнулось. Точным движением инструктор сбил его руки с двери и пинком в спину сбросил с самолета. Просто непонятно, как после этого курсант сообразил открыть парашют. Но инструктор был уверен, что откроет.

— Такой трус непременно откроет — можете не сомневаться! — сказал он Субботину, брезгливо вытирая платком руки.

Одного курсанта пришлось довольно долго искать в окрестностях. Несмотря на то, что аэродром подавал специальные световые сигналы, курсант, снижаясь, потерял ориентировку и пошел в сторону Мюнхена. Только выбравшись на шоссе, он сообразил, где находится, и на попутной машине приехал на аэродром.

Субботин в это время на машине продолжал поиски курсанта. Почему-то обычно оживленный и болтливый шофер угрюмо молчал.

— Что так мрачен сегодня маршал Поль? — весело спросил Субботин.

Поль ответил не сразу. Попетляв по проселочным дорогам, они снова выехали на шоссе и остановились. Поль выключил фары, и их окутала теплая летняя ночь во всей своей тихой красе. Поль вздохнул:

— Смотрю я, шеф, на вашу работу и ничего не понимаю.

— Что ж тут непонятного, маршал? Люди прыгают с парашютом и теряют ориентировку. Их надо искать. Вот вся премудрость.

— Благодарю вас, шеф, за объяснение, — церемонно произнес Поль. — Но мне непонятно другое. Я на этом аэродроме скоро год. Кого только не возил на своем «виллисе»! Болгар, греков, албанцев, поляков, венгров — и не упомнишь. Насколько я понимаю, всех их мы зашвыриваем домой. И все они, как и ваши парни, почему-то прыгать домой боятся. Эх, если бы русские затеяли швырять домой американцев, да я бы первый с песней полетел к своей девочке, по имени Сесиль!

Субботин молчал — нужно быть предельно осторожным. Особенно сейчас.

— Ну что ж, видимо, маршал Поль далеко не все знает, потому и не понимает. Расскажи лучше про свою девочку. Кто она? Ждет ли тебя?

— В письмах они все ждут, — тихо засмеялся Поль.

— Она работает?

— Когда уезжал, работала на швейной фабрике. Но последнее время в наших газетах что-то очень часто пишут о том, как необычайно высок уровень нашей жизни — наверняка пахнет безработицей.

— А кем ты был дома?

— Кем я мог быть? Шофером! Гонял по Бостону фургон торговой фирмы «Эйлис». — Он опять вздохнул: — Жить можно было.

— Служить еще долго? — спросил Субботин.

— Долго... Когда в дивизии был, служилось легче. Товарищи... Понятное, ясное дело. А тут... — Он махнул рукой. — Если бы не «Подснежник», удавиться можно. Может, поедem, шеф?

— Поехали, маршал.

«Подснежник»... Так назывался придорожный ресторанчик вблизи аэродрома. Посматривая сбоку на шофера,

Субботин думал, случайно, ли упомянул Поль о «Подснежнике». Дело в том, что со вчерашнего дня этот ресторанчик стал для Субботина местом явки для связи со своими. Все же, скорей всего, Поль болтал по простоте душевной. Но все равно нужно быть начеку...

Курсантов Субботин застал всех дома. Они не расходились после ужина. Настроение у всех было неважное. Заметив это, Субботин сделал вид, что вечерние прыжки прошли нормально, и, ничего о них не говоря, стал смешно рассказывать, как он сам прыгал в первый раз. Так как он действительно прыгал, его рассказ был полон деталей, только что пережитых курсантами. На их лицах затеплились улыбки...

Курсанты разошлись по комнатам и легли спать. Субботин зашел к дежурному по штабу и посмотрел сводку погоды на завтра. Из аэродромного бара доносился гомон голосов, музыка. Субботин через штабную проходную вышел с аэродрома и направился в «Подснежник».

Маршал Поль был там и уже успел выпить. Самое смешное (а может, тревожное?), что он сидел за одним столиком со связным Субботина. Это был пожилой, плохо побритый человек с оплывшим лицом пьяницы. Хозяин дремал, прислонившись к буфету. Кроме них, в ресторанчике никого не было. Посетители из местных жителей уже разошлись по домам. На столе стояла начатая бутылка виски. Наверное, ее принес с собой Поль.

— Шеф! Сюда! Сюда! — закричал Поль.

Хозяин ресторана встрепнулся. Субботин сделал жест, чтобы он не беспокоился.

— Садитесь, шеф. Знакомьтесь. Зовите его Францем... Хотя он говорит, что он Ганс... — Поль пьяно рассмеялся. — Хотите, шеф, послушать идиота? — Поль показал на своего собутыльника. — Он только что убеждал меня, что их Гитлер — гений, которого не поняли. От этого, он говорит, и пьяницей стал. С горя, так сказать... Господин Фриц, а ты, может, ненормальный?

Ганс обиженно отвернулся.

— Не надо смеяться над ним, — по-английски тихо сказал Субботин. — Лучше налей мне немного.

Поль встал, неуверенной походкой сходил к стойке за стаканом и вернулся. Пока он ходил, за столом прозвучали две фразы шепотом.

— Он не пытался что-нибудь узнать? — спросил Субботин.

— Успокойтесь. Тоскующий щенок, не больше... У вас что-нибудь есть?

Субботин отрицательно покачал головой.

Поль налил Субботину виски, чокнулся с его стаканом и выпил. Субботин сделал глоток и поставил стакан.

— Нельзя, — улыбнулся он шоферу. — Ты хочешь, чтобы твое начальство выгнало меня?

Последовало неожиданное. Поль ударил кулаком по столу и крикнул:

— Хочу! Да, хочу, чтоб вас выгнали! Вы, шеф, — хороший человек. Поля не обманешь, у меня на людей нос шоферский. Так слушайте, шеф... Вы хороший человек, а занимаетесь дерьмом.

— Что ты болтаешь? — обиделся Субботин. — Выпей сельтерской — промой мозги.

Но Поля остановить было уже нельзя. Он схватил Ганса за руку:

— Ты послушай, Фриц, я скажу тебе, чем он занимается...

— Молчать! — тихо, но властно приказал Субботин. — Забыл, что ты на военной службе? Забыл, что для болтунов есть военный суд?

Поль смотрел на Субботина глазами, полными ненависти, но тут же ненависть в его глазах погасла, руки безвольно упали, точно он хотел встать по стойке «смирно». И вдруг он заплакал, молча, с окаменевшим лицом, по которому стекали слезы.

Ганс наклонился к нему через стол:

— Слушай, друг, как тебе не стыдно? Ты же мужчина.

— Мне надоело... — по-детски всхлипнул Поль. — В аэродромный бар мне войти нельзя — там для офицеров. Здесь я тоже не человек... — Он резко повернулся к Субботину. — Идите, шеф! Сообщите все начальству! Пусть меня судят! — В глазах его снова появилась ненависть. — Но будет суд и вам за ваши дерьмовые дела! Будет!

Поль встал и, не оглядываясь, пошел к двери.

— Интересно? — тихо спросил Субботин.

— Весьма, — отозвался Ганс.

— Спокойной ночи. Я догоню его. Как бы он там не нарвался на скандал...

На шоссе Субботин нагнал Поля и взял его под руку. Тот не сопротивлялся. Не разговаривая, они дошли до аэродрома. Субботин подтолкнул Поля вперед, и он благополучно миновал задумавшегося часового.

49

Вылет курсантов был назначен в ночь под воскресенье. Субботин узнал об этом только в пятницу вечером и очень встревожился. Пока он знал только то, что агенты будут сброшены парами, одновременно с трех самолетов. Но он до сих пор не смог узнать места выброски. По некоторым данным он мог только догадываться, что районом действий всех шести агентов должна быть Белоруссия.

Субботин отправился к майору Лавенсу, но тот точного адреса выброски, по-видимому, тоже не знал.

— Да и зачем вам это? — насмешливо спросил он. — Насколько я понимаю, вы же сами не летите.

— Но мои-то люди должны знать?

— Когда будет нужно, им скажут, — ответил майор и, улыбаясь, добавил: — По мнению инструктора по парашютам, ваши парни храбрые, как львы. Им, наверно, наплевать, куда прыгать, хоть в ад.

— Храбрость, майор Лавенс, не учебный предмет. Она или есть в крови, или ее нет! — зло сказал Субботин.

— О-о, наука о храбрости не моя специальность, я пас! — Майор, смеясь, поднял руки.

В это время вошел приземистый офицер со знаками различия капитана. Увидев майора с поднятыми руками, он спросил:

— Разучиваете, майор, любимый жест немецких генералов?

— Мне предложена научная дискуссия о храбрости, но я — аллес капут.

Капитан удивленно посмотрел на Субботина, который сидел с непроницаемым лицом.

— Это руководитель группы русских храбрецов, — пояснил Лавенс.

— А-а! — капитан засмеялся. — О ваших героях по аэродрому легенды ходят. Вы их кальсоны проверяли — в порядке?

— До этого не дошло! — Субботин тоже засмеялся. Он решил поддержать смешливое настроение американцев. Вдруг это что-нибудь даст? И он не ошибся.

— А помните, майор, того рыжего поляка? — Капитан еле сдерживал смех. — Этот поляк, — продолжал он, обращаясь уже к Субботину, — во время ночного прыжка успел сделать все, что делают дети, сидя на горшке. На земле его ищут и не могут найти. Кричат, зовут — пропал поляк! Целый час искали, пока нашли. Сидит наш поляк голый у речки и белье стирает... — Капитан зашелся от смеха.

Вовсю смеялись и Лавенс с Субботиным.

Теперь Субботин решил сам посмешить американцев.

— Это что! — сказал он. — А вот я слышал про случай похлеще. Забросили одного на Украину. Он приземлился... возможно, тоже бельишко постирал и явился в назначенный город. Живет там день, другой. От страха чуть не умирает. И решил: самое лучшее — сдаться. И вот на улице останавливает он прохожего и говорит ему: «Слушайте, я шпион, сведите меня куда надо». Прохожий от него

бегом. Он к другому: «Слушайте, я шпион...» Короче говоря, его забрали и посадили в сумасшедший дом.

Американцы хохотали до слез.

— Как же вы узнали об этой героической истории? — спросил Лавенс.

— Говорят, русские в своих газетах фельетон об этом напечатали.

— Да, что ни говори, тяжелая у вас работа! — смеясь, сказал Лавенс.

— Дорогой майор, я все-таки иду в бар. — Капитан встал. — Не составите ли вы мне компанию на часок?

— Увы! — Майор показал на телефон. — Должно звонить начальство.

Субботин вышел вместе с капитаном. У входа в бар они остановились.

— Может, зайдете? — спросил капитан.

— С удовольствием...

Они сели рядом у стойки и заказали коньяк.

Спустя час Субботин уже знал, кому на аэродроме раньше всех известен точный адрес выброски. Капитан рассказал, что летчики узнают этот адрес очень просто — в метеобюро. Синоптики получают адреса раньше всех.

Уже глубокой ночью Субботин зашел в метеобюро. Дежурный спал, положив голову на сцепленные руки. Субботин разбудил его и строго спросил:

— Как с погодой на моем завтрашнем ночном маршруте?

— Это на Кипр, что ли? — зевая, спросил дежурный.

— Какой там Кипр? В Советский Союз!

— Советский Союз... Советский Союз... — бормотал дежурный, отыскивая какую-то бумагу. — Вот. На ноль часов завтрашняя перспектива выглядит так: район Барановичи — облачность, дождь... в общем, то, что надо. Район Бреста то же, а вот в районе Витебска хуже: там будет ясно. Но нам сказано: полеты не отменяются. Более свежие данные будут завтра на пятнадцать ноль-ноль.

— Спасибо, дежурный. Спокойной ночи.

В субботу утром на аэродром приехал Гарц. В это время курсанты под руководством парашютного инструктора занимались подгонкой снаряжения. Занятие происходило на лужайке возле домика, где жили курсанты. Субботин сам проверял точность подгонки и в это время незаметно делал микроснимки каждого курсанта. Заметив мчавшуюся к домику машину Гарца, Субботин приказал курсантам построиться в шеренгу. Сделан еще один снимок — групповой.

Получилось нечто вроде парадного смотра. К вылезшему из машины Гарцу подошел Субботин:

— Проводится последнее занятие. Подгонка снаряжения.

Гарц подошел к шеренге:

— Здравствуйте, господа...

— Здравствуйте, мистер! — вразнобой ответили курсанты.

Субботин сделал еще один снимок: Гарц перед строем курсантов. Этот снимок очень пригодится, когда Гарц и другие начнут уверять мир, будто посылка диверсантов в Советский Союз — чисто внутреннее дело русских...

— Я приехал, чтобы проводить вас в путь, — продолжал Гарц. — Вы должны знать, что с момента старта самолетов у меня будет только одна обязанность: держать связь с вами, а после выполнения вами задания обеспечить ваше возвращение сюда. Для нас незыблем простой принцип: каждое сделанное дело заслуживает благодарности. Я не могу сказать, что вам предстоит дело легкое. Но я не могу и сказать, что оно невыполнимое. Особенно когда я знаю, какая колоссальная техническая мощь мобилизована, чтобы помочь вам и в деле и благополучно вернуться на Запад. И все же... все мы понимаем, что лично ваша заслуга в выполнении заданий будет весьма значительна. Достойной будет и благодарность. Дело, на которое вы

идете, может вам стоить жизни, если вы совершите промах, ошибку. Но оно и обеспечит вам всю вашу дальнейшую жизнь после возвращения. Я хочу, чтобы вы это знали и всегда помнили. Вот на днях возвращается ваш товарищ по школе мистер Барков, блестяще выполнивший очень трудное задание. В отношении его я получил очень простой приказ: предложить Баркову обеспеченную жизнь в любой стране по его выбору. Будут в свое время получены такие же приказы и о вас... Последнее. Всегда помните: вы не просто солдаты, вы солдаты политики. Великой освободительной политики, от грядущей победы которой зависит судьба и вашей великой родины. Желаю вам успеха...

Гарц спросил, нет ли к нему вопросов. Отозвался один Константин Ганецкий.

— Можно ли, — спросил он, — в случае крайней необходимости просить защиты у вашего посольства в России?

— Ни в коем случае! — мгновенно и со злостью ответил Гарц.

Курсанты продолжали заниматься подгонкой снаряжения, а Гарц, позвав Субботина, направился в домик. Субботин шел за ним, думая о двух вещах: неужели Гарц сказал о возвращении Баркова правду? Почему в его речи было так мало политики?

В комнате Субботина Гарц сел к столу и задумался. Лицо у него было рассерженное. Субботин стоял возле двери.

— Как вам понравился вопрос вашего курсанта? — спросил наконец Гарц.

— Вопрос глупый, — пожал плечами Субботин.

— Идиотский! — выкрикнул Гарц. — И он свидетельствует об отсутствии политического понимания своего дела.

— Вы правы... Я, между прочим, недоумеваю, почему вы почти ничего не сказали им о политической сущности операции.

Гарц метнул на Субботина бешеный взгляд:

— «Почему, почему»! Тупоголовые деятели в генеральских мундирах есть всюду! И у нас они есть! Видите ли,

новое веяние объявлено! Политика-де для перемещенных — ненадежная гарантия. Главное — деньги, ожидание райской жизни!

— Между тем русские как раз очень склонны именно к политике, это уже в их советских привычках, — сказал Субботин.

— Я тоже так думаю. Ну вот, а в результате у них возникает мысль бежать в посольство. Это же от полного непонимания политической сути операции!

Так Гарц приоткрыл Субботину очень важное обстоятельство: они не верят в политическую преданность перемещенных. Ну что ж, узнать это очень приятно. Теперь о Баркове...

— Я думаю, — сказал Субботин, — что по этой же причине они равнодушно отнеслись и к сообщению о возвращении Баркова.

— А вы не проболтались им о его провале? — быстро спросил Гарц.

— Вы считаете меня дураком?

Гарц помолчал.

— Да, факт: ни на одном лице я не заметил радости по поводу возвращения товарища. У них, очевидно, эта новость может вызвать только одно чувство — зависть.

— Это тоже сильное чувство, — заметил Субботин.

— Возможно. Но не главное же? И мы сами даем основание Москве кричать, что мы засылаем к ним мелких уголовников.

— Хорошо было бы, если бы перед ними выступил сам Барков, — задумчиво сказал Субботин. — Жаль, что он не вернулся чуть раньше.

Гарц насмешливо посмотрел на него:

— Боюсь, что ждать его пришлось бы слишком долго...

— Я думал... — Субботин растерянно запнулся.

— Он думал! — усмехнулся Гарц. — И еще хотите, чтобы я считал вас умным!

Так, все ясно: сообщение Гарца о Баркове было ложью.

— Что будут делать курсанты до вечера? — спросил Гарц.

Субботин посмотрел на часы:

— Сейчас они закончат подгонку снаряжения. Больше не будет никаких занятий. В шестнадцать ноль-ноль прощальный обед. Потом — сон. Подъем — за час до старта. Инструктаж штурмана по карте и вылет.

— Обед нужно провести в непринужденной и даже веселой обстановке. Будет вино и виски. Я уже распорядился.

— Очень хорошо. Я тоже думал об этом. Вы на обеде будете?

— Скорей всего, нет. Пусть за столом будут только русские. Русская речь. Русские привычки. Я их могу стеснить.

— Пожалуй, вы правы.

До обеда Субботин не смог сходить в «Подснежник» — Гарц оставался на аэродроме. Перед самым обедом он вернулся из штаба в домик и застал Субботина сидящим в кругу курсантов на лужайке. Все хотели встать.

— Сидите, сидите! — Гарц жестом подозвал Субботина. — Что у вас происходит?

Субботин улыбнулся:

— Пытаюсь восполнить пробел насчет политики. И знаете, что я вам скажу? Они на удивление хорошо понимают суть своего дела.

Гарц кивнул головой:

— Я приеду к старту.

Субботин вернулся к курсантам, чтобы продолжить с ними весьма важный разговор.

— Да, так какой у вас вопрос, Ганецкий? — спросил он, садясь в кружок.

— Меня интересует, когда следует прибегать к яду?

Субботин видел устремленные на него напряженные взгляды.

— Вопрос очень важный... — Субботин помолчал. — Тут главное — не проявить в панике глупую поспешность. Ведь исправить такую ошибку нельзя... — Субботин улыбнул-

ся. — Значит, надо стараться ее не совершить. Прибегнуть к этой мере следует только тогда... — Субботин подчеркивал каждое слово, — когда уже совершенно ясно, что другого выхода нет. Когда совершенно ясно. Понимаете?

Курсанты дружно закивали головой, и в их глазах Субботин увидел нечто похожее на радостное удовлетворение. А он только этого и добивался...

Обед получился невеселым. Даже виски не помогло. Опьяневший больше других Ганецкий предложил петь советские песни. Стали выяснять, какую песню помнят.

— Отставить! — строго приказал Субботин. — Не хватало еще, чтобы на аэродроме слышали советские песни.

Курсанты угрюмо молчали или тихо переговаривались о чем-то своем.

— Иван Иванович, а вы давно оттуда? — вдруг спросил Ганецкий.

Субботин усмехнулся:

— Вовремя... Вот так я отвечу...

— Были там с заданием? — не отставал Ганецкий.

— Было и это.

— Как же вы вернулись... — Ганецкий покраснел. — Нет, я хотел спросить: трудно было вернуться?

— Не очень легко, но и не очень трудно.

Последовал вопрос неожиданный:

— А вам не предложили обеспеченную жизнь в любой стране мира?

— Моему текущему счету вы можете позавидовать, — улыбаясь, ответил Субботин. — Но я решил не прекращать работы, пока Россия не будет освобождена от коммунистов.

Курсанты переглянулись с недоверием.

Но вот все разошлись по комнатам. В домике стало тихо. Субботин, запершись у себя, написал краткое шифрованное донесение. Завернул в него вынутую из микрофотокамеры похожую на бельевую пуговицу кассету.

В «Подснежнике» в этот час было еще не многолюдно. Но завзятый пьяница Ганс, конечно, был уже здесь; он си-

дел за столиком в темном углу ресторанчика. Субботин сел за свободный столик в другом углу, попросил пива и газету. Минут через пятнадцать Ганс покинул свой угол и, пошатываясь, начал обход столиков, прося угостить его пивом. От него отмахивались. Так он дошел до столика Субботина.

— Ладно, кружку пива получишь, — нарочно громко сказал Субботин.

Ганс подсел к столику. Кельнерша принесла ему кружку пива. Субботин продолжал читать газету. Ганс приставал к нему с пьяными вопросами.

Субботин сердито отодвинул газету:

— Ты просил пиво? Получил. Так не мешай мне...

Субботин снова взял газету. Там, где она лежала, за солонкой, остался малюсенький бумажный сверточек.

— Извиняюсь... — покорно пробормотал Ганс. — Посолою пиво и удалюсь.

Ганс ушел...

Субботин облегченно вздохнул. После этого он почти целый час продолжал потягивать пиво и читать газету. А потом тоже ушел.

51

Гарц приехал перед самым стартом. Он пожал руку каждому курсанту и пожелал успеха. Началась посадка в самолеты. Солнце только что зашло. Медленно надвигался летний вечер. Его тишину взорвал рев запущенных моторов. Субботин вздрогнул.

— Я вижу, вы волнуетесь? — спросил Гарц.

— Еще бы! — Субботин помолчал. — Теперь начинается экзамен мне.

— Да, вы правы: очень серьезный экзамен. Плохо, что все они оказались, мягко говоря, не очень храбрыми. На аэродроме о них говорят с издевкой.

— Нельзя учить прыжкам накануне заброски! — раздраженно сказал Субботин.

— Вы правы, правы, — задумчиво проговорил Гарц. ..
Нужно это делать в школе.

— Конечно... Мне теперь возвращаться в школу?

— После вылета. Мы поедem с вами в радиоцентр и пробудем там, пока не придут сообщения от агентов. А потом, я думаю, вы сами займетесь подбором новых и более крепких людей. Ну, а затем — опять в школу.

— А как с группой немецкой?

— Сегодня они тоже уезжают в Берлин и оттуда перейдут в Восточную Германию. Это парни покрепче.

...Самолеты взлетели один за другим с паузами в несколько минут. Ночь встретит их вблизи советской границы. Ну а там все готово к приему непрошенных гостей. В этом Субботин был уверен. Его охватило такое радостное чувство, что он тихо рассмеялся. Гарц, к счастью, этого не заметил.

Спустя час они уже подъезжали к радиоцентру на окраине Мюнхена. Небольшое здание, невидимое с улицы, стояло в глубине сада. Все окна зашторены. Солдат проводил их по темной аллее к дому и показал на дверь:

— Сюда.

За дверью их встретил другой человек и провел в комнату, где вдоль стен стояла радиоаппаратура. Пятеро радистов с наушниками чуть пошевеливали верньеры настройки. За маленьким столиком сидел офицер. При появлении Гарца и Субботина он встал.

— Пока все идет нормально, — доложил он. — Самолеты точно соблюдают график. Выброска произойдет примерно через три часа.

Гарц молча сел в кресло. Он волновался. Субботин сел у двери. Гарц сделал знак пододвинуться поближе.

— Подлетая к границе, летчики прекращают радиосвязь. Нет ничего хуже томления в неизвестности, — тихо сказал Гарц. Потом он долго молчал, не сводя глаз с радистов.

Те, словно окаменев, сидели с карандашами, готовые в любое мгновение записать радиogramмы, которые прилетят из далекой, неведомой им Белоруссии. Все три пары аген-

тов после приземления, прежде чем запрятать рации, должны сообщить, что у них все в порядке.

— Все-таки ваша Россия, — сказал Гарц, — проклятая страна. Никогда не можешь быть уверен в успехе.

Субботин молчал. Нетрудно догадаться, что слышать это ему было весьма приятно и даже лестно.

— Вот, говорят, загадочная русская душа, — продолжал Гарц. — Вообще-то я ругаюсь, когда так говорят, запугивая самих себя. Но все же какая-то правда в этих словах есть. — Гарц посмотрел на Субботина и рассмеялся. — А с другой стороны, что загадочного, скажем, в вас?

Субботин пожал плечами...

Около полуночи один из радистов начал что-то быстро записывать. Дремавший Гарц вскочил и, подбежав к радисту, смотрел через плечо, что тот писал.

Субботин замер. Неужели его питомцы проскочили, никем не встреченные? Он не мог знать, что в операцию по поимке разведчиков входило и это: дать одной паре возможность — так сказать, для правдоподобия — осуществить немедленную связь с Центром.

В принятой и расшифрованной радиограмме говорилось: «Приземлились точно и благополучно. Прячем снаряжение и уходим согласно плану. Номер три».

Больше до утра никаких сообщений принято не было.

Субботин нервничал, хотя отсутствие сообщений от остальных агентов не могло не радовать его.

— Ничего, ничего! — утешал его Гарц. — Терпение, мистер Скворцов! Выброска — это не прогулка туристов.

Но сообщений не было и в течение следующих суток. Только в начале третьих суток пришла радиограмма от пары номер один, в которой находился несостоявшийся писатель Константин Ганецкий. Разведчики сообщали, что они сутки блуждали, пока добрались до леса. Теперь все в порядке — уходят согласно плану.

— Видите, Скворцов, наше с вами терпение вознаграждено. Из трех брошенных нами зерен два уже дали всхо-

ды. Если третье не взойдет, все равно мы с вами можем быть довольны. Я лично рассчитывал максимум на одно зерно. Поздравляю вас!

— Спасибо.

Субботин был не на шутку встревожен.

Неужели подвела цепочка связи?.. Он опять-таки не знал того, что пара номер один свое донесение передала уже из здания госбезопасности и что эта пара, как позже и третья, до поры до времени будет по указаниям чекистов мистифицировать американскую разведывательную службу своими боевыми радиодонесениями.

52

Утром Гарц выдал Субботину довольно крупную сумму денег и сообщил, что новая группа курсантов будет набираться в Гамбурге. А теперь ему представляются сутки полного отдыха. Субботин поблагодарил Гарца и сказал, что отправляется в поход по магазинам.

Выйдя из отеля, Субботин действительно побывал в нескольких магазинах. С ворохом покупок в руках он возвращался в отель. Подошел к газетному киоску. Амалия Штерн протянула ему несколько газет:

— Шифр девять...

В номере Субботин нетерпеливо раскрыл газету и отыскал нужный ему абзац:

«Все в полном порядке. Поздравляем. Немедленно возвращайтесь домой. В одиннадцать часов вечера возле кирхи Петра будет стоять такси № БТ 30555».

Первой мыслью Субботина было недоумение: зачем возвращаться домой, если есть возможность продолжать работу по провалу вражеской агентуры?

Однако Субботин понимал и другое: затягивать эту рискованную игру опасно. Наконец, Субботин был человек военный, и приказ для него был приказом. Начальство знает, что делает.



Субботин зашел в номер Гарца.

— Мистер Гарц, поскольку вы однажды высказали желание знать, где я в каждое время суток, ставлю вас в известность, что вечером я смотрю ревью, а потом позволю себе выпить и всячески развлечься. Всячески, мистер Гарц...

— Сегодня ваш день, — засмеялся Гарц. (Субботин видел, что он в хорошем настроении.) — Но все же удержитесь от лишнего.

Субботин рассмеялся:

— До завтра, мистер Гарц!

Гарц помахал ему рукой.

На другой день Субботин уже находился в кабинете полковника Семина. Здесь была вся оперативная группа Рычагова. Полковник с доброй улыбкой оглядел всех и встал:

— Спасибо, товарищи, за отличную службу!

Все участники группы тоже встали, их глаза радостно блестели.

Как в это время чувствовал себя мистер Гарц, предположить нетрудно. Наверняка он чувствовал себя очень плохо.

ОПАСНЫЙ МАРШРУТ

Глава первая

Передо мной — довольно пухлая папка с надписью «Дело». У этого «Дела» есть свой номер, и состоит оно почти из двухсот страниц, аккуратно подшитых и подклеенных. Поперек папки стелется размашисто-небрежная резолюция: «В архив».

И эта аккуратная папка и резолюция «В архив» никак не вяжутся в моем представлении с тем, что рассказывает мне об этом деле сидящий передо мной совсем еще молодой человек с умными, усталыми глазами... Рассказывая, он то и дело внезапно умолкает, открывает папку, отыскивает нужную страницу, всматривается в нее, и на лице у него появляется недовольное выражение, будто то, что он прочитал, ему либо непонятно, либо почему-то не удовлетворяет его. Тогда он закрывает папку и отодвигает от себя, чтобы через несколько минут снова взять ее в руки. Потом я понял: да, этот человек никогда не сможет равнодушно читать страницы дела, и ему всегда будет казаться, что сухой, протокольный текст, густо заполнивший страницы документов, всего не расскажет, ибо в этой папке была частица жизни этого человека, его сердце и нервы...

Пододвинув папку ко мне поближе, он сказал:

— В общем, здесь есть всё, кроме... — Он недоговорил, помолчал, махнул рукой и рассмеялся: — В общем, здесь всё. Я открыл первую страницу дела...



«Телефонограмма. № 1/ПО. Принята в 4 ч 17 м.
Из Лесной.

Вернувшийся из ночного колхозник артели “Рассвет” Петруничев Илья Семенович сообщил, что в два часа ночи в районе Черного бора кружил самолет, который затем улетел на запад.

Передал дежурный райотдела РКМ...

Принял дежурный Управления госбезопасности...»

«Телефонограмма. № 2/ПО. Принята в 4 ч 21 м.
Из штаба ВВС округа.

В 2 ч 24 м в 70 км от Черного бора нашими истребителями сбит самолет неизвестной принадлежности. Идет выяснение.

Передал дежурный по штабу...

Принял дежурный Управления госбезопасности...»

«Телефонограмма № 3/ПО. Принята в 17 ч 42 м.
Из Управления милиции города.

На восточной окраине города возле 101-го почтового отделения обнаружен оставленный владельцем мотоцикл ижевской марки № 1207. Машина зарегистрирована в Лесном районе.

Передал начальник оперативного отдела РКМ...

Принял дежурный Управления госбезопасности...»

Все эти телефонограммы были приняты в один и тот же летний день 195... года.

И вот я перелистываю дело — страницу за страницей...

1

Самолет летел в бездне ночного неба. Летел он, словно забытый землей. Радиомаяки не подавали ему сигналов. Авиационные диспетчеры, обязанные беспокоиться о всех самолетах, об этом самолете даже не думали. Аэродромные

радисты переговаривались с радистами всех проносящихся сквозь ночь машин, а с радистом этого тяжелого корабля они связи не держали.

Другие самолеты летели с зажженными сигналами, и людям с земли казалось, что в черном небе плывут разноцветные звезды. А этот летел, погасив огни, летел на огромной высоте, и его никто не видел и не слышал.

Разбейся этот самолет, и никто не узнал бы ни имени погибших, ни даже того, какой стране принадлежал самолет. У членов экипажа в карманах не нашли бы документов, а на обломках крыльев не оказалось бы опознавательных знаков. На штурманской карте не был бы обнаружен маршрут полета, и нельзя было бы даже установить, откуда и куда летела эта машина.

Впрочем, у единственного пассажира самолета документы были бы найдены, но люди с недоумением гадали бы — кто же он, этот человек, ибо в их руках оказалось бы сразу несколько документов, все на разные фамилии, но с фотографией одного и того же сорокалетнего мужчины, с красивым, мужественным лицом и удивительно спокойными глазами...

Но с самолетом пока ничего не случилось, и он продолжал лететь в бездне ночного неба. Одиноким пассажир — обладатель нескольких документов — дремал, откинувшись на спинку сиденья, зажатого в тесном отсеке позади пилотской кабины.

Перед лицом пассажира замигал красный глазок сигнальной лампочки — летчик хотел разговаривать с пассажиром. Ленивым движением пассажир взял с коленей радионаушники.

— Слушайте! Слушайте! — Голос у летчика низкий с хрипотцой, наушник с ним еле справляется, и пассажир напряженно вслушивался. — Сейчас один час семнадцать минут. Начинаю снижение. Через десять минут можете снять кислородную маску и готовиться к прыжку. Через сорок минут будьте готовы прыгать.

Красный глазок еще раз мигнул и погас. Пассажир посмотрел на часы...

Одновременно с этим на земле посмотрел на часы молоденький офицер, посмотрел и торопливо записал время — наконец-то земля увидела странный самолет. Это была уже советская земля. Локаторный пост воздушной службы нащупал самолет невидимым лучом, и на экране поста самолет возник еле приметной движущейся точкой. Тотчас же зазвонили телефоны, и по проводам в разных направлениях полетели стремительные слова приказаний...

Самолет снижался быстро. У пассажира заломило в ушах, и он перестал слышать гул моторов. Посмотрев еще раз на часы, он сорвал с лица маску. Видимо, самолет находился еще на большой высоте — пассажиру стало трудно дышать: он судорожными глотками захватывал воздух открытым ртом и испуганно смотрел перед собой, точно боясь, что он вот-вот умрет от недостатка кислорода. Его рука уже потянулась за маской, но в это время дышать стало легче, и он бросил маску за спинку сиденья.

Несколько минут пассажир сидел неподвижно. Матовый круг в стене отсека скупое освещал его напряженно-сосредоточенное, как у глухого, лицо, на котором тугая кислородная маска оставила красные полосы. Лицо его было не только красивое и мужественное, но и умное. Высокий, выпуклый лоб обрамляли густые каштановые волосы, на висках чуть тронутые сединой. Прямой с маленькой горбинкой нос. Волевой подбородок. Пристальные серые глаза. До сих пор он был укутан в меховую полость, а сейчас он ее сбросил и оказался в поношенном сером пиджаке, под которым виднелась вышитая украинская рубашка. Мятые брюки были заправлены в простые сапоги.

Под потолком вспыхнула яркая лампочка. Пассажир, не вставая с кресла, раздвинул ноги, согнулся и начал отвинчивать замки люка, вделанного в пол отсека. Затем он встал, поднял с пола туго набитый рюкзак и тщательно приладил его на спине. Он даже попрыгал, чтобы прове-

рить подгонку заплечных ремней. Потом он вытащил из под кресла плоский ранец с парашютом и, перепоясавшись ремнями, приладил его на груди. К поясу он пристегнул лопатку с коротким черенком.

Лампочка под потолком замигала. Пассажир рывком открыл люк — в отсек ворвался рев моторов, в лицо пассажиру упруго ударил воздух. Он сдвинул на глаза автомобильные очки, опустился на колени и быстрым, ловким движением, головой вперед, нырнул в люк...

2

Душной августовской ночью сорок первого года на Западном фронте произошло трагическое событие, стоившее жизни многим советским воинам. В штабных документах оно было зафиксировано весьма кратко: «Саперная рота лейтенанта Окамова почти полностью погибла при выполнении боевого задания...»

А произошло это так.

Лейтенант Окамов получил приказ — ночью перебросить роту на противоположный берег реки и заминировать прибрежную полосу.

Переправлялись на лодках. Лейтенант Окамов стоял на носу первой лодки. В мелкой ряби быстрой реки дробились и таяли звезды. На западе черное небо было словно приподнято — там над горизонтом шевелилось багровое зарево войны. Где-то совсем неподалеку торопливо било одинокое орудие; когда оно умолкало, можно было услышать беспорядочную винтовочную стрельбу. Из всей роты один Окамов знал, что означали эти звуки, — там, правее леса, у берега реки, остатки нашего полка из последних сил сдерживали атаки гитлеровцев, рвавшихся к прибрежной полосе. «На рассвете они двинут танки, — сказал Окамову командир дивизии. — И если вы не успеете заминировать полосу от реки до леса, противник отрежет остатки полка и выйдет нам в тыл»...

Над рекой на небольшой высоте пролетел вражеский самолет, развесивший в небе гирлянду световых авиабомб. От их белого света река стала молочной. Окаемов посмотрел на белые лица своих солдат, встретился с их испуганно ждущими взглядами и поспешно отвернулся. Вражеская артиллерия начала обстреливать реку. Первые снаряды вскинули белые гейзеры воды у покинутого саперами берега. Невидимый в ночном небе вражеский самолет, вероятно, корректировал огонь: следующих два снаряда накрыли лодку, замыкавшую строй плывущих, — в мгновение не стало видно ни лодки, ни тех, кто был в ней. Окаемов увидел, как ниже по течению реки из воды показалась чья-то голова и тотчас исчезла.

Но вот лодки уткнулись в песчаную отмель, и саперы, толкая друг друга и тихо переругиваясь, сбежали на берег. К Окаемому подошли командиры отделений.

— Мины оставим здесь, — тихо приказывал Окаемов. — Здесь же остается отделение Пушнова. Все остальные заходим в лес на глубину сто метров и занимаем рассредоточенную оборону. Отрыть индивидуальные окопы. За лесную группу отвечает сержант Гурко. Никаких действий без моего приказанья. Я иду на связь с полком. Ясно?

— Ясно, — ответили командиры отделений.

— Выполняйте приказ! — отрывисто произнес Окаемов. Командиры отделений позвали своих солдат. Около Окамова остался только сержант Гурко.

— А я слышал... — нерешительно сказал он, — будто надо минировать берег, вон там... — и показал рукой в темноту.

— Сержант Гурко, — повысил голос Окаемов, — выполняйте приказ!

— Есть выполнять приказ, товарищ лейтенант! — Сержант исчез в темноте.

Окаемов поднялся на береговой откос и быстро пошел вдоль реки. Отойдя от места переправы шагов пятьсот, он резко свернул влево и побежал к лесу. Он остановился толь-

ко тогда, когда почувствовал, что позади него сомкнулась густая темнота леса. Постоял, прислушался и затем, осторожно ступая, пошел левее того направления, где стреляла одинокая пушка. Так он шел час, другой... Одинокая пушка глухо ухала уже где-то далеко у него за спиной...

Начинало светать, когда Окаемов подошел к большой поляне, за которой угадывалось близкое окончание леса.

Выйдя из лесу, Окаемов схоронился за кустом и поднес к глазам бинокль. Перед ним расстилалась безбрежная зеленая равнина. Примерно в километре от леса равнину пересекал овраг, по краю которого изгибалась хорошо накатанная дорога. У самого горизонта слева, там, где незаметно начинался овраг, пролегалo шоссе, отмеченное цепочкой телеграфных столбов. На всем этом пространстве не было ни одной живой души.

Окаемов присел на мягкую траву и закурил папиросу...

С первых дней войны он поджидал удобного момента, чтобы перебежать к врагу. О том, что он непременно сделает это, Окаемов решил еще ранним утром двадцать второго июня, когда радио сообщило о начавшейся войне. Тогда же он с благодарностью вспомнил своих родителей, еще в детстве обучивших его немецкому и английскому языкам... Попав на фронт, он больше всего боялся, что его убьет какая-нибудь шалая пуля, не дав ему совершить задуманное. Он отступал с войсками и бежать не торопился, выжидал для этого выгодной ситуации, при которой он мог бы явиться к врагу не с пустыми руками, а заслужив к себе особое расположение.

...И вот этой августовской ночью такая выгодная ситуация сложилась. Теперь он имеет возможность сообщить вражескому командованию полезные сведения об обороне приречья, он не выполнил приказ о минировании береговой полосы и фактически отдал в руки врага свою саперную роту. Окаемов был уверен, что за все эти дела его примут с почетом, что его немедленно доставят в штаб, где с ним будут уважительно беседовать высокие гитлеровские чины.

Но ничего подобного не произошло. Упоенные первыми военными успехами, уже предвкушая скорое взятие Москвы и полную победу, гитлеровцы не обратили никакого внимания на Окамова — он был для них всего-навсего еще одним пленным младшим офицером, не больше. А когда Окамов слишком решительно потребовал, чтобы его безотлагательно доставили в штаб, рыжий прыщеватый капрал, которому он сдался в плен, удивленно посмотрел на него и рассмеялся:

— Фюрер сегодня занят. Он поручил мне побеседовать с тобой по всем важным вопросам... — С этими словами рыжий капрал свинцовым кулаком сшиб Окамова с ног.

Засыпая на ходу, Окамов брел в колонне пленных по пыльной дороге. «Не упасть, не упасть...» — повторял он про себя в ритм шагам. Упавших пристреливали. Потом в эшелоне Окамов отсчитывал минуты жизни стуком вагонных колес. Когда из вагона выбрасывали очередной труп, он говорил себе: «А я жив!» Затем три месяца в концентрационном лагере он каждую минуту думал об одном: как сохранить жизнь? Первые две недели в лагере не было заключенного более старательного и исполнительного, чем Окамов. Пленные выполняли бессмысленную работу — с утра до вечера перетаскивали с места на место тяжелые камни. Окамов переносил камни почти бегом. Охранники, глядя на него, хохотали. Пленные считали его сумасшедшим. Вскоре Окамов понял свою ошибку и стараться перестал. Наступила осень. По ночам невозможно было уснуть от холода и надсадного кашля несчастных обитателей барака. Рядом с Окамовым на нарах лежал пожилой солдат, которого все звали Степаныч. Это он первый сказал Окамову, чтобы тот бросил стараться на каменоломне, если хочет выжить. Услышав ночью, что Окамов лязгает зубами от холода, Степаныч придвинулся к нему и прошептал:

— Ляжем вместе под две шинели, будем греть друг друга...

Окаемов прижался к нему и вскоре заснул. Потом они так спали всегда.

Если Окаемов долго не засыпал, Степаныч шептал ему: — Ты о Родине думай, сразу душа успокаивается...

Окаемов молчал.

Постепенно в лагерь начали просачиваться сведения о том, что молниеносное продвижение гитлеровской армии затормозилось. Прибывавшие партии пленных становились все малочисленней. О том, что на фронте дела у немцев ухудшились, можно было прочесть и на лицах лагерных охранников.

Вечером второго ноября Окаемов влез на нары и приутился к Степанычу. Они накрылись шинелями.

— Слушай меня, — зашептал Степапыч. — Мы тут решили отметить октябрьский праздник. В ночь на седьмое бежать собираемся. Пойдешь?

Окаемов притворился будто мгновенно заснул и не ответил. Утром на каменоломне, очутившись возле охранника, Окаемов тихо сказал ему по-немецки:

— У меня есть очень важное сообщение для начальника лагеря. Я из барака семь. Номер 57689.

Охранник немедленно доложил кому следовало, и после вечерней поверки в седьмой барак явился начальник лагеря. О, эта белобрысая собака знала, что делала, — он взял с собой из барака не одного Окаимова: для маскировки вместе с ним в комендатуру погнали еще пять человек...

Степаныча повесили на другой день во время утренней поверки. Окаемов стоял в строю пленных и думал: неужели и теперь лагерное начальство им не заинтересуется?..

Вскоре Окаемов узнал, что с партией пленных в лагерь в форме рядового прибыл какой-то советский полковник. Узнал — доложил. После этого Окаемов был переведен рабочим на кухню. Зимой началась уже его большая карьера. Он стал провокатором-гастролером. Его «подсаживали» в те лагеря, где возникали организации Сопротивления, и он эти организации проваливал.

Последние месяцы войны он «работал» в лагере, находившемся в Западной Германии. Когда войска западных держав были в ста километрах от этого лагеря, Окаемов отправил на расстрел семнадцать заключенных и решил: довольно! Теперь надо ждать. Прихода чужих войск он почти не боялся. Больше инстинктом, чем разумом, был уверен, что они его не тронут.

3

Окаемов сидел перед сухопарым флегматичным полковником. Допрос происходил в помещении школы. На заляпанном чернилами учительском столе стоял сифон с сельтерской водой. Он был пронизан солнцем. Окаемов следил, как в сифоне поднимались со дна сияющие пузырьки. За окном галдели одетые в непривычную форму солдаты. Позади Окаимова за партой, как школьник, сидел человек в штатском. В допросе он участия не принимал, но почему-то Окаемов чувствовал, что главная опасность находится у него за спиной. Да и полковник, лениво задавая вопросы, то и дело посматривал на штатского.

— Значит, вы предателем не были?

— Не был и не мог быть...

И этот вопрос и спокойный ответ Окаимова прозвучали в этой комнате в третий раз. Полковник посмотрел на штатского и вдруг резко свистнул сквозь зубы. В дверях появился солдат.

— Пусть войдет...

Солдат скрылся за дверью, и в класс вошел начальник лагеря, майор гестапо Фохт. На нем был хороший штатский костюм; в руках он держал широкополую шляпу. Фохт подошел к столу и посмотрел на сгорбившегося от ужаса Окаимова.

— Он? — спросил полковник.

— Он, — ответил Фохт.

— Спасибо. Идите.

Фохт вышел.

— Ну? — насмешливо произнес полковник.

Окаемов заговорил быстро, сбивчиво, пересыпая английскую речь русскими и немецкими словами. Он рассказывал свою жизнь. Полковник с безразличным лицом слушал его минуты три, потом посмотрел на штатского и поднял руку:

— Довольно! Все это описано здесь... — Он постучал пальцем по лежащей перед ним синей папке. — Это ваше личное дело... из гестапо... — Полковник снова переглянулся со штатским, встал и вышел из комнаты.

Его место за столом занял штатский. Это был немного обрюзгший мужчина лет сорока пяти. Тоненькие усики под горбатым носом и смуглый цвет кожи делали его похожим на жителя южноамериканской страны. Он был бы красивым, если бы не глаза, которые точно по ошибке попали к нему совсем с другого лица, — светло-серые, водянистые, абсолютно ничего не выражающие, но накладывающие на лицо печать неопределенности.

— Передавать вас русским мы не собираемся. Это — первое, — сказал он тихим, приятным голосом. — Второе: вы хотите работать у нас?

— Безусловно, — поспешно ответил Окаемов, уже прекрасно понимая, о какой работе идет речь.

— Ну вот и прекрасно! Вы голодны?

— Я ничего не ел со вчерашнего дня, — почти сердито ответил Окаемов и протянул руку к сифону. — Разрешите мне выпить?

— Подождите. Мы сейчас поедем ко мне обедать...

Маленький особнячок, куда они приехали, стоял на окраине города. Рослая, мужеподобная немка провела их в гостиную и стала в дверях, ожидая распоряжений.

— Обед на двоих. Французского вина. Сигареты...

Немка ушла. Штатский пригласил Окаевова сесть за низенький столик.

— Давайте знакомиться. Меня зовут Барч.

— Окаемов.

Они пожали друг другу руки и рассмеялись.

— Вот что делает война, мистер Окаемов, — продолжая смеяться, сказал Барч. — Она не только повергает в прах государства, но и хитро перетасовывает людей. И не только хитро, но и умно. Вы не находите?

— Я бы сказал иначе, — Окаемов, хитро прищурясь, смотрел на Барча, — она порождает умные случайности.

— Случайности?.. — Барч задумался.

— Умные случайности, — повторил Окаемов.

Барч махнул рукой и рассмеялся:

— Я еще в колледже ненавидел философию. По-моему, вся она состоит из мудростей, которые так же легко доказать, как и опровергнуть.

— Одно могу сказать, — Окаемов улыбнулся, — с таким взглядом на философию в России вы успеха не имели бы...

— О да! — Барч захохотал. — Марксисты съели бы меня с потрохами!

Пока немка накрывала стол, они молчали. Потом Барч налил в бокалы вина и сказал:

— Так или иначе, давайте выпьем за наше знакомство.

Они выпили и закурили сигареты. Барч сказал:

— А теперь расскажите мне свою жизнь. В вашем личном деле немцы с присущим им педантизмом пронумеровали даты и события вашей биографии, а меня интересуют живые детали, психология, в общем, то, что люди называют судьбой. Времени у нас достаточно. Пожалуйста, прошу вас...

Окаемов начал рассказывать. Впервые за всю свою жизнь он рассказывал о своей жизни правду. Все анкеты, которые он заполнял там, в Советском Союзе, отражали жизнь выдуманную. Поначалу говорить ему было трудно, то и дело на правду наползала ложь, и он сбивался, но затем впервые переживаемое ощущение, что перед ним сидит человек, которому он может сказать все, точно встряхнуло его память, ложь как бы отступила, и вся его жизнь предстала перед ним во всей своей жестокой правде...

Григорий Окаемов помнил два своих детства. Одно — уютное, теплое, светлое. Другое — тревожное, холодное, злое. Первое прошло в большом белокаменном доме, стоявшем на Соборной площади богатого сибирского города. Зимой он любил из громадного окна полукруглой гостиной смотреть, как на площади хороводила злая метель, как безжалостно хлестала она пешеходов и быстро наметала ребристые сугробы. А в гостиной было тепло и тихо; вокруг точно лакированные блестели листья фикусов; за спиной в камине весело потрескивали сухие дрова... Ровно в четыре приезжал отец. Каурый жеребец с завитой гривой выносил на площадь расписной возок, в котором, неестественно выпрямясь, сидел отец. Его полковничья папаха лихо заломлена назад, руки в белых перчатках сложены на эфесе серебряной шашки. Возок останавливался у крыльца, кучер откидывал козловую полость, и отец грузно сходил на присыпанный песочком тротуар. Григорий бежал навстречу отцу...

Со страшной точностью помнил Григорий одно Рождество — последнее Рождество уютного детства. В гостиной, маковой упершись в потолок, стояла густая, пахучая елка. Вечером на ней зажглись бесчисленные свечи, и запах хвои смешался с запахом воска. Волосатый старик играл на пианино вальс. Гости пестрой толпой стояли вокруг елки и ахали. И тогда отец взял его за руку и подвел к елке.

«Ну, сынок, — сказал он, — давай посмотрим, что принес тебе Дед Мороз...» — Он приподнял нижние ветки елки — там, в синей тени, стоял, поблескивая никелем, трехколесный велосипед. Еще не совсем веря этому счастью, Григорий бросился на шею отца, и в это мгновение раздался звон разбитого стекла, на улице грохнули два гулких выстрела. Отец схватился за плечо и, шатаясь, пошел на елку. Крики, женский визг. Мать подхватила Григория на руки и утащила в детскую...

Это было Рождество семнадцатого года, и, собственно, с этих двух выстрелов в окно и началось второе, злое детство

Григория, навсегда связанное в его памяти с перестуком вагонных колес, с диким холодом и беспорядочной стрельбой.

Только много лет спустя Григорий узнал, почему судьба дала ему два таких разных детства. Узнал и понял все. И среди этого всего — самое главное и самое страшное то, что отец его был расстрелян большевиками вместе с адмиралом Колчаком, в контрразведке которого отец работал. Григорий узнал это, когда ему было семнадцать лет. В это время он жил у брата матери на Орловщине. В двадцать четвертом году его привезла сюда мать. Через год она умерла от тифа. Дядя его усыновил и дал ему свою фамилию — Окаемов. Тревожное детство переходило в юность в крепком пятистенном дядином доме, в котором все дышало достатком. Дяде принадлежала изрыгавшая кислую вонь сукновальня и мельница с нефтяным двигателем «Перкун», оглашавшим округу деловитым стуком. Своих детей у дяди не было, и он частенько, печально глядя на Григория, говорил: «Все будет твое, из рук в руки передам...» В двадцать девятом году дядю раскулачили.

— Что значит — раскулачили? — спросил Барч.

— Что? Большевики решили всю деревенскую голытьбу собрать в колхоз, а всех богатых крестьян уничтожить, — словом, знаете, ликвидировать как класс...

Окаемов видел, что Барч не понимает его, да и самому ему о тех событиях хотелось рассказать не этими словами, а поведать то, что было пережито им самим — живым человеком, которого тоже должны были «ликвидировать».

...Уныло, словно нехотя, тянулся дождливый сентябрьский день. Григорий Окаемов сидел дома и, прислонившись к оконному косяку, читал замусоленный комплект журнала «Нива». Дядин дом стоял на взгорке, и из окна открывалась заштрихованная дождем, грустная даль полосатой земли. Григорий читал рассказ о том, как в осенней глухомани, в обедневшем помещичьем доме умирал гвардейский офицер, некогда блиставший при царском дворе. Над его головой протекал потолок, и назойливые капли шлепа-

лись в лужу возле кровати. А умирающий старик перелистывал альбом и плакал над фотографиями, безжалостно напоминая ему о прожитой им веселой и бурной жизни в Петербурге. И когда он открыл фотографию, на которой царь милостиво похлопывал его по плечу, он умер... И вдруг Григорий Окаемов почувствовал тревогу. Он отложил журнал и осмотрелся. Нет, все стояло на своих местах. И между тем явно что-то случилось. Григорий обошел весь дом, вернулся в горницу и стал смотреть в окно. Тревога не проходила. И вот он обнаружил наконец, откуда оно, это беспокойство: в неурочный час прекратился стук мельничного двигателя.

В горницу, тяжело дыша, ввалился дядя. Его лицо было белым-белым, точно он вывалился в муке. Стоя у порога, он смотрел на Григория страшными, остановившимися глазами. Потом, не говоря ни слова, отпер сундук, вынул оттуда маленький сверток и подошел к Григорию.

— Гриша, гибель наша пришла, — хрипло сказал он. — Вот тебе золотые десятки: тут сотен пять, не меньше. Одевайся мигом потеплее, бери коня и скачи на станцию. Там коня брось, а сам садись в первый поезд и уезжай куда глаза глядят. А я встречу их картечью и умру вместе с моим добром...

Через три дня Григорий Окаемов был уже в Москве и словно растворился в кипучей громаде столичного города. Запратав непроходящую злобу в самый глубокий тайник души, он цепко и хитро делал жизнь. Думаете, это легко? Думаете, легко стараться на работе, всем улыбаться, ненавидя и работу, и окружающих тебя людей? Думаете, легко было подготовиться, а самое главное, поступить в институт и стать инженером? Но в те годы каждый новый инженер был на вес золота — окружающие и не подумали тщательно проверить, кто он такой, этот новоиспеченный инженер Окаемов? Так неразгаданным он и ушел в просторы ненавистной ему советской жизни. Может быть, он и прожил бы всю свою жизнь, не испытав наслаждения местью, но началась война...

Барч слушал рассказ Окаемова с искренним сочувствием и полным пониманием — ну конечно же именно так, как оценивал Окаемов, представлялась ему революция и все планы коммунистов. И вот перед ним сидит живой человек, который «о коммунистической стране знает всю страшную правду!» Такие люди очень пригодятся. Барч считал, что ему здорово повезло — приказ искать полезных русских пришел недавно, а он уже нашел такого идеального русского.

Окаемов закончил рассказ и выжидательно посмотрел на Барча.

— Но русские — наши союзники?.. — не то спросил, не то напомнил Барч.

— Немцы для разминирования дорог использовали даже свиней, — усмехнулся Окаемов, всем сердцем чуя, что он говорит то, что нужно...

4

Полтора года Окаемов учился в секретной разведывательной школе, шлифовал языки, изучал специальные дисциплины, связанные со шпионской и диверсионной работой. Начальником школы был Барч. Он увидел в Окаеове талантливого ученика, лично заботился о нем. А когда преподаватели хвалили Окаемова, Барч с гордостью говорил: «Это мой человек!» Когда Окаемов окончил школу и ему предстояло отправиться в первую поездку по заданию разведки, Барч пригласил его к себе домой.

— Запомните, Окаемов, — проникновенно говорил Барч, — моя родина — благословенная страна для людей умных, деятельных и целеустремленных. Но она безжалостна к слабым. Вот и вас, Окаемов, моя страна полюбит и приласкает только сильного. И еще. В нашей опасной работе, как и во всех областях нашей жизни, действует жестокий закон конкуренции. Помните это и будьте всегда начеку. Удачников у нас уважают. Но всегда найдутся люди, которые хотели бы свалить удачника в канализационную яму.

Окаемов слушал и думал: «Все это я уже усвоил, пока учился в школе, а потому я и вам, мистер Барч, никогда не буду доверять до конца».

И вот началась работа Окаемова. Подлинное его имя спрятано в сейфе разведки. Он то Вольфган Ритц — немецкий инженер-эмигрант; то Луи Дюмениль — французский коммерсант, одержимый страстью собирать почтовые марки; то Ральф Уитсон — англичанин-спортсмен, готовый ради горной охоты совершить кругосветное путешествие; то Вацлав Михацкий — монах в краковском монастыре...

Первая поездка в Египет — задание обезвредить вожака одной мусульманской организации, отказавшегося служить хозяевам Барча. Не прошло и недели после появления Окаемова в Каире, как египетские газеты сообщили о скоропостижной смерти вожака организации. Потом — Мадрид. Нужно было перехватить немецкого химика, который вместе со своими секретами отправился жить в Испанию. Химик должен изменить маршрут и ехать совсем в другую страну. Если не захочет — обезвредить... Однако обезвреживать химика не понадобилось: узнав условия, он охотно изменил маршрут. Затем — Иран. Это была самая трудная поездка. Главное — Окаемов был лишен там самостоятельности. В Тегеране сидела целая группа разведчиков, возглавляемая желчным и отчаянно глупым полковником. В группе к Окаемову относились с брезгливым равнодушием. И только Барч, когда Окаемов вернулся из Ирана, сказал ему, что он работал отлично, лучше всех остальных, вместе взятых. Эта похвала была тем более приятной, что Барч в это время уже являлся одним из заместителей начальника европейского отделения разведки.

Окаемов ускоренно изучил польский язык, и его забросили в Польшу. Он — монах краковского монастыря и по совместительству временный резидент разведки. По ночам в келье монаха мерцают радиолампы передатчика и слышится дробный стук ключа радиотелеграфа. Плохо только,

что польские органы безопасности раньше, чем ожидалось, начали интересоваться странным монахом, и пришлось смаывать удочки.

Всюду он работал бесстрашно, нагло и изобретательно.

Страх он переживал, только возвращаясь. Нет, нет, это не был страх перед начальством. Боялся он другого — боялся, что однажды он вернется из очередной поездки и Барч скажет ему: «Теперь — в Советский Союз».

Этого, единственно этого, он боялся и справиться с этим страхом не мог: он жил в самой его крови. В Чехословакии в поезде Окаемов оказался в одном купе с советской киноактрисой, которую знал по фильмам. Они разговаривали по-немецки, и он вел себя так глупо, что артистка, смеясь, сказала: «Вы так смотрите на меня, точно боитесь меня». Да, он боялся и ее. Он боялся каждого советского человека.

Тысячу раз обдумывая возможность поездки в Советский Союз, Окаемов говорил себе: «Прикажут — поеду. Отказаться нельзя. Но лучше, если этой поездки не будет...»

После возвращения из Чехословакии Окаемов гостил на даче Барча. Тихими весенними днями они гуляли по чистенькому, точно подстриженному и причесанному лесу. По вечерам играли в шахматы. И все время Окаемов чувствовал, что Барч чего-то недоговаривает.

Расставляя шахматы, Барч задумчиво сказал:

— Все-таки самый серьезный наш противник — это русские. А мы действуем там удивительно бездарно. Бесполезное топтание на месте, провалы — противно думать об этом... — Барч замолчал.

Окаемов настороженно ждал — да, видимо, вот сейчас и прозвучит то самое: «Теперь — в Советский Союз».

Теплая ночь подступила к самой веранде. Мягкий зеленоватый свет настольной лампы отражался в полированной шахматной доске, густо заставленной фигурами. За стеклами веранды зияла чернота ночи, и только над самым горизонтом дрожало оранжевое зарево — там был большой город.

Партия только началась. Барч рассеянно смотрел на доску, ожидая хода Окамова, который играл очень осторожно, подолгу обдумывая каждый ход. Обычно Барчу это нравилось, но сегодня ему хотелось поскорее окончить игру и приступить наконец к тому самому главному разговору, ради которого он позвал Окамова в гости. А партия, точно назло, развертывалась лениво, неинтересно и грозила затянуться на несколько часов.

— У меня есть предложение, — откидываясь на спинку кресла, сказал Барч, — отложить нашу партию. Это ведь делают даже гроссмейстеры. Не так ли?

— Можно и отложить, — равнодушно отозвался Окамов, продолжая смотреть на доску.

Барч встал:

— Давайте включим радио. Послушаем, что болтают ваши русские друзья.

В беспокойном шорохе пространства возникла русская речь. Говорила Москва. Окамов пододвинулся к приемнику и стал слушать. Москва рассказывала об отъезде на целинные земли первой партии молодежи, о торжественных проводах ее на вокзале. Потом коротко выступила ивановская ткачиха, сообщившая о своем новаторском почине, давшем удивительное увеличение производительности труда. Затем говорилось о близком открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, о завоевании советскими хоккеистами первенства мира, о премьере в театре оперетты. В сообщениях из-за границы был приведен отклик французской газеты по поводу достижений советских ученых в области атомной физики. Передача известий закончилась, начался концерт китайской музыки.

— Это пусть слушают русские. Выключите, — сказал Барч. — Ну что они там поведали миру?

— Обычная пропаганда, — ответил Окамов, — у нас-де все хорошо.

— А вы считаете, что у них все плохо? — усмехнулся Барч.

— Нет, я этого не считаю. Они знают, чего хотят, и делают всё с завидным упорством.

— И они, Окаемов, — подхватил Барч, — величайшая опасность для всего мира цивилизации. Я как раз не одобряю тех наших газетчиков, которые уверяют нас, будто Советы — слабый противник. Гитлер тоже говорил, что Россия — колосс на глиняных ногах. Разве можно не считаться хотя бы с одним тем фактом, что они сделали атомную и водородную бомбы?

— Но, с другой стороны, обидно, когда их превозносят. Вот сейчас они привели утверждение французской газеты, что Советский Союз — самая могущественная атомная держава...

— Ну, французы! — Барч пренебрежительно махнул рукой. — Мы же с вами обязаны смотреть на вещи по-деловому. И мы видим два опасных для нас фактора. Москва теперь это не только Москва, но и Пекин, и Прага, и Варшава — треть человечества, черт побери! И у них есть атомная и водородная бомбы. И есть кое-что еще, о чем мы, к сожалению, почти ничего не знаем. Мы вообще о них очень мало и не весьма точно осведомлены. Вот еще год назад люди из нашего посольства в России пронюхали об институте какого-то профессора Вольского. Прошел целый год, а единственное, что мы смогли узнать, это название города, где находится институт. Все попытки узнать больше окончились скандальными провалами. Помните шум с высылкой из Москвы сотрудника нашего посольства? Парень сломал шею на этом деле. А все данные говорят, что профессор Вольский — объект огромной важности. Вчера приехал начальник нашего Центра. Орет, называет нас бездельниками, трусами. Видать, ему как следует досталось от начальства. Его ведь вызывали туда специально по этому поводу.

Они замолчали. Окаемов все уже понимал, но ждал.

— Не хотите ли вы, Окаемов, поближе познакомиться с этим профессором? — быстро спросил Барч, пристально смотря на собеседника. Окаемов отвечать не торопился. — Дума-

ется мне, что только вам это знакомство по силам. И разве вам не хочется рассчитаться с теми, кто причинил вам столько горя?.. — Окаемов молчал. — По-человечески я отлично понимаю, что Россия для вас — тяжелое место. Но это необходимость, Окаемов! И я действительно не могу назвать никого, кроме вас, и быть уверенным в успехе. Я даю вам слово — вернетесь оттуда, и я добьюсь вашего перевода в главное управление. У меня есть связи, и я это сделаю.

— Я вовсе не собираюсь уходить с оперативной работы, — обиженно сказал Окаемов.

— Но и нельзя рисковать бесконечно. И конечно же эта операция — самая тяжелая, но зато ее успех даст вам такие преимущества перед всеми, что...

— Хорошо, — перебил его Окаемов, — я сделаю это. Только одна просьба — не торопите меня с подготовкой и прикажите аппарату считать мою операцию делом номер один.

— Безусловно! Все ваши просьбы будут выполняться. И давайте на сегодня с этим покончим. Продолжим партию?

— Я играть не хочу.

— Может, выпьем?

— Не хочется.

— В кровать?

— Я пойду погуляю в саду.

— Пойдемте вместе?

— Я хотел бы один. Извините...

Окаемов готовился к операции почти два месяца, удивляя всех тщательностью, с какой он предусматривал каждую мелочь. Начальник Центра ворчал по поводу медленной подготовки операции, но Барч свое обещание Окаемову выполнял неукоснительно, принимая на себя и ворчанье и насмешки начальника.

Наконец Окаемов сообщил, что он готов. В тот же день он рассказал о разработанном плане Барчу и начальнику Центра. Действительно, план оказался умным, хитрым и

предусматривающим все, что можно предусмотреть. Окаемов ставил себе три цели: похищение данных о работе института Вольского, уничтожение института и самого Вольского. Но план был построен таким образом, что в случае непредвиденных осложнений Окаемов мог выбрать одну из этих целей и ею ограничиться.

Начальник похвалил план, подвергнув сомнению только два его пункта.

— Я что-то не понимаю... — сказал он. — Или я ослышался? Вы в начале операции появляетесь под своим настоящим именем?

— Да. И это тоже тактическая хитрость, — ответил Окаемов. — Во-первых, они такого шага не ждут. Открыв затем это обстоятельство, они примут это за ошибку неопытного разведчика и составят обо мне мнение, которое мне будет выгодно. Во-вторых, это дает мне надежное прикрытие на первые дни, пока я сориентируюсь, чтобы затем исчезнуть и появиться в совершенно новом и неожиданном для них виде.

— А вдруг женщина, к которой вы рассчитываете явиться, умерла или из этого города уехала? Или она возьмет и выдаст вас.

— Последнее исключается. Я ее хорошо знаю, и я приду к ней с таким ключом, который полностью откроет для меня ее сердце. Ну а если ее не окажется, тогда сразу вступит в действие вариант второй.

— Допустим. Дальше — так глубоко внутрь их страны наши самолеты еще не летали. Что будет, если самолет подвергнется нападению до того, как вы выброситесь?

— Я консультировался с авиационными специалистами. Они утверждают: если мы пойдем на максимальной высоте, нападение почти исключается.

— Почти?

Окаемов усмехнулся:

— Это «почти» присутствует во всех наших делах.

— Ну, хорошо... — Начальник Центра пристально посмотрел на Окаимова. — День вылета определен?

— В ночь на ближайшее воскресенье, — сухо ответил Окаемов.

— Мы приедем на аэродром проводить вас.

— Не надо. Я не люблю проводов.

Возникла неловкая пауза. Окаемов встал:

— Я могу идти?

— Если у вас нет к нам вопросов. — Начальник Центра тоже встал. — Разрешите пожать вам руку и пожелать удачи. Все мы будем думать о вас каждую минуту. И мы достойно отблагодарим вас.

— Я об этом не думаю, — сердито сказал Окаемов и повернулся к Барчу. — С вами мы еще увидимся?

— Непременно...

Окаемов вышел. Начальник Центра вернулся за стол:

— Да, Барч, хочется верить, что он справится.

— Во всяком случае, он предусмотрел все.

— Кроме одного, Барч. — Начальник усмехнулся. — Того обстоятельства, что советская контрразведка похожа на иранскую, как лев на лягушку.

— Неверно. Именно, учитывая это, он потребовал себе права в случае осложнений избрать одну из задач.

— А вот мне это как раз и не нравится. — Начальник Центра ребром ладони ударил по столу. — Нужно, чтобы сделано было всё. Всё! Понимаете?

— Если будет хоть малейшая возможность, он сделает всё. Я знаю его не первый год. Такие, как он, на дороге не валяются. Кстати сказать, нам надо продумать способ его возвращения оттуда.

Начальник Центра задумался:

— Не будем торопиться с этим. Пока он еще даже не отбыл туда. Я вижу, Барч, вы влюблены в него, как в свое детище, а я смею вас уверить, что среди сброда перемещенных русских таких, как он, можно найти десятки. Мы попросту плохо ищем. Думать о его возвращении стоит только в том случае, если он получит чертежи. Если получит, сделайте всё, чтобы он вернулся, и не ожидая моих распо-

ряжений. Если же не получит... — Начальник засмеялся. — Он уже отработанный пар. Его фотографии небось уже имеются во многих контрразведках.

В субботу, в двадцать три часа пятнадцать минут, с аэродрома где-то в Европе поднялся и исчез в черном небе тот самый самолет, о котором речь шла раньше. Остается только уточнить, что человек, прыгнувший в люк, был Григорий Окаемов.

Глава вторая

1

Майор Потапов хотел в субботу вернуться домой пораньше, чтобы вместе с женой ехать на дачу. Обещал ей прийти в четверть седьмого, а пришел в девять. На столе он нашел записку:

«Коля! Я не была бы твоей женой, если бы поверила, что ты придешь вовремя. Уехала одна. Звонил Гончаров, сказал, что удочки он захватит. Неужели опять рыбалка? Боюсь, что скоро наш Витька перестанет тебя узнавать.
Жду. Лена».

На дачу Потапов приехал в десять. На ночном столике лежала новая записка:

«Я у Валежниковых. Заболела Ольга Ивановна, кормлю ее ребят. Обед и ужин в кухне. Все остальное на веранде. Приду в одиннадцать. Гончаров тебя ждет, а я уже не жду.
Лена».

Витька уже спал, раскинувшись поперек кровати. Потапов уложил его на подушку — мальчишка недовольно поворчал, но не проснулся.

«К черту рыбалку!» — решил Потапов и прошел на веранду. В качалке лежал сверток с провиантом для рыбалки и коробка с крючками. Под шпагат, которым был перехвачен сверток, засунута еще одна записка:

«Обязательно возьми ватник, под утро у озера будет холодно. Отдыхай получше. Не забудь, что завтра воскресенье и к нам приедут мои предки, которые не видели тебя с прошлого века. Я не сержусь. Целую.

Лена».

«Да, рыбалку, пожалуй, надо отменить», — уже не так твердо, как минуту назад, подумал Потапов и пошел в кухню ужинать.

В открытое кухонное окно доносился смех и отрывистые восклицания: «пас», «беру», «хожу...» Каждую субботу на веранде соседней дачи резались в карты. Как только не надоест им это занятие! По шоссе пронеслась машина; от ее фар в гуще сада метнулись быстрые тени. Где-то далеко-далеко протяжно крикнул паровоз, и донесся, быстро стихнув, мерный рокот прошедшего поезда.

Потапов задумался... Сегодняшний разговор с полковником Астанговым настолько встревожил его, что, возвратясь от полковника в свой кабинет, он забыл обо всем на свете и об обещании жене быть дома пораньше. Почти два часа он мерил шагами кабинет. Полковник говорил с ним в своей обычной манере — резко и насмешливо. «Иные чекисты, — говорил он, — хотели бы уподобиться рыбакам, которые к удилищу прикрепляют звоночек, возлагая таким образом на рыбу обязанность будить их, если они вздремнут. Вы, Потапов, рыболовецкое дело знаете лучше меня, но я убежден, что рыбу надо искать. Нужно искать и изучать заводи, которые рыба любит. И тогда можно обойтись без звоночков...»

Этот неприятный разговор начался с того, что полковник Астангов спросил: «Как дела? Что нового?», а Потапов ответил: «Ничего. Полное затишье». Полковник, при-

щурясь, посмотрел на Потапова и попросил присесть. Потапов понял — сейчас будет нагоняй. Нет, нет, полковник голоса не повысит и прямых жестких слов не скажет, но легче от этого не будет...

Так и было. Полковник рассказал притчу о попе, к которому люди перестали ходить на исповедь, и на этом основании поп решил, что в его пастве больше нет грешников, и сообщил по начальству, что отныне его приход следует именовать раем. Начальство послало ревизию, но пока ревизоры ехали, попа-оптимиста убили разбойники.

— Вы понимаете меня, Потапов? — спросил полковник, продолжая насмешливо щуриться. — Это к вопросу о вашем «полном затишье»...

Весь их разговор сводился к тому, что бдительность для чекистов не оборона, а нападение.

— На-па-де-ни-е! — отдельно произнес полковник и пристукнул по столу ладонью...

Задумавшись, Потапов не замечал, что его друг, старший лейтенант Павел Гончаров, уже давно стоит перед окном кухни. Увидев его, Потапов непроизвольно отшатнулся.

— Нервы, товарищ майор! — смеялся Гончаров. — И сдается мне, что разговор с полковником Астанговым не доставил вам большого удовольствия...

— А ну тебя... шастаешь по саду, как привидение.

— Да у вас все двери настежь, можно всю дачу унести. Ну как, идем?

— Я, пожалуй, не пойду.

— Да ты что — всерьез? Как же можно? Братишка целый день ловил для нас живцов и теперь их на помойку?

— Кого это на помойку? — из-за спины Гончарова неожиданно выглянула жена Потапова.

— Елена Романовна, — обратился к ней Гончаров, — это не вы, случаем, поломали нашу рыбалку?

— Я? И не думала. Я все собрала... Коля, что это с тобой? Ты не заболел?

— Здоров, как всегда.

— Тогда слушайся начальства. На веранде сверток с провиантом. Бери ватник и марш на озеро. Завтра ты мне нужен на весь день, приедут родичи. А сегодня ты все равно до рассвета поспоришь с Гончаровым. Так спорьте лучше не в табачном дыму, а на лоне природы. Словом, марш, и никаких разговоров!..

Друзья шли к озеру молодым сосновым леском, наполненным пряным ароматом хвои. Кругом была разлита такая покойная тишина, что ее не хотелось нарушать разговором.

Над уснувшим озером курился туман. В его белом молоке полоскала свои тонкие ветви склонившаяся над озером ива. Вода вкрадчиво хлюпала под корягой; казалось, там осторожно пошевеливалась огромная рыба.

— Сперва кружки поставим, — тихо сказал Гончаров и вытряхнул из рюкзака целую кучу деревянных дисков.

Они пошли вдоль берега. Потапов нес кружки и ведро с живцами. Пройдя шагов десять, Гончаров брал новый кружок, крепил на крючок живца и исчезал в кустах. Потом они шли дальше. Поставив последний кружок, они вернулись обратно.

— Девятнадцать штук заброшено, не забыть бы, — сказал Гончаров и снова исчез в кустах.

Вскоре он появился с ворохом сучьев и начал ладить костер. Все он делал быстро, умело и с удовольствием. Когда костер разгорелся и его веселое пламя оранжевым бликом расплылось по озеру, Гончаров лег навзничь, подложив под голову сцепленные руки.

— И чего я пошел в чекисты — сам не понимаю, — улыбаясь черному небу в звездах, сказал он. — До двенадцати лет знаешь о чем мечтал? — Он посмотрел на сидевшего перед костром Потапова. — В кино раз увидел, как сибирские охотники белку промышляют, и прямо заболел. Каждый день матери твердил, что в Сибирь уеду. Потом решил: десятилетку кончу и уеду. Потом решил: институт кончу и уеду. Может, я и на педагогический пошел, думая, что

учителя нужны и в Сибири. И вдруг вызывают в райком партии... и — здравствуйте, пожалуйста! — мы мобилизуем вас в органы безопасности. И все мои мечты о сибирской белке полетели в преисподнюю. Вот только на рыбалке душой и отдыхаю... — Гончаров притворно вздохнул.

Потапов молчал. Он продолжал думать о разговоре с полковником Астанговым, и то, что говорил Гончаров, его раздражало. «Сказал бы ты о своей мечте полковнику, — подумал Потапов, — он выдал бы тебе притчу о белочках».

Гончаров, точно подслушав его мысли, спросил:

— Полковник ругался?

— Он никогда не ругается... — неохотно ответил Потапов.

— Знаю. Лучше б уж ругался.

Потапов разговора не продолжал. Гончаров понял, что он о делах говорить не хочет, и больше ни о чем не спрашивал.

Костер догорел, уголья подернулись серой пленкой, и сразу чувствительной стала холодная сырость, которая ползла с озера на берег. Потапов расстелил ватник, и они легли на него, тесно прижавшись друг к другу. Поверх накрылись плащом Гончарова. И тотчас усталость от прожитого дня точно придавила их к земле. Они уснули.

2

Готовясь к операции, Окаемов совершил четырнадцать ночных прыжков с парашютом. Его сбрасывали над лесными массивами. Приземление происходило довольно просто, и Окаемов на чем свет стоит ругал тех, кто насадил эти ровненькие, подстриженные леса, так не похожие на те лесные бурливые океаны, где предстояло ему снизиться там, в Советском Союзе.

...Парашют раскрылся мгновенно. Окаемова потрянуло и во всю длину строп мотнуло воздушным потоком от самолета. Гул моторов быстро затих, и Окаемов погрузился

в глухую темень и тишину. Он посмотрел вниз — глубоко-глубоко, словно на дне темноты, он увидел медленно перемещающуюся цепочку огоньков. «Сбросили точно, — отметил Окаемов. — Железная дорога должна быть именно там»... Далеко виднелось бледное зарево над каким-то большим городом. Окаемов знал — над каким, — именно этот город и был его целью.

Но сейчас он думал о том, что внизу под ним на десятки километров раскинулось косматое море дикого леса, именуемого «Черный бор» — это вам не подстриженный немецкий лесок. Окаемов проверил, крепко ли держатся очки, которые должны предохранить глаза от сучьев. И в это мгновение над самой его головой пронеслись черные тени, его обдало горячим воздухом, замотало, закружило, оглушило ревом и свистом. Окаемов в ужасе съежился, не понимая, что произошло. Напряженный рев через секунду стих и превратился в характерный звук летящих реактивных самолетов. Окаемов все понял и облегченно вздохнул: «Хорошо, что я успел выпрыгнуть». О судьбе своего летчика он даже не подумал.

Снова Окаемова со всех сторон обступила глухая тишина...

Прежде чем увидеть Черный бор, Окаемов его услышал — снизу быстро надвигался ровный шум. Рядом мелькнула, взлетая вверх, острая башня высоченной ели, и тотчас ноги Окаемова погрузились в упругую массу ветвей. Треск ломающихся сучьев. Удар о крепкий сук отбросил Окаемова в сторону, но в это время купол парашюта лег на кроны деревьев — падение замедлилось и прекратилось. Окаемов повис на стропах. Увидев поблизости ствол дерева, он раскачался и ухватился за него. Взобравшись на крепкий сук, Окаемов обрезал стропы и стащил парашют с ветвей. Потом по стволу дерева он осторожно спустился на землю. Прислушался — лес гудел ровно, спокойно, ни одного опасного звука.

И вот Окаемов сделал первый шаг по земле, которую он предал. И земля точно разверзлась под ним. Он кубарем скатился в глубокую яму и на ее дне ударился головой о

камень. Окаемов злобно выругался. Хотел опереться на руку — из-под ладони с писком рванулась шершавая жаба. Окаемов вскочил на ноги и брезгливо вытер руку парашютом. «Спокойно, спокойно, — сказал он себе. — Пригодится нам и эта яма». Он затоптал ногами парашют, присыпал его землей и вынул карту, осветив ее тоненьким лучиком электрического фонарика. «Я примерно здесь», — лучик фонарика, точно игла указки, остановился в центре курчаво-зеленого пятна на карте. «Город с профессором Вольским отсюда — прямо на юг», — лучик света уперся в то место на карте, где неподалеку от излучины морского залива был нарисован большой черный кружок. «Но мы пойдем прямо на север, вот сюда, — лучик подполз туда, где Черный бор сужался и где под острым углом пересекались шоссе и железная дорога. — Место идеальное: близко и шоссе и железная дорога. Тут мы спрячем снаряжение и затем исчезнем. Вперед!..»

Окаемов энергично выбрался из ямы. Вынув из кармана плоский металлический флакон, он сел на землю и жидкостью из флакона смочил подметки сапог. Потом еще раз сверился по компасу и зашагал в густую темень леса.

Он шел, выставив вперед руку, чтобы не наткнуться на деревья. Сперва он довольно часто останавливался и напряженно прислушивался, но мирный шум леса все более успокаивал его, и он останавливался реже и реже. Пройдя километров пять, он попал в полосу дикого бурелома. Деревья, падая, валились друг на друга и теперь лежали вкривь и вкось. Окаемов то и дело натыкался на глыбы земли, вывернутые корневищами сваленных великанов. Ему приходилось то перелезать через полусгнившие, скользкие стволы, то проползать под ними, прижимаясь к мокрой земле, задыхаясь от затхлого воздуха. Спина у него взмокла, соленый пот тек по лицу и щипал глаза. «Вперед! Вперед! Все идет прекрасно».

У самого лица Окаимова метнулось что-то белое и теплое. Он ничком упал на землю и, точно краб — боком,

боком, — отполз в сторону и замер. Сердце билось частыми, судорожными толчками. Озноб страха мгновенно высушил пот. Но то неизвестное прошуршало в ветвях, затихло и вдруг закричало почти человеческим голосом: «Гу-гу-у-у-у!» Окаемов тихо засмеялся — сова, черт бы ее побрал! Он встал и пошел дальше.

Когда в вершинах деревьев чуть проглянул рассвет, Окаемов пришел в намеченное место. На маленькой полянке с надежной приметой — трехствольная ель — он быстро зарыл в землю свое имущество, оставив себе только потрепанный портфель со сменой белья и папкой, набитой чистой бумагой. Последний раз он внимательно рассмотрел карту и затем сжег ее. Лопату и компас он бросил в наполненную водой яму. У этой же ямы он умылся, привел в порядок одежду и быстро зашагал к железной дороге.

Ранним утром со стороны, противоположной лесу, в поселок при станции Лесной вошел рослый человек в сером костюме. Весело помахивая портфелем и насвистывая задорную мелодию, он направился на базар, где уже толпился народ.

На длинные дощатые столы рынка точно радуга легла: ярко-зеленый лук, красные помидоры, оранжевая морковь, желтая репа, синие баклажаны. Пахло свежим сеном и парным молоком. Вдоль столов сновали домохозяйки с непроницаемыми лицами.

Окаемов прямо из горлача выпил молока и закусил теплым ржаным хлебом. Отойдя в сторонку, он присел на бревно и задумался. Появление истребителей, погнавшихся за самолетом, нарушало стройность задуманного плана. Это означало, что его высадка уже раскрыта и с минуты на минуту здесь начнут поиски. Нельзя было и думать о возможности воспользоваться железной дорогой. Сейчас нужно любым способом выбираться отсюда и уходить в любом направлении и как можно дальше, а уже оттуда пробираться в город.

Окаемов вышел с базара на улицу, надеясь подсесть на какую-нибудь попутную машину. Попутной машиной ему была любая — лишь бы она направлялась подальше отсюда.

К базару на мотоцикле подкатил парень в запыленной добела лыжной куртке. Оставив мотоцикл, парень подбежал к базарным столам, одним махом выпил кружку молока и вернулся к машине.

— Куда едем? — приветливо спросил у него Окаемов.

— В.Островск. А что?

— Может, подвезешь? Не обижу.

— Меня и черт не обидит! — Парень засмеялся, завел мотоцикл и крикнул: — Садись! Да держись крепче... — Окаемов быстро уселся на заднее место. — Хошь — за скобу держись, хошь — за меня!

Мотоцикл рванулся с места и, подняв клубы пыли, исчез за поворотом улицы. Окаемов представил себе выученную на память карту местности. «Островск... Островск... — трясясь на жестком сиденье, припоминал он. — Так. Это на северо-запад. Километров пятьдесят. Прекрасно...»

Парень гнал машину на предельной скорости, не думая о своем пассажире, подскакивавшем на каждой ямке.

— Куда так торопишься? — взмолился Окаемов.

— На свадьбу! Дружок мой в Островске женится. Тоже тракторист, — не оборачиваясь, прокричал парень.

Стремительно пролетали мимо кусты, столбы, каруселила всем горизонтом земля, ветер бил в лицо, вызывая в глазах слезы... «Хорошо бы на этом мотоцикле добраться и до города», — подумал Окаемов, и мысль его заработала в этом направлении. Спросить у парня — не довезет ли он до города? Нет, куда там, свадьба дружка ему явно дороже любых денег. Окаемов выглянул из-за плеча парня и увидел, что впереди дорога исчезала в лесном массиве. Мгновенно пришло решение захватить мотоцикл. И хотя в это решение входило убийство парня, об этом Окаемов думал меньше всего. Это подразумевалось само собой — оставлять живого свидетеля нельзя. Окаемов думал о дру-

гом: хватит ли в мотоцикле бензина, чтобы добраться до города? И затем — как поступить с мотоциклом?

- Далеко ты от дома едешь! — прокричал Окаемов в ухо парню. — А как бензина не хватит?

— А шоферы на что? — смеясь, отозвался парень.

Они въехали в лес, и сразу парню пришлось убавить скорость. Развороченная еще с весны лесная дорога была вся в ямах. Стук мотора отдавался в лесу трескучим эхом.

У маленького разбитого мостика парень остановил мотоцикл:

— Слезай. Мост форсируем пёхом.

Окаемов слез и осмотрелся — кругом ни души. Парень взялся за руль и покатил машину через мост. Шедший чуть позади, Окаемов быстро вынул пистолет и выстрелил в голову парня. Пистолет был с глушителем — выстрел прозвучал не громче хлопка в ладоши.

Окаемов подхватил падающего парня, стащил его с дороги и запихнул под мост...

В Островск Окаемов не заехал. Не доезжая до него километра три, он прямо по полям перебрался на другую дорогу, которая пролежала в сторону нужного ему города. Эта дорога была получше, и он дал максимальную скорость.

В середине дня Окаемов въехал в город. На окраине, где трамвай делал круг, он остановился возле почтового отделения, прислонил мотоцикл к стене и зашел в помещение. Несколько минут потолкавшись там, он вышел и, точно забыв, что у него был мотоцикл, перешел через улицу и сел в трамвай, направляющийся в центр города.

3

В ранний утренний час дежурный по управлению, ожидая смены, сидел в кресле, упершись руками в край стола, глаза его были закрыты, но мозг отмечал каждый звук, долетавший из открытого окна. Дежурный слышал рит-

мический шорох метлы по асфальту. «Дворники уже вышли на работу, — подумал он, — скоро смена».

Зазвонил один из телефонов. Дежурный безошибочно схватил нужную трубку.

— Дежурный по управлению слушает!.. Так-так... Минуточку... — Он подвинул лист бумаги, зажал плечом трубку телефона и начал записывать. — Так... так... — В это время зазвонил другой телефон. Дежурный схватил вторую трубку: — Минуточку... — Он торопливо закончил разговор по первому телефону. — Дежурный слушает! Так... так... Все ясно. Поздравляю... Хорошо. Ясно. Спасибо! — Дежурный снял трубку третьего телефона: — Дайте квартиру полковника Астангова... Товарищ полковник, докладывает дежурный по управлению. Только что звонили из района Лесной. Вернувшийся из ночного колхозник сообщил, что примерно в два часа ночи над Черным бором кружился самолет, который затем улетел в западном направлении. И одновременно позвонили из авиации — в семидесяти километрах от Черного бора сбит самолет неизвестной принадлежности. Идет выяснение. По всем данным, с этого самолета был сброшен... Слушаю вас... Так-так-так... — Дежурный снова записывал. — Все ясно. Действую... — Настала очередь четвертого аппарата: — Гараж?... Говорит дежурный. Срочно машину полковника Астангова к нему на квартиру. Дежурную машину на дачу за Потаповым и Гончаровым. На одной ноге!.. Алло! Коммутатор? Заснули?... Следите за соединением! Экспедицию!.. Экспедиция?... Говорит дежурный. Посыльного — ко мне, и приготовьте ему мотоцикл. Быстро!

Оставив на минуту телефоны в покое, дежурный написал записку и вложил ее в конверт. Вошел посыльный.

— Вот это — майору Потапову. Лично. В собственные руки. Знаете его дачу?

— Знаю... не впервой.

— Полковник Астангов предполагает, что Потапов и Гончаров на рыбалке. Озеро знаете?

— Знаю.

— Найдете, в случае чего, там. Быстро!..

Потапов и Гончаров с удочками в руках сидели на берегу уютного заливчика, затемненного густой ивой. Перед ними недвижно лежало тихое, порозовевшее от зари озеро.

— Сейчас самый клев, — шепотом сказал Потапов, поживаясь от утреннего холодка.

Гончаров засмеялся:

— Слышал об этом не раз, убедиться никак не могу. Вся надежда на кружки!

— Не знаю, как бы ты повел себя с белками в Сибири, но к рыбе твой характер не приспособлен. Рыба не терпит неврастеников. Ну что ты поминутно вытаскиваешь удочку?

— Червя проверяю — вдруг сожрали?

— Закинь и замри.

— Есть замереть, товарищ майор.

Минут десять они молча созерцали свои поплавки, но те были неподвижны, как забитые в стену гвозди.

В прозрачной тишине утра послышался приближающийся стрекот мотоцикла. Гончаров прислушался и подмигнул Потапову:

— Пари на месячную зарплату — это за нами.

— Неужто за одно лето нас третий раз с озера снимут? — Потапов положил удочку и поднялся на взгорок.

Мотоцикл вылетел из соснового перелеска и, замедлив ход, катился вдоль озера. Завидев Потапова, мотоциклист прибавил скорости и вихрем домчал к заливчику. Потапов прочитал записку дежурного:

— Сматывай удочки, Павел. Надо ехать в город.

— Машина ждет вас на даче. — Посыльный козырнул, вскочил на седло, круто развернулся и вскоре исчез в сосняке.

С каждой минутой непроизвольно ускоряя шаг, майор Потапов и старший лейтенант Гончаров молча шли к даче, забыв, что, на радость ребятам, они оставили в озере двенадцать запущенных кружков.

Поиск в Черном бору, начавшийся утром, продолжался весь день. Впереди медленно двигались прибывшие из города проводники с собаками. За ними раскинувшейся на километр шеренгой шло более ста человек. Руководивший поиском старший лейтенант Гончаров все время передвигался вдоль цепи. Ему казалось, что поиск ведется небрежно, и только поэтому за целый день не дал никакого результата.

Бор шумел ровно и спокойно, точно хотел обмануть бдительность людей, делая вид, что ничего здесь не случилось — всё, мол, здесь, как сто лет назад, и зря вы там суетитесь, посмотрите, как я спокоен... Гончаров злился. Был он чекистом молодым и еще не успел выработать в себе хотя бы для внешнего вида холодную выдержку.

Первый заметил что-то подозрительное мобилизованный для участия в поиске местный учитель. Он подозревал Гончарова и показал на вершину высокой осины, где среди живой кроны виднелись сломанные сучья с чуть пожухлой листвой.

— Передать по цепи — остановиться! — крикнул Гончаров.

И тотчас одна из собак зарычала, остановившись на краю ямы.

Да, это была та самая яма, некогда вырытая охотниками для волков, в которую после приземления свалился Окаемов.

Гончаров сделал несколько снимков местности, не спускаясь в яму, произвел замер видневшихся на ее дне следов и затем осторожно спустился. Земля под его ногами мягко спружинила. Гончаров копнул носком сапога — и сразу открылся чуть присыпанный землей белый шелк парашюта. Гончаров осторожно извлек скомканный купол, передал его на поверхность и начал тщательно обследовать каждый сантиметр дна ямы. Но больше он ничего найти не

смог, только жаба без устали все кидалась на стенку ямы и скатывалась под ноги Гончарова. Он смотрел на нее с ненавистью: эта образина знает все, что здесь произошло, а я — ничего...

Гончаров выбрался из ямы и приказал проводникам искать след. Собаки снова заметались по лесной чаще, но все они, покружившись, возвращались к яме. Вскоре к Гончарову подошел один из проводников и молча протянул плоский металлический флакон, найденный собакой.

— Хорошо, — кладя флакон в карман, автоматически произнес Гончаров.

Он в эту минуту уже думал о том, что вот, совсем недавно, самой большой радостью казалось ему обнаружение места высадки диверсанта, но вот это место найдено, и вместо радости его мучает ясное понимание того, что самое важное и самое трудное — поиск потайной базы диверсанта — впереди. Попробуй найди ее! Диверсант отсюда мог пойти в направлении любого из триста шестидесяти градусов круга. По опыту Гончаров знал, что база запрятана не меньше, чем в десяти — пятнадцати километрах от места высадки, а уже в пяти километрах отсюда градусы круга разойдутся на сотни метров. А база — это ведь всего-навсего квадратный метр тщательно замаскированной земли, точка в безбрежном бору. И найти эту точку он был обязан.

Гончаров разбил поисковый отряд на четыре группы; они должны были двигаться от ямы в четырех направлениях и затем вернуться сюда, чтобы взять новые направления. И тут только Гончаров заметил, что быстро темнеет. Вести поиск ночью было нелепо. Приказав людям располагаться на ночлег, Гончаров взял парашют и направился к лесной дороге, где его ждала машина. Он решил повидаться с Потаповым, который должен был находиться на ближайшей к бору станции Лесной...

Потапова на станции не оказалось. Дежуривший там сотрудник оперативной группы сказал, что Потапов посз-

дом уехал в город — понадобилось обследовать этот поезд. Обещал к утру вернуться на станцию.

Маленькая, глухая станция казалась совершенно безлюдной. Свет горел только в окнах домика, стоявшего за станцией. Тесный зал для пассажиров тускло освещал установленный над дверью фонарь со свечой.

— Ну и глушь, точно вымерли все. Кто же тут поезда встречает? — спросил Гончаров, садясь на жесткий диван и решив дождаться здесь Потапова.

— Да тут за сутки один поезд проходит, — ответил сотрудник. — Это же дорога не сквозная, ветка к лесозаводу, и всё. Ну а как ваши дела?

— К концу дня нашли место приземления. Теперь предстоит найти иголку в стоге сена, — раздраженно ответил Гончаров.

— Найдем, — уверенно произнес сотрудник.

— «Найдем»! Шапками закидаем! — разозлился Гончаров.

Сотрудник промолчал и через минуту ушел на перрон.

В это время Потапов входил в кабинет полковника Астангова.

— Докладываю — поезд обследован тщательно. Ничего...

— Ничего не нашли, знаю, — перебил его Астангов. — И не могли найти. Интересующая нас личность уже в городе. Вот, читайте...

Потапов прочитал запись двух телефонограмм. В одной сообщалось, что на окраине города, близ сто первого почтового отделения обнаружен оставленный кем-то мотоцикл ижевской марки. В другой говорилось, что в двадцати километрах от Островска колхозный пастух обнаружил в лесу под мостом труп молодого человека, который оказался трактористом из Понизовья.

— Я уже говорил с Понизовьем, — продолжал Астангов. — Тракторист Сергей Любченко на рассвете выехал в Островск на собственном мотоцикле ижевского завода.

Полчаса назад вернулись из Островска люди, которых я туда посылал. Ничего существенного не привезли. Любченко убит выстрелом в затылок. Пастух слышал шум мотоцикла, а выстрела не слышал. В общем, ясно — был субъект сильный, хорошо оснащенный. И не случайно прыгал он под воскресенье — расчет на то, что мы в этот день не работаем. Ясно, что он поставил перед собой задачу — любым способом в течение дня добраться до нашего города. Здесь ему и скрыться легче, город большой... Что там у Гончарова?

— Не знаю. Я его не видел.

— Поезжайте сейчас же на станцию Лесную, найдите Гончарова, пусть продолжает поиск и два раза в сутки звонит мне. Посмотрите, как он там все организовал, и возвращайтесь. Я жду вас не позднее десяти часов утра...

5

Примерно в этот же час Окаемов остановился возле маленького домика на окраинной улочке. Оглянувшись по сторонам, он подошел к воротам дома и взялся за кольцо перекосившейся калитки, над которой висел номерной знак дома: «Первомайская ул., д. № 6, А.П. Гурко».

Хозяйка дома Адалия Петровна Гурко через окно удивленно смотрела на вошедшего во двор незнакомца, который уверенно направился к крыльцу.

Окаемов перешагнул порог и остановился, с улыбкой смотря на Адалию Петровну:

— Не узнаете?

— Простите... нет... — растерянно произнесла она.

— Окаемов. Григорий Максимович Окаемов.

— Григорий Максимович? — вскрикнула Адалия Петровна и, точно испугавшись произнесенных слов, зажала рот рукой.

— Я, я, Адалия Петровна, я — собственной персоной, — добродушно смеялся Окаемов.

Адалия Петровна подошла к нему вплотную, пристально посмотрела в его лицо:

— Не верю... Не может быть... — прошептала она, и вдруг ее глаза округлились: — Он! Он! Григорий Максимович!.. — Она заплакала и уткнулась лицом в плечо Окаева.

О, он прекрасно знал, почему она плачет, и терпеливо ждал, пока она успокоится...

И вот они сидели за столом, друг против друга, и Адалия Петровна не сводила с Окаева восторженных и будто еще не верящих глаз.

— Гляжу, гляжу на вас, Григорий Максимович, и все понять не могу — во сне это происходит или наяву?

— Нет, нет, Адалия Петровна, я не привидение...

— Вы поймите меня. Мой Саня через месяц как уехал на войну прислал письмо, что вы с ним в одной части. А еще через месяц пишет — Окаев погиб при отступлении. А больше писем от него и не было... — Готовая заплакать, Адалия Петровна поднесла к глазам платок.

— Война, Адалия Петровна, война... — Окаев замолчал, тревожно думая о том, что, оказывается, часть его саперов тогда у реки все-таки спаслась. — Лучшие сыны народа погибали первыми. Саней вы можете гордиться. О его храбрости говорил весь батальон. Его любили, и кто остался жив — никогда его не забудет.

— Спасибо, родной, — сквозь слезы бормотала Адалия Петровна. — Каждое слово о Сане — моя единственная утеха... — Успокоившись, Адалия Петровна неловко спросила: — А как же это вы?..

— Как я воскрес? — помог ей Окаев. — Довольно обычная история. Тогда в августе меня тяжело ранило. Фронт откатился. Меня подобрала и спрятали колхозники. Они меня и выходили. Потом — партизанский отряд. Потом — снова армия и с ней поход до Берлина. А там на колонне рейхстага рядом со своей фамилией я написал и имя вашего Сани: сержант Александр Гурко...

— Вы говорите правду? — Глаза Адалии Петровны снова набухли слезами.

— Адалия Петровна, в таких делах...

— Не обижайтесь на меня, дуру. Можно мне вас поцеловать? — Адалия Петровна порывисто обняла Окаемова и поцеловала его в лоб. — Я ведь думала, что о Сане одна я помню...

— Как вам не стыдно!.. — Окаемов выждал приличествующую моменту паузу. — Ну вот... А знаете, кем я стал? Книжки пишу.

— Книжки? Да что вы? Как же это?..

— Война, Адалия Петровна, многих сделала писателями. Мы столько пережили там... на войне. Слишком много пережили. Трудно молчать. Народ должен знать, чего стоит наша победа. Знать и всегда об этом помнить. А книгу, над которой я сейчас начал работать, я хочу посвятить светлой памяти вашего Сани.

— Я прямо не знаю, что и сказать вам... — Адалия Петровна задохнулась от волнения. — Я — мать, потерявшая единственного сына. И вы такой человек, такой человек!..

— Да оставьте вы, ей-богу. Я самый обыкновенный человек, который не забывает дорогих и близких ему людей. И всё. Вот, скажем, я ехал в ваш город собирать материал для книги, а думал: увижу вас, сумею ли сказать вам то, что обязан сказать о вашем славном сыне. И теперь, как камень с души свалился...

— Спасибо, родной. Спасибо от матери... Вы где же остановились? Небось в гостинице?

— Нет. И как раз я хотел спросить вас: не можете ли вы приютить меня на недельку?

— Как вы можете сомневаться!

— Я не хочу жить в гостинице. Мне надо немного — тихий и скромный угол, чтобы спокойно поработать.

— Мой домик, Григорий Максимович, в вашем распоряжении.

— И вы расскажете мне о Сане. Я ведь его детства совсем не знаю. Когда до войны бывал у вас, бегал тут вот такой... с белыми вихрами. И всё.

— Да, бегал... — Адалия Петровна всхлипнула. — И нет его.

— Нет, Адалия Петровна, он... есть! Он живет в сердцах всех, кто его знал. Он будет жить в моей книге.

— Я вам все-все расскажу о нем. Он ведь и в детстве был удивительным мальчиком. Когда умер мой муж, вы в нашем городе уже не жили?

— Да, я уехал раньше.

— В общем, Саня остался без отца пятнадцати лет. Мы вернулись с кладбища, а он говорит мне: «Мама, не волнуйся, теперь о тебе буду заботиться я, и все будет хорошо, вот увидишь». Я ему сказала...

— Адалия Петровна, — осторожно перебил женщину Окаемов, — вы все это расскажете мне последовательно. Мы посвятим этому все вечера. Идет?

— Хорошо, хорошо... Боже мой, что же это я не спрошу вас, — вы небось с дороги не кушали?

— Не откажусь, Адалия Петровна.

— Я сейчас, сейчас.

— Дайте мне пока почитать фронтовые письма Сани. Можно?

— Конечно! Они вот здесь. — Адалия Петровна поставила на стол деревянную шкатулку и ушла на кухню.

Окаемов открыл шкатулку. Сверху в ней лежали паспорт и пенсионная книжка хозяйки дома. Он быстро просмотрел их и с удовлетворением отметил, что штамп прописки в паспорте был точно такой же, как и в его паспортах, изготовленных в Разведывательном центре.

«Все идет прекрасно, — думал он. — И главное, я на первое время уже имею надежную крышу».

Когда Адалия Петровна вернулась, Окаемов читал Санины письма, согнутым пальцем смахивая непрошеные слезы.

На столе была разостлана большая карта города и его окрестностей. Косой луч раннего солнца падал на карту и, отражаясь от ее глянцевой поверхности, слепил глаза склонившимся над картой Астангову и Потапову.

Астангов выпрямился и потер пальцами уставшие от солнца глаза:

— К сожалению, карта не отвечает на вопрос: зачем он сюда прибыл? И чем больше я смотрю на карту, тем больше вижу объектов, которые могут его интересовать. Да, зачем он прибыл? Этот вопрос, пока на него нет ясного ответа, определяет всю суть первого этапа нашей работы.

— Но возможно, что наш город — всего лишь обманный маневр, и он переберется совсем в другое место? — предположил Потапов.

— Не думаю, — помолчав, сказал Астангов. — Раз уж они решились сбрасывать его так далеко от границы, им незачем было рисковать только ради того, чтобы нас обмануть. Их расчет, по-моему, таков: высадка в глубине нашей территории с целью мгновенного приближения к объекту. И к большому городу, где легче спрятаться. Так или иначе, мы обязаны за исходное взять уверенность, что он прибыл именно к нам. Не забывайте, Потапов, что институт Вольского находится в нашем городе, а это для них очень лакомый кусок. Возможно, институт Вольского. — Астангов синим карандашом нарисовал на карте круг, обнявший несколько кварталов города. — Это зона деятельности вашей оперативной группы. Но не забудем и другие объекты. — Астангов сделал на карте еще несколько кругов. — Железнодорожный узел... Военный аэродром... Артиллерийский полигон... Здесь будут работать другие группы. Но институт Вольского — это главное. Убежден. Организуйте самое тщательное наблюдение за институтом и его загородным филиалом. Проведите беседы с людьми Вольского: с его шофером, секретарем, — все должны быть

начеку. Посмотрите его дачу. Установите наблюдение и там. Поговорите с самим Вольским. Он тоже должен быть осведомлен о возникшей угрозе...

Узнав, что Вольский приезжает в институт к одиннадцати часам, Потапов решил повидать его сейчас же, а заодно осмотреть и его дачу.

Дача Вольского находилась на краю поселка, и прямо перед ее воротами начинался сосновый лес. Дача была обнесена высоким, глухим забором, по верху которого тянулась колючая проволока, — это Потапову понравилось. Но совсем не понравилось то, что калитка дачи оказалась распахнутой. Потапов прошел через весь сад до площадки перед домом и здесь увидел Сергея Дмитриевича Вольского. Профессор учил сына ездить на двухколесном велосипеде. Со взмокшей спиной он бегал вслед за вихляющим велосипедом, что-то кричал, ругался, хохотал. Потапов остановился, скрытый кустом георгинов. Ему не хотелось мешать профессору. «Моему еще и трехколесный не под силу», — подумал Потапов о своем сыне и, точно устыдясь этой ненужной мысли, решительно вышел из-за куста.

— Дурачок, ты действуй смелей! Вот так! — Профессор Вольский поставил ногу на педаль велосипеда и хотел уже оттолкнуться, как в это время увидел Потапова. — Вы ко мне?

— Да, профессор. Извините меня, разговор срочный...

Вольский удивленно посмотрел на Потапова и пожал плечами:

— Ну что ж, пройдите на веранду, я только вымою руки...

Потапов поднялся на веранду. В это время сынишка профессора с веселым отчаянием на лице промчался на болтающемся велосипеде мимо веранды и через открытую калитку выехал на улицу. Вынув блокнот, Потапов записал: «Калитка. Мальчик».

— Я слушаю вас. — Профессор Вольский стоял в дверях, недружелюбно рассматривая Потапова, неловко запикивавшего блокнот в карман. — Мы можем разговаривать здесь?

Они сели за круглый стол. Потапов представился, Вольский удивленно поднял брови.

— Возникла необходимость, Сергей Дмитриевич, немедленно усилить вашу охрану, — сухо сказал Потапов.

— По-моему, институт охраняется достаточно хорошо, — сказал Вольский.

— Речь идет и об охране вас лично. И если бы не было для того основания, мы не позволили бы себе вас беспокоить. — Потапова немножко сердило, что профессор слушает его подчеркнуто равнодушно.

— Ну, хорошо, я слушаю вас, — уже чуть любезнее сказал Вольский.

— Мы должны заблаговременно знать о всех ваших передвижениях в течение дня. Пусть об этом звонит нам ваш секретарь. Это — первое. Затем мы просим вас на этот период несколько ограничить свое общение с посторонними людьми. И, во всяком случае, быть постоянно настороже.

Вольский усмехнулся:

— Хорошо. Еще что?

— Пока все, Сергей Дмитриевич.

— И как долго будет длиться этот ваш... период?

— Точно не знаю.

— Черт побери! — искренне вырвалось у Вольского.

Потапов рассмеялся:

— Не надо было вам делать открытий, которые так беспокоят разных господ.

— Ладно, подчиняюсь. Чаю хотите?

— Спасибо. У меня еще пропасть дел. Да и вам пора ехать в институт. Простите за беспокойство. До свидания. — Потапов сошел с веранды и обернулся: — Между прочим, ваш мальчик выехал на улицу. Лучше было бы туда его не пускать. И калитку запирать.

Профессор Вольский промолчал.

Потапов в машине возвращался в город. По сторонам, точно цветная кинолента, разворачивалась пестрая картина

дачного пригорода. Мелькнули прыгающие у сетки волейболисты, дама в пестром халате с полотенцем на плече, велосипедист (не сынишка ли Вольского? Нет...), строй пионеров перед мачтой с флагом, держащиеся за руки девушка и юноша у крыльца, солнце плеснуло пламенем в цветные стекла дачной веранды... Потапов все это видел и не видел. В его мозгу неотступно и тревожно билась одна мысль: где сейчас тот, пока неведомый ему человек, которого он обязан найти?

Глава третья

1

Профессор Вольский проводил депутатский прием в помещении райисполкома. Пришедшие к нему избиратели сидели в коридоре и вели неторопливый разговор о своих делах.

Окаемов сидел у двери первым. Соседкой его была пожилая женщина с орденом «Знак Почета» на лацкане синего бостонового костюма. Она то и дело посматривала на ручные часы и вздыхала. Уже давно в кабинет депутата зашел ветхий, беленький старичок, занимавший очередь перед Окаемовым.

— Что-то дедушка застрял там... — сказал кто-то в очереди.

— Наверно, сложное дело, — отозвалась соседка Окаева. — А наш депутат такой — пока до правды не докопается, дело не оставит. Вот у меня на что уж сложный вопрос был, сам прокурор города допустил несправедливость. Так депутат и до прокурора добрался, подправил его как надо. Специально пришла спасибо ему сказать. Хоть и некогда, а дождусь.

— И я к нему второй раз иду, да только не за тем... — включился в разговор юноша в красной футболке. — Он написал обо мне бумажку в министерство, а там ноль внимания.

— Ох, он не любит этого! — воскликнула женщина. — По моему делу он первый раз прокурору по телефону позвонил. Тот, как полагается, заверил, а потом и пальцем не шевельнул. Я обратно к товарищу Вольскому: так, мол, и так — дело мое ни с места. Так у него даже лицо потемнело. И он такую бумагу прокурору отписал, что тот мигом дело мое решил.

Дверь распахнулась, в коридор вышел провожаемый Вольским седенький старичок.

— Пожалуйста, следующий, — обратился Вольский к очереди.

И вот они сидели друг против друга: Вольский и тот, кто хотел его уничтожить. Но нет, делать этого сегодня Окаемов не собирался — он пришел сюда совсем с другими целями.

Окаемову нужно было любым путем приблизиться к институту Вольского и к нему самому. Разузнав, что Вольский регулярно проводит депутатские приемы, Окаемов решил прежде всего использовать эту возможность. Во время посещения Вольского он рассчитывал либо выкрасть депутатский бланк профессора, либо добиться, чтобы Вольский написал на бланке какую-нибудь записку. Словом, именно бланк Вольского, его личная подпись, его почерк Окаемову очень могли пригодиться...

Вольский извинился перед Окаемовым и набрал телефонный номер:

— Заведующий горсобесом? С вами говорит депутат Верховного Совета Вольский... Здравствуйте. Сейчас к вам с моей запиской придет персональный пенсионер товарищ Сугробов. (Окаемов отметил про себя: «С моей запиской».) Примите его, пожалуйста, без очереди и внимательно выслушайте — ваши люди обидели старика... Ну вот и хорошо. До свидания. — Вольский положил трубку и повернулся к Окаемову: — Я слушаю вас.

Идя на прием к Вольскому, Окаемов до мельчайшей детали продумал, как и о чем будет с ним говорить. Он

решил по возможности уклониться называть свою какую бы то ни было фамилию, но на случай, если это придется сделать, он по старым газетам узнал округ, где баллотировался Вольский, и в списке жильцов одного из домов выбрал себе простую фамилию — Егоров — и запомнил адрес этого Егорова. Если бы Вольский начал проверять, он убедился бы, что такой человек действительно существует. Вдобавок Окаемов придумал хитрый повод для посещения депутата...

Положив сцепленные руки на стол и рассматривая их, Окаемов заговорил со сдержанным волнением и подкупающей искренностью:

— Я человек маленький. Всего-навсего бухгалтер в промартели. Но у маленького человека могут быть большие страдания... Все началось около года назад, когда к нам в артель прибыл новый технорук. Человек этот оказался ловкий, знающий, как делать деньги и для государства и для себя. Сперва все шло нормально и ничего нечестного не делалось. Но затем пошли делишки скверные. И, признаюсь, я не сразу в них разобрался. Все понял только тогда, когда он вручил мне первый подарок — пятьсот рублей. Семья у меня немалая — восемь душ. Мал мала меньше. Старшой в этом году пойдет в десятый класс. Мишкой его зовут. И вот с ним-то и произошла вся драма... — Окаемов вздохнул и продолжал: — Получив первый подарок, получил и второй и третий. Словом, в доме появились небольшие, но деньги. И вот однажды жена пристала ко мне с ножом к горлу — откуда деньги? А я возьми и скажи ей всю правду. А Мишка этот разговор случайно услышал. Вскоре он словил меня с глазу на глаз и говорит: «Я комсомолец и не желаю, чтобы отец у меня был вор. Одно из двух, говорит, или ты пойдешь куда следует и все расскажешь, или я уйду из дому...» Да, легко ему это сказать, а каково мне это сделать? Это же означает суд и тюрьму, и семья останется без кормильца. В общем, сын на прошлой неделе ушел и живет у товарища. Говорят, ищет работу. Я пришел к вам, Сергей Дмитриевич, просить совета — как быть?..

Вольский слушал Окамова несколько растерянno: впервые к нему пришел избиратель с таким неожиданным и сложным делом. Он совершенно не представлял, как можно помочь этому человеку.

— Право, не знаю, что вам и посоветовать, — сказал Вольский. — Я понимаю и вашего сына и понимаю вас. То есть я, конечно, не оправдываю вас...

— Я и сам знаю, что виноват, — вставил Окамов, — и знаю, что наказания мне не избежать. Но семья... четверо одних ребят...

— Вот-вот, именно это... — Вольский подумал и спросил: — Много вы так... заработали?

— Много не много, а тысячи три перепало.

— А если вы эти деньги внесете одновременно с заявлением в прокуратуру?

— Вы думаете? — Окамов в упор смотрел на Вольского с таким выражением лица, будто он напряженно обдумывал это предложение депутата.

— По-моему, это единственный выход. И тогда смогу вам помочь и я. Позвоню прокурору, попрошу его отнестись к этому делу не формально, а по-человечески. Ведь и законники не имеют права не подумать о вашей семье.

— Вот именно. Вы это сделаете? Правда?

— Да, да. Твердо вам обещаю.

Окамов встал:

— Сергей Дмитриевич!.. — Глаза его стали влажными. — Вот чувствовал я, что встречу здесь человека, которому можно сказать все. Огромное вам спасибо. Я еще зайду к вам, как сделаю все по вашему совету. Можно?

— Обязательно. Я прямо при вас и позвоню кому надо.

— До свидания, Сергей Дмитриевич... — Окамов направился к двери и вдруг остановился. — Чуть не забыл. Тут такая еще беда — ушел-то я к вам в рабочее время, могут в артели шум поднять. Не дадите ли мне записочку, что был я у вас на приеме? Очень прошу.

— Это можно. — Вольский придвинул к себе депутатский блокнот и задумался, как писать. — Кому же писать? Директору?

— Да. Председателю промартели имени Первого мая...

— Так... Председателю промартели... имени... Первого... мая, — повторял вслух Вольский, надписывая адрес.

— А знаете, почему я решил идти именно к вам? (Вольский оторвался от записки и слушал Окаимова.) Вспомнил, как вы, выступая перед избирателями, — он и это вычитал в старых газетах, — сказали, что у депутата не может быть дел больших и малых, все — большие!

— Ерунда! — резко произнес Вольский и положил ручку на стол. — Я этого никогда не говорил!

— Как не говорили? Что вы, Сергей Дмитриевич? Я же сам слышал. — Окаимов улыбался.

Но в выражении его лица Вольский видел непонятный испуг.

— Да вот так — не говорил, и всё. Это в газете такую чушь написали! Я говорил совсем другое: что для депутата не может быть разделения избирателей на людей больших и маленьких. Людей — понимаете? — Вольский разозлился. Он вдруг вспомнил эту историю, как ругался с газетой, как редактор обещал поместить поправку и не поместил. Одновременно ему вдруг и этот посетитель показался в чем-то неприятным, а его дело какой-то достоевщиной для бедных. — Вот так... И если у вас там в артели заговорят по поводу вашей отлучки сегодня, пусть мне позвонят по телефону, я скажу все, что надо. Писать не обязательно.

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласился Окаимов. — До свидания.

Окаимов вышел из кабинета злой и растерянный. Идя сюда, он предусмотрел многое, но никак не ожидал, что его план сорвется из-за недобросовестной работы какого-то газетного репортера. Он успокаивал и утешал себя тем, что все же польза от этого визита есть — он повидал и поговорил с человеком, ради которого сюда послан. Это ведь все пригодится.

Окаемов вышел на улицу. У подъезда, сверкая на солнце лаком, стоял темно-синий ЗИМ.

«Наверно, его машина, — решил Окаемов. — Надо проверить».

— Дорогой товарищ, — обратился он к шоферу, — вы, случайно, не с нашим депутатом ездите?

— А что такое? — насторожился шофер.

— Да вот был сейчас у него на приеме. Горе у меня — сына потерял. Велел мне в субботу заявление принести. Что Вольский и что Сергей, это помню, а как по батюшке — не знаю. Спросить не решился. Неудобно, вроде...

— Дмитриевич.

— Вот спасибо, дорогой. Ну да, Дмитриевич. Как выбирал его — помнил, а тут враз вылетело.

— Бывает...

«Так. Машина — его, — думал Окаемов, медленно идя по улице. — Номер десять сорок семь... десять сорок семь. Водителю лет тридцать. У правого глаза маленький шрам. На разговор идет...»

Потапов уже давно имел в виду депутатские приемы Вольского и сейчас торопился в райсовет, чтобы посмотреть, в какой обстановке они проходят и не может ли здесь оказаться удобная щель для врага.

— Товарищ начальник, можно вас на минуточку?

Потапов сделал вид, что ничего не слышит, и обернулся, только открывая дверь райсовета, — его звал сидевший в машине шофер Вольского.

— А, товарищ Ильин! — Потапов вернулся к машине. — Здравствуйте. Что нового?

— Сейчас подходил ко мне гражданин — интересовался отчеством профессора. Сказал, что был у него на приеме насчет пропавшего сына и что ему надо заявление профессору писать.

— Так, так. И давно это было?

— Ну, минут пять как ушел.

— Куда он пошел?

— Вон туда. Откуда как раз вы шли.

— А как он выглядел?

— Да ничего особенного. В сером пиджаке, брюки в сапоги.

— Так... так... — Выработавший в себе привычку запоминать все, что попадает на глаза, Потапов вспомнил, что на перекрестке он только что повстречал рослого человека в сером пиджаке и как раз заметил, что был этот человек в сапогах, но лица человека память не отметила. — Спасибо, товарищ Ильин. Подумаем...

В очереди к Вольскому оставалось четыре человека. Потапов подсел пятым. Примерно через час пришел его черед, и он вошел в кабинет. Увидев его, Вольский нахмурился:

— Ну а вы что будете просить?

— Все то же, Сергей Дмитриевич, — улыбнулся Потапов. — Настороженности.

— Может, поставим сюда часового с винтовкой?

— Пусть лучше часовой этот будет у вас внутри, — сухо сказал Потапов и, помолчав, спросил: — Кто же из интересных людей был у вас на приеме сегодня?

Вольский удивленно поднял брови:

— Ну, батенька мой, додумались. Как всегда, много разного народу. А что такое.

— Да, так... пустяк. Один посетитель выяснял у вашего шофера, как зовут вас по отчеству. Сын у него пропал, что ли?

— Не пропал, а ушел... Странно — здесь он все время обращался ко мне по имени-отчеству.

— Он был в сером пиджаке и в сапогах? — быстро спросил Потапов.

— Да, да.

— Ваш избиратель?

— Да. Бухгалтер из промартели... — Вольский заглянул в блокнот. — Из промартели имени Первого мая.

— А как его фамилия?

— Фамилия? Он не назвал. Не успел назвать. А мне спрашивать было неудобно — он мог подумать не то, что надо. Я должен был написать ему записку, потом передумал.

— Какую записку?

— Что он был у меня на приеме. Он ушел ко мне в рабочее время.

— Он у вас справку просил?

— Да.

— А почему же вы передумали?

— Да так. Разозлился... совсем по другому поводу.

— Можно узнать, по какому?

Вольский рассердился:

— Ну, это уже не имеет никакого отношения к тому, чем вы занимаетесь!

2

Адалия Петровна встретила Окамова неожиданной и страшной новостью:

— Вас тут целый час человек дожидался...

Окамов медленно повернулся к хозяйке дома. Выражение его лица было таким, что она растерялась.

— Не беспокойтесь, дорогой Григорий Максимович, — залепетала она. — Он у вас много времени не отнимет. Это наш сосед. Тут я во всем виновата. Нечаянно сказала ему, что вы пишите, и он хочет рассказать вам что-то очень важное...

Окамов перевел дыхание, облизнул пересохшие губы.

— Адалия Петровна, — заговорил он хриплым от злости голосом, — я бы просил вас и самым решительным образом — не делать мне базарной рекламы! Я же по-русски говорил вам — мне тихий угол для работы нужен! Иначе я бы остановился в гостинице. Мне нужно работать, а не болтать с вашими соседями! Ну как вы могли...

Окамова прервал решительный стук в дверь.

— Это он, — шопотом произнесла Адалич Петровна. Григорий Максимович, родной мой, ну, ругайте меня, ста

рую дуру. Но не гнать же человека. Сосед. Поговорите с ним хоть несколько минут.

Дверь открылась, и в комнату вошел плотный мужчина лет пятидесяти, с желтыми, обкуренными усами.

— Добро пожаловать! — сказал он самому себе и церемонно, в пояс поклонился Окаемову. — Извините, конечно, но не знаю, как вас звать-величать.

— Заходите, заходите. — Окаемов дружески взял вошедшего под руку и провел к столу. — Садитесь.

От прищельца пахло вином, и это несколько успокоило Окаемова. Адалия Петровна на цыпочках вышла из комнаты.

— Благодарствую, опять же не ведаю, как вас звать-величать. А я буду, значит, Горбылев. Кирилл Евгеньевич Горбылев. Соседом прихожусь хозяйке вашей, Адалии Петровне. А до вас дело имею. Можно сказать, секретное дело.

— Слушаю вас, товарищ Горбылев. — Окаемов пристально смотрел на гостя, думая: «А вдруг этот человек подослан чекистами?»

— Вы, значит, писатель и можете прописать в газете про наши безобразия.

— Интересно, какие же это безобразия? — механически спросил Окаемов.

— Какие? Очень простые, товарищ писатель. Они хотят из пальца высасывать проценты и получать за это премиальные, а я им мешаю.

— Ничего не понимаю. Какие проценты? Кто — они?

— Они — это, значит, Пыриков — председатель нашей промартели. А я там, опять же, мастер. Так вот, значит, артель плана не тянет. Тогда Пыриков изобрел, значит, обман — как надуть проценты из ничего, перевыполнить опять же план и загрести премиальные. А я ему мешаю, поскольку я человек честный. Он, значит, принялся меня обхаживать — так, мол, и так, хороший ты мой, подпиши дутую рапортичку, и я тебя не забуду. Ну а я...

— Послушайте, товарищ Горбылев! Я писатель. В газетах не сотрудничаю, и такие факты меня совершенно не интересуют.

— Как так — не интересуют? — Горбылев от удивления даже встал. — Тут же мы имеем чистое жульничество и, опять же, за счет государства. А вам, значит, не интересно? Не пойму — как же это так?

— Очень просто. Я пишу про войну, и мне...

— А это разве, опять же, не война? Только тут враг, значит, внутренний. Может, вы еще не разобрали, в чем тут соль? Так слушайте... Артель за квартал должна дать три тысячи двести штук жестяной посуды по четырем артикулам. Так? А дает, значит, от силы две тысячи с хвостиком. А если взять и один артикул выкинуть, вроде, значит, его и не было...

— Хватит, товарищ Горбылев! Мне это совершенно неинтересно! Понимаете?

— Ну, ладно, — неожиданно согласился Горбылев. — Про бидоны да кастрюли неинтересно. Но он же решил сожрать живого человека! Че-ло-ве-ка! Меня, то есть. Раз я, опять же, на его комбинацию не иду, значит, надо меня вышвырнуть на улицу, и дело с концом. Это вам тоже неинтересно?

— Послушайте, Горбылев! — Окаемов встал. — У меня нет времени слушать ваши истории. Понимаете? Нет времени. Прошу вас — оставьте меня в покое.

— Гоните, значит? — тоскливым голосом спросил Горбылев.

— Понимайте как хотите. До свидания.

Горбылев нахлобучил кепку:

— Эх вы, писатель! Заодно с ворами думаете! — Он махнул рукой и вышел, хлопнув дверью.

Окаемов с трудом подавил озлобление, вызванное этим дурацким визитом, и задумался. Нелепая история! Какой-то Пыриков... артикулы... бидоны... А из-за этой чепухи приют под крышей Адалии Петровны перестает быть надежным. О существовании здесь писателя уже знает этот

тип. Завтра он скажет еще кому-нибудь... Жаль, конечно, но рисковать нельзя — надо уходить. Надо пробираться к базе, взять там все, что нужно, и сменить кожу. А, черт!.. И все испортила эта болтливая баба! Окаемова снова захлестнула злоба.

— Извините меня, Григорий Максимович... — В дверях появилась Адалия Петровна.

— Что ж вас извинять... Вас можно только еще раз просить о том же — не делать мне базарной рекламы, — еле сдерживая себя, сказал Окаемов.

— Никогда и никому! — торжественно произнесла Адалия Петровна.

— Вот и прекрасно! — Окаемов посмотрел на часы. — Через час я уезжаю в Борск. На пару дней. Нужно повидать там однополчанина. Вы уж, если можно, никому мой диван не сдавайте.

— Ах, Григорий Максимович, зачем вы так говорите!

— Ну, хорошо, хорошо, мир, — Окаемов протянул хозяйке руку. — Извините, Адалия Петровна, если я сгоряча сказал что-нибудь резкое. И до свидания.

— Я буду ждать вас, Григорий Максимович.

— Во вторник к вечеру вернусь, бог даст.

3

— Впрочем, хорошо — я согласен. Poiщите этого бухгалтера. Сколько в городе артелей имени Первого мая?

— Одиннадцать.

— Сколько отнимет это времени?

— Думаю, к вечеру управиться.

— Гончаров звонил? Что у него?

— Ничего. Нервничает он, товарищ полковник.

— Я тоже нервничаю... Сколько народу участвует сейчас в поиске?

— Человек двадцать. Остальных пришлось отпустить — людей-то сорвали с работы, думали на два-три дня.

Гончаров сказал, что в воскресенье даст отдых всем. Ведь там многие уже неделю в лесу живут, обросли, как партизаны...

— Но сам-то он спать не ляжет?

— Я думаю, что он спать вообще разучился, товарищ полковник.

— Ну, хорошо. Действуйте...

Побывав в четырех артелях, Потапов начал думать, что полковник Астангов был прав, когда вначале сомневался в необходимости этого поиска. В самом деле, на приеме у Вольского мог быть и подлинный бухгалтер. И если он этого бухгалтера обнаружит, это ровно ничего не даст. А если бухгалтером назвался кто-то другой, то он не окажется в артелях. Только две детали в конце концов склонили Астангова к решению провести поиск: а вдруг диверсант действительно укрылся в артели? И, наконец, почему он расспрашивал шофера об отчестве Вольского? Это подозрительно, и если ни в одной из артелей не окажется бухгалтера, который в минувший четверг был на приеме у Вольского, тогда можно будет сделать не очень твердое заключение, что на приеме у Вольского был тот, которого они ищут...

И вот Потапов еще в одной артели имени Первого мая.

Он прошел в клетушку, на дверях которой значилось: «Председатель Г.Г. Пыриков». В большом зале, в углу которого притулилась директорская клетушка, стоял такой грохот молотков по жести, что Потапов не знал, как ему вести разговор.

— Что у вас? — крикнул ему Пыриков.

Потапов молча протянул директору свое удостоверение. Пыриков судорожно глотнул воздух и мгновенно побледнел.

— Мне нужно поговорить с вашим бухгалтером, — склонившись через стол к самому лицу Пырикова, сказал Потапов.

— Он на бюллетене, — сорвавшимся голосом ответил Пыриков.

— Давно?

— Третий день... Но я все понимаю. Возможно, что нами допущена ошибка. Мы...

— Дайте мне его домашний адрес, — перебил председателя Потапов.

— Сию минуточку! — Пыриков схватил со стола тетрадку, но руки его так тряслись, что он не мог открыть нужную страницу. На лице у него выступил пот. — Вот... Горная улица, дом двадцать, Прохор Анисимович Кучин. — Пыриков встал. — Мне следовать за вами?

— Сначала я поеду к товарищу Кучину, — еле сдерживая улыбку, сказал Потапов и быстро вышел.

Бухгалтер Кучин, оказавшийся совершенно здоровым человеком, рассказал Потапову о темных делишках председателя артели и предупредил, что мастер артели Горбылев уже ходил куда-то жаловаться на председателя. Именно поэтому он и решил «забюллетенить», боясь, что Пыриков заставит его оформить незаконные документы.

— К кому ходил мастер Горбылев?

— Сказал мне: «Иду к одному большому человеку».

— Горбылев сейчас в артели?

— Как — в артели? Пыриков его уволил.

...Домик мастера Горбылева, соседний с домом Адалии Петровны Гурко, утопал в густых кустах сирени — Потапов еле разыскал на нем номерной знак.

На ощупь отыскивая в темных сенях дверь, Потапов услышал, как басовитый женский голос укоризненно сказал:

— Эх ты, старатель. Тебе больше всех надо? Да?

— Молчи, говорю! — отвечал мужской голос. — Не твое, опять же, бабское дело.

— Не мое? А чем я теперь буду тебя кормить? Небось спросишь?

— С голоду не умрем...

Потапов постучал. Пауза, а потом мужской голос:

— Входите. Кто там?

Потапов представился вышедшему ему навстречу Горбылеву. Тот победоносно посмотрел на жену:

— А, видишь? Есть, опять же, правда на земле? Есть! Вы насчет фокусников из нашей артели?

— О фокусниках потом, Кирилл Евгеньевич, а сейчас я хотел бы узнать: вы в минувший четверг не были на приеме у депутата Верховного Совета товарища Вольского?

— В четверг? У депутата? — Горбылев недоуменно посмотрел на Потапова, на жену, и вдруг лицо его помрачнело. — Значит, он еще и депутат?

— Кто?

— Кто-кто! Писатель, что живет у соседки. — Горбылев через окно показал на соседний дом. — Да, был я, опять же, у него, был, а он меня выгнал. Тут и вся песня.

— Погодите, погодите, меня интересует не писатель, а депутат Верховного Совета профессор Вольский. У него вы были?

— Профессор! — усмехнулся Горбылев. — Все они профессора. Приходит к писателю живой человек, говорит, что его хотят сожрать жулики, а писатель того живого человека гонит в шею. Вот я и есть уже съеденный — из артели меня, значит, убрали. Профессор! Тьфу!

— Погодите. Как фамилия этого вашего писателя?

Горбылев махнул рукой:

— А кто его знает. Опять же, и знать не хочу. Ходит под народ — штаны в сапоги, а народа чурается. Профессор...

— Так, так. А у профессора Вольского в Заречном райсовете вы не были?

— Не был. Не удосужился. У писателя был, и то выгнали. Так, значит, и вас наши акулы не интересуют? Или раз акула зовется председателем, так с нее и взятки гладки?

— Не беспокойтесь, Кирилл Евгеньевич. — Потапов вырвал из блокнота листок и записал на нем номер теле

фона. — Позвоните завтра утром по этому телефону, и вас немедленно примут и все, что нужно, сделают. А сейчас, извините, мне надо ехать.

— Сделают? — недоверчиво рассматривая бумажку, спросил Горбылев. — Ну что ж, опять же, посмотрим — увидим.

Потапов вышел на улицу и сел в машину. Шофер завел мотор.

— Погоди-ка, Коля, выключи, дай подумать. — Потапов смотрел прямо перед собой, напрягая память, — какая-то фраза, сказанная Горбылевым во время разговора, чуть царапнула тогда сознание и тут же проскочила мимо, а теперь эта забытая фраза тревожила Потапова, тревожила и что-то обещала. Он стал припоминать весь разговор по порядку. Вспомнилось: «Ходит под народ — штаны в сапоги, а народа чурается».

— Коля, я зайду еще вот в этот дом.

Потапов вылез из машины и пошел к дому Адалии Петровны Гурко, на ходу придумывая повод для оправдания своего визита.

Адалия Петровна во дворе развешивала белье. Увидев вошедшего в калитку Потапова, она решила, что это явился еще один визитер к Окаемому, и решительно вышла ему навстречу.

— Вы к кому? — сердито спросила она.

— Могу я повидать живущего у вас писателя?

— Григория Максимовича?

— Да.

— Вы его знакомый?

— С писателями, можно сказать, знакомы все его читатели, — приветливо улыбнулся Потапов.

— Он уехал, — помолчав, недружелюбно произнесла Адалия Петровна.

— Когда?

— Вчера.

— А куда?

— А для чего вам знать? Уехал, и всё. — Адалия Петровна демонстративно вернулась к тазу с бельем.

Но именно это ее нежелание сказать, куда уехал писатель, показалось Потапову подозрительным, и он попросил Адалию Петровну пройти в дом.

— Нам нужно поговорить...

Сначала разговор у них не ладился, но постепенно вопросы Потапова и ответы женщины начали прояснять довольно странную историю.

— Итак, его фамилия Окаемов? Григорий Максимович Окаемов? Что-то я такого писателя не знаю. Одну минутку, простите... — Потапов подошел к окну на улицу и позвал шофера: — Коля, мигом слетай в Союз писателей и пусть по всесоюзному списку проверят, есть ли такой писатель — Окаемов Григорий Максимович? Запиши. Только мигом! И возвращайся сюда... Так, Адалия Петровна. И вы давно его знаете?

— Что он — писатель, я узнала, только когда он теперь ко мне приехал. До войны был инженером-строителем. Он пишет сейчас книгу о моем погибшем на войне сыне.

— Они были знакомы?

— Вместе воевали... — Адалия Петровна рассказала всю историю знакомства их семьи с Окаемовым, и как он, воскреснув, появился теперь в ее вдовьем доме.

— Когда он к вам приехал? — спросил Потапов и замер, ожидая ответа.

— В позапрошлом воскресенье, — твердо ответила женщина.

— Утром? Вечером? — быстро спросил Потапов.

— Под вечер.

— Так... — Потапова от волнения зазнобило.

В это время в окне показался шофер Коля:

— Вот, товарищ майор. Говорят, что такого не было и нет.

— Конечно, нет и не могло быть, — рассеянно сказал Потапов, даже не посмотрев в сторону шофера.

Адалия Петровна еще ничего толком не понимала, но уже чувствовала — случилось что-то тревожное.

— Не волнуйтесь, Адалия Петровна, — успокаивал ее Потапов, сам волновавшийся оттого, что теперь он был почти уверен в беспокоившей его мысли. — Значит, он уехал вчера?

— Да, да... Сказал: «Еду на пару дней в Борск пови-
дать однополчанина». С ним что-нибудь случилось? Или он...

— Успокойтесь. Скажите, когда он жил у вас, он больше бывал дома?

— Да, больше дома сидел. Газеты читал. Писал.

— Никаких своих вещей или бумаг он, конечно, не оставил?

— Даже газеты и те взял с собой.

— А какие у него были вещи?

— Все что на нем и портфель. Больше ничего. Он говорил, что вещи его идут багажом из Ленинграда.

— Ясно. Опишите мне его внешность.

— Боже мой, ну как это сделать? Я не умею...

— В чем он был одет?

— Господи, дай памяти. Значит, пиджак... серый. Брюки в сапоги. Украинская рубашка, такая... с тесемочками на вороте...

— Ясно. А какое у него лицо, глаза, волосы?

— Ой! — Адалия Петровна вскочила, сбегала в соседнюю комнату и вернулась с пухлым семейным альбомом. — Тут есть его фото. Мой муж и он. Они сфотографировались когда-то. На курорте, где и познакомились. Еще до войны. Вот...

Потапов впился взглядом в фотографию. Адалия Петровна хотела пояснить, кто на фотографии Окаемов, а кто — ее муж, но Потапов остановил ее.

— Окаемов вот этот? — прервавшимся от волнения голосом спросил он.

Фотография точно подсказала его памяти лицо того человека, которого он встретил на перекрестке, идя посмотреть, как проводит прием Вольский...

— Да, это он.

— По сравнению с этой фотографией он изменился сильно?

— Нет. Только седина в волосах появилась.

Потапов справился с волнением и встал:

— Ну вот и всё, Адалия Петровна. Я возьму у вас до завтра эту фотографию. Утром вы получите ее в полной сохранности.

— Пожалуйста, пожалуйста... Но что все-таки случилось?

Обдумывая ответ, Потапов пристально смотрел на встревоженную женщину. И он решил сказать ей все.

— Как это вам не будет обидно, Адалия Петровна, вы должны знать, что приютили у себя в доме опасного человека. И, конечно, он никакой не писатель и не друг вашего сына. Он хитро и подло обманул вас, спекулируя на вашем материнском чувстве. Ему нужен был ваш дом, чтобы на время скрыться. И всё...

Адалия Петровна выслушала это с окаменевшим лицом. Ее устремленный мимо Потапова взгляд выражал недоумение и страдание.

— Зачем? Боже мой... Я же мать... — тихо произнесла она.

— Для таких людей, Адалия Петровна, ничего святого не существует.

— Что же теперь делать? — растерянно спросила Адалия Петровна, и вдруг в глазах ее вспыхнул гнев. — Он же должен вернуться.

— Это, Адалия Петровна, исключено. Сюда он не вернется. Ну а если вернется, ваш долг, ваша обязанность и виду не показывать, что вы что-то знаете. А все необходимые меры примем мы. И вообще прошу вас: никому ни слова о том, что я у вас был и обо всем, что вы сегодня узнали.

— Конечно, конечно...

Глава четвертая

1

Полковник Астангов проводил совещание с оперативной группой Потапова. Все сидели вокруг большого стола, перед каждым — лист бумаги. Можно было подумать, что эти люди находятся на тихом и спокойном учебном занятии. Между тем здесь происходил разбор боевой операции, которая была далеко не закончена, и каждый все время помнил, что враг ускользнул и где он теперь, в эту минуту — неизвестно. Весь смысл совещания сводится к одному: как опередить врага и нанести ему удар раньше, чем он сможет совершить свое злодеяние?

Вольский и его шофер на фотографии, взятой Потаповым у Адалии Петровны, уверенно узнали того человека, который приходил на прием. В общем, Потапов был уверен, что Окаемов и есть тот человек, которого сбросили над Черным бором и которого он обязан найти. И его раздражало, что полковник Астангов до сих пор придерживается, как он говорит, «двух версий при возможности и третьей». Вот и сейчас полковник снова заговорил об этом...

— Проанализируем, товарищи, первую из этих версий, для нас самую удобную. — Полковник даже не взглянул на Потапова, но все поняли, что подчеркнуто сказанное им слово «удобную» адресовано именно ему. — По этой версии, сброшенный в Черном бору человек является убийцей тракториста Любченко и жильцом Гурко. И что он же был на приеме у Вольского и пытался добыть его именной бланк. И что он же затем, испуганный посещением мастера Горбылева, скрылся. И что его фамилия Окаемов. И что он тот же Окаемов, который в сорок первом году был взят в действующую армию и числится убитым.

— Так это и есть, — тихо сказал Потапов.

— Возможно, возможно, — миролюбиво согласился Астангов. — Подчеркиваю — возможно. Но разве вы имеете

одно хотя бы косвенное доказательство, что сброшенный в Черном бору диверсант и Окаемов это одно и то же лицо?

— А то, что Окаемов появился у Гурко в то же воскресенье, когда был сброшен диверсант! — горячась, ответил Потапов. — Наконец, мотоцикл тракториста, оказавшийся в городе в то же воскресенье!

Слушая Потапова, Астангов согласно кивал головой, а потом сказал:

— А давайте-ка представим себе такую ситуацию: вражеской разведкой задумана диверсия против института Вольского. Как мы понимаем, этот объект для них крайне важен. И как мы знаем, именно здесь они уже имели скандальный провал. И вот теперь они решили успех диверсии застраховать всеми возможными способами. Послан, например, не один исполнитель, а два, три. И сброшенный в Черном бору — это один из них, а Окаемов — второй. И прибыли они в наш город разными путями, но в одно назначенное им время. Вы можете, Потапов, опровергнуть эту версию?

Потапов улыбнулся:

— Конечно, нет. Но с таким же успехом можно предположить, что в город прибыли двадцать исполнителей.

— Это не опровержение. Двадцать — абсурд! А два, три — вариант допустимый. А разве не могли они сбросить в Черный бор не одного, а двух или даже трех человек?

— Парашют-то найден один, — заметил Гончаров.

— Знаю, товарищ Гончаров. А может, второй и третий парашюты вы не смогли найти, как не нашли еще и потайной базы? Разве такое предположение не имеет основания?

Гончаров опустил голову и мгновенно покраснел. Вызванный на этот разбор из Лесного, он уже давно ждал укора полковника за безрезультатный поиск базы. И вот получил, сам нарвался...

— Нет, товарищи, — продолжал Астангов, — мы попросту не имеем права все сводить к одной гипотезе и не предусмотреть всего, что должно предусмотреть... Вот вам,

например, еще одна версия — сброшенный или сброшенные в Черном бору действует или действуют сами по себе, а Окаемов — сам по себе, и друг с другом они не связаны. Разве не может быть и такой ситуации?

— Это маловероятно, если они выпущены из одной берлоги, — смущаясь, сказал молодой сотрудник Кудрявцев из группы Потапова. — Вы же сами сказали, товарищ полковник, что им надо застраховать успех, а это значит: двое их или больше — все они должны действовать организованно.

— По логике это так, согласен. Ну а что, если берлоги разные? Разве институт Вольского может беспокоить только одну берлогу? А кроме всего, может быть, и так: к нам в город прибыли, скажем, два исполнителя, один из них занимается институтом Вольского, а другой... ну, артиллерийским полигоном. Мы обязаны подумать и о такой гипотезе...

Астангов очень любил такие разборы операций. Он понимал важное значение их для всех сотрудников. Ведя этот разбор, он, конечно, прекрасно знал, что «потаповская версия» — самая надежная и больше других определившаяся самым ходом уже совершившихся событий, но он неумоимо предлагал все новые и новые гипотезы, высказывал сомнения, задавал вопросы, ибо знал, что в этом споре кристаллизуется и оттачивается мысль людей и они приучаются строить свои предположения на основании наиболее точных, тщательно отобранных данных. Наконец целиком и безоговорочно стать на позицию Потапова полковник Астангов просто не имел права, ибо он отвечал за охрану от возможной диверсии не только института Вольского и был обязан предусмотреть любой шаг врага.

Потапов, в свою очередь, прекрасно понимал полковника Астангова, понимал его сомнения и версии его не мог считать безосновательными. Сейчас его беспокоило другое — накануне полковник сказал ему, что собирается забрать у него двух сотрудников для укрепления другой оперативной группы, а вот с этим он никак не мог согласиться.

Перехватив взгляд полковника, Потапов сказал:

— А не может получиться так: мы займемся разработкой нескольких версий, распылим на это силы и упустим то, что уже довольно ясно обозначилось? Я имею в виду реального Окамова.

— Я обязан думать о всех версиях, — сухо ответил Астангов. — Что же касается вашей группы, то, пожалуй, вашей целью следует оставить только Окамова. И брать у вас людей я передумал.

Потапов не удержался — у него вырвался шумный вздох облегчения. Астангов засмеялся:

— Гора с плеч?

Заулыбались и все сидевшие за столом. Только Гончаров продолжал сидеть, опустив голову.

— Но вернемся к версии с Окамовым. Ваши соображения, Потапов! — Астангов пододвинул к себе бумагу.

— Итак, этап первый — высадка, — уверенно заговорил Потапов. — Отмечаем известные нам данные по этому этапу. Время высадки. Это мы знаем более или менее точно. Далее — место высадки. Знаем. Это нам Гончаров нашел. Отмечаем первый случай такого далекого от границы заброса. Учитывая судьбу самолета, вряд ли они сделают такое второй раз. Цель такого глубокого заброса была одна — чтобы в течение воскресенья достигнуть города, в котором находится институт Вольского. Все во имя этого, вплоть до убийства владельца мотоцикла. Убийство совершено оружием с глушителем. База упрятана хорошо. Словом, по первому этапу событий мы можем судить, что враг достаточно опытен, смел и предприимчив. Чего мы не знаем? Где он оборудовал базу. Но поиск базы продолжается... Этап второй — Окамов в городе. Появление его у Гурко...

— Как вы расцениваете то, что он явился под своей настоящей фамилией? — перебил Потапова полковник.

— Я считаю это его серьезной ошибкой, — ответил Потапов, — ведь речь идет о раскрытии не только фамилии, но и внешности.

— Я думаю иначе, — сказал полковник Астангов. — Такой опытный диверсант не мог не знать, к чему ведет раскрытие фамилии. Вспомните, какую хитрейшую отмычку придумал он к сердцу Гурко. Абсолютно безошибочный и тонкий ход! И вдруг он же не продумал шага с фамилией. Невероятно. Нет, товарищи, он жертвовал раскрытием фамилии ради приобретения надежной явки на первое, самое трудное для него время. Все это рассчитано с начала до конца, и со всех точек зрения нам лучше думать именно так, а не обольщать себя его ошибками... Продолжайте, Потапов.

Потапов помолчал, обдумывая то, что сказал Астангов, и продолжал:

— И все же на этом этапе им допущены бесспорные ошибки. Сознание этих ошибок, очевидно, и заставило его исчезнуть столь поспешно. Теперь я хочу изложить план дальнейших действий своей оперативной группы...

— Подождите минуточку, — снова перебил Потапова полковник. — Мне хочется обратить ваше внимание на две поучительные детали в ходе операции. Случай ли помог нам найти мастера Горбылева и Адалию Петровну Гурко? Нет, товарищи, и здесь я должен отдать должное майору Потапову. Это он настоял на проверке артелей и наткнулся на Горбылева. И дальше он проявил подлинно чекистское внимание к мелочам. Он помнил, что шофер Вольского о костюме расспрашиваемого его человека сказал: «брюки в сапоги» и не пропустил мимо ушей эту же фразу в рассказе Горбылева. Видите? То, что могло бы показаться случайностью, на самом деле явилось результатом умной работы. Запомните это, товарищи!

Потапову, конечно, было приятно услышать это, но он с нетерпением ждал, когда полковник заговорит не о прошлом, а о будущем. Ведь пока они ведут этот разговор, Окаемов действует, и его надо искать каждый час, каждую минуту. Точно угадав нетерпение Потапова, полковник Астангов сказал:

— Здесь мы подводим черту под сделанным и займемся тем, что нам предстоит. А предстоит, я уверен, самое трудное... Прошу вас, Потапов, доложите ваш план.

В обсуждении плана приняли участие все кроме Астангова и Гончарова. Полковник слушал, что говорили другие, делал какие-то записи и незаметно посматривал на мрачного Гончарова, который, казалось, вообще ничего не слышал.

— План хороший, — сказал наконец Астангов. — Были и толковые замечания товарищей.

Он замолчал, и Потапов с тревогой заметил, что на лице полковника появилось выражение, с каким он обычно говорит колкости.

— Жаль только, что мы не можем согласовать этого плана с Окаемовым, а он как раз может нарушить его стройность. В плане, иными словами, я вижу один существенный недостаток — при всей своей обстоятельности в нем не выделено то главное, чем мы должны заняться завтра... Нет, не завтра, а сегодня... — Астангов посмотрел на часы. — Товарищ Гончаров, меня тревожит ваше настроение. (Гончаров вздрогнул и хотел встать.) Сидите, сидите. Дело в том, что ваш участок, товарищ Гончаров, сегодня, именно сегодня, главный. Вам не удалось отменить отдых поисковой группы на воскресенье?

— Полностью не удалось: мне поздно сообщили ваше приказание. Но человек двадцать будут работать.

— Двадцать... — Полковник помолчал. — Вот что, Потапов: сейчас же вместе со всей своей группой поезжайте в Черный бор. Дело в том, товарищи, что, по всем объективным данным, Окаемов сейчас бросится к своей базе. Плохо, что сейчас лето — оно дает Окамову возможность существовать без кровли и маневрировать временем. Словом, или теперь же, или немного переждав, он пойдет к своей базе, и поэтому Черный бор сейчас для нас самый главный объект. Это бесспорно, и это следовало подчеркнуть в плане операции. Мы же помним, что у Окамова с

собой был только портфель с бумагами. Это значит, что без того, чтобы воспользоваться базой, он обойтись не может.

— Снимем наблюдение и за институтом? — встревоженно спросил Потапов.

— Эти дни за институтом посмотрит группа капитана Орлова. — Астангов усмехнулся: — Надеюсь, вас это не обидит? Товарищ Гончаров, карта Черного бора у вас с собой?

— Всегда.

— Тогда сделаем так: все кроме Потапова и Гончарова свободны. Час на сборы...

Когда сотрудники опергруппы вышли, Астангов взял у Гончарова карту и расстелил ее на столе:

— Давайте продумаем, как перекрыть все подходы к Черному бору. Ваши предложения, товарищ Гончаров.

2

Окаемов, считая, что из тревожной ситуации он вышел вовремя, действовал довольно смело. Несколько дней после ухода от Гурко он прожил в дачной местности, ночуя под открытым небом, затем вернулся в город, купил на вокзале билет до станции, следующей после Лесной, и сел в поезд. Он решил, что безопаснее всего добраться до Черного бора именно поездом, в котором всегда едет много народу.

В поезде ему сразу же повезло — он оказался в вагоне, в котором ехала бригада эстрадных артистов. Окаемов мгновенно сообразил, что эта веселая компания может ему пригодиться, и уселся среди артистов. В два счета он перезнакомился со всей бригадой, подкупив артистов своим наивным восторгом по поводу того, что он первый раз в жизни разговаривает с артистами. Еще одна удача — выяснилось, что артисты едут с концертом на станцию Лесную. Почтенная эстрадная дама, жизнь которой началась явно на заре нашего века, заводя глаза под лоб, пояснила Окаемову, что она — иллюзионный номер.

— Что это значит? — с детской заинтересованностью спросил Окаемов.

— Я могу сделать все, что захочу, — игриво ответила дама.

— Как же это так?

— Аппаратура... — таинственно произнесла дама и показала на задвинутый под лавку объемистый, обшарпанный чемодан.

«Пригодится эта аппаратура и мне», — заметил про себя Окаемов и заговорил с руководителем бригады — маленьким ушастым человечком в кожаной курточке на молнии. Узнав, что Окаемов едет до станции Лесной, ушастый человечек доверительно взял Окамова за руку и, воровато оглянувшись, быстро произнес:

— Можем обслужить.

— Как — обслужить? — не понял Окаемов.

— Отлично. Вы в каком учреждении работаете?

— В школе, — без запинки ответил Окаемов.

— Прелестно! — пискнул человечек. — Школьный коридор — это же изумительная площадка! Парты выносятся в коридор, и публика сидит, как на уроке. Хе-хе-хе! Вы, как только приедете, шепните своим людям — есть, мол, концерт. Отличный, веселый эстрадный концерт. Билеты по десяти целковых — дешевле пареной репы. Получите свою сотнягу. Понимаете? Искать нас надо в клубе поселка Лесного. У нас там плановый концерт. А вам мы дадим гала-представление из трех отделений. А после концерта посидим, песни попоем... — Ушастый человечек потер ручками. — Понимаете?

Окаемов рассмеялся:

— Вон как это делается. Ну что ж, я непременно скажу. Искать вас, значит, в клубе? Прекрасно... — Окаемов мгновенно сообразил, как он в дальнейшем поступит. — А можно мне посмотреть ваш концерт? Я же должен знать, что буду предлагать. Верно?

— О чем разговор? — подпрыгнул ушастый. — Вы наш почетный гость, и точка. Не волнуйтесь — концерт первый сорт!..

Рядом с железной дорогой стелилось шоссе. Поезд то и дело обгонял разукрашенные лентами повозки и грузовики с празднично одетыми людьми. В открытые окна вагона влетали песни, переливы гармошек. В этот день в деревнях отмечался старинный народный праздник в честь прихода лета. У Окамова был расчет и на это — чем больше народа на дорогах и тропках, тем легче ему будет прятаться. У артистов эстрады на этот праздник был свой, узко-профессиональный взгляд. Дама-Иллюзион, проводив жадным взглядом вереницу переполненных людьми грузовиков, всплеснула пухлыми руками:

— Что делается? В такой праздник ехать с одним плановым концертом. Это же безобразие! — Говоря это, она презрительно смотрела на ушастого человечка.

Тот, видимо, чувствовал себя виноватым и, точно отмахиваясь от взгляда дамы, вертел ушастой головой...

Поезд подходил к станции Лесной. Артисты с чемоданами толпились у выхода. Среди них был и Окамов. Он держал в руках тяжеленный чемодан дамы-Иллюзион, которая стояла рядом, многозначительно заглядывая в глаза Окамову.

На перроне артистов встретил заведующий клубом, который повел их, минуя вокзал, в поселок.

3

На станции Лесной, кроме артистов, никто не сошел. Гончаров подождал, пока ушел поезд, и на машине поехал к Потапову, который ждал его в избушке лесника на окраине Черного бора.

Потапов встретил его у поворота дороги к бору. Они отпустили машину и присели на лугу под шатром могучего дуба.

— Ну что?

— Ничего. Концерт приехал.

— Что еще за концерт?

— Бригада эстрадников. Сегодня в Лесном концерт.

— Понимаешь, Павел... — Потапов положил руку на колено Гончарова, — мне нынешние сутки кажутся самыми ответственными. А завтра, когда в бору снова будет действовать твоя поисковая группа, нам будет полегче.

— А я, как на зло, поисковую группу ослабил именно в этот день, — огорченно сказал Гончаров. — Полковник мне этого не простит...

— Ну что ж, люди должны были отдохнуть. — Потапов вынул из кармана карту Черного бора и расстелил ее на коленях. — А здесь подхода к Черному бору нет? — Он показал на зеленый мыс лесного массива с восточной стороны бора.

— Я же говорил: тут почти непроходимые болота. Местные охотники и те обходят это место. А потом, вот тут начинаются лесные разработки лесозавода, где всегда есть люди, которые мной предупреждены. Ты что, не веришь мне, что ли?

Потапов посмотрел на друга:

— Зря нервничаешь, Павел.

— Спокойным мне быть не с чего. Я же знаю, что думает Астангов о моем поиске: доверил, мол, шляпе ответственное дело...

— Полковник отлично понимает всю трудность поиска в таком лесу. Оставим это, Павел... Меня волнует совсем другое. Вот мы расставим посты вокруг бора. Считаем, что подходы к нему перекрыты. А ведь от поста до поста пролеты вон какие большие. Вот тут, например, километров пять — не меньше. А Окаемов не дурак — он может нащупать наши посты и пройти между ними.

— А что, если посты всё время будут находиться в движении? — предложил Гончаров.

— Я уже думал об этом. Есть серьезное «но». Тогда Окаемову легче будет обнаружить посты. Прислушается, отметит проход поста, выждет и войдет в лес.

— Я лично все время буду в движении.

— Кстати, о твоём участке. Все данные говорят, что после высадки Окаемов выходил из Черного бора в направлении на поселок Лесной. Мотоциклиста жители поселка видели, когда он утром въезжал в поселок и был один. И потом, Окаемову заблудиться в таком лесу так же легко, как и нам. В общем, если он пойдет к базе, то сделает все, чтобы пойти тем же путем, каким он уже один раз прошел. Вот я и думаю, что поселок и станция — самая ответственная зона. Смотри, Павел, в оба. Из всей группы я поставил сюда тебя, потому что полагаюсь на тебя, как на самого себя...

Гончаров благодарно посмотрел на друга...

Солнце быстро опускалось за темную громаду бора, из которого уже выползали синие тени, постепенно заливавшие равнину луга перед лесом. Точно приняв вахту от умолкших в лесу птиц, в лугах заскрипел одинокий коростель.

Друзья еще несколько минут посидели молча. Потапов встал:

— Пора, Павел... Желаю тебе успеха. — Он за руку притянул к себе Гончарова и неловко обнял. — Всего...

В клубе уже шли приготовления к концерту. Артисты распаковывали свои чемоданы, развешивая по стенам уборных яркие костюмы. Завклубом сам сидел в кассе, радуясь бойкой распродаже билетов.

Окаемов подошел к руководителю бригады артистов:

— Вот что я решил: чем сидеть мне сложа руки, пойду-ка и договорюсь, с кем надо, о вашем концерте в школе.

— Дело! — Ушастый человечек потер руки. — Только никому, конечно, об этом ни слова. Дело-то левое, понимаете? О концерте должны знать я, вы и тот человек, который дает помещение.

— Понимаю. Можете не беспокоиться...

Окаемов вышел из клуба черным ходом, пробрался в глубь сада и прилег в густом малиннике.

Завклубом, продав все билеты, радостный прибежал за кулисы:

— Полный сбор! Можно начинать!

— Где мы — там всегда полный сбор! — важно сказал ушастый.

— А вы, я вижу, не все в сборе?

— Как — не все? — Ушастый всмотрелся в толпившихся у сцены артистов. — Все, как один. А? — Он наконец догадался, о ком спрашивает завклубом. — Он не выступает. Просто так приехал с нами, воздухом подышать...

Концерт начался в девять часов. Завклубом провел Гончарова в зал, и они стали у дверей. Выступала певица. Прижав руки к груди, она томно пела о свидании с любимым, о луне, о звездах... Гончаров просто не мог это слушать.

— Посторонних среди них нет? — раздраженно спросил он у завклубом.

— Где? — не понял завклубом.

— Среди артистов.

— А? — Завклубом засмеялся: — Одна бражка. Я их уже не первый раз приглашаю...

Не дослушав песни, Гончаров вышел из клуба.

Поселок был погружен в тишину и глухую темень. Бархатное, в звездах небо недвижно раскинулось над уснувшей землей; только Млечный Путь медленно струился через все небо, ссыпая белую пыль на темную гряду леса.

— И ночь, как назло, безлунная, — вслух произнес Гончаров и, держась поближе к домам, пошел на станцию.

Дежуривший на станции сотрудник внезапно возник перед Гончаровым из темноты.

— Пост четырнадцать на месте, — тихо сказал он и пошел рядом с Гончаровым. — Все спокойно. Только парочка влюбленных проследовала.

— Влюбленные? — подозрительно спросил Гончаров.

— Точно, товарищ старший лейтенант. Паренек лет семнадцати и девушка под стать. Про звезды рассуждали. Она себе звезду на всю жизнь выбирала — прямо смех...

— Куда они пошли?

— Вон туда, за водокачку...

Гончаров решил проверить. За водокачкой тропинка перебегала канаву и поднималась на небольшой холм, увенчанный сосной. Оттуда слышались голоса.

Паренек и девушка сидели на корневище сосны, прислонясь к ее стволу. Гончаров притаился в нескольких шагах от них.

— А ты не забудешь меня? — спросила девушка. — Девушек-то на целину вон сколько поехало!..

— Надя, не надо т-так говорить, — чуть заикаясь, сказал паренек.

— Если станешь забывать, — помолчав, сказала девушка, — посмотри на мою звезду. И я буду каждый вечер смотреть на нее. Ладно?

— Л-ладно. Ты лучше скажи: приедешь?

— Я-то приеду. Выпускные экзамены сдам и диплом ждать не буду. Туда пускай присылают.

— А как м-мать не пустит?

— Она уже перекипела. Сегодня говорит: примерь-ка мои валенки, там небось стужа лютая.

— В-верно? Так и сказала?

— Ага... В кино завтра пойдем?

— Н-не могу, Наденька. Завтра опять на поиск в бор уйдем.

Гончаров улыбнулся — он вспомнил этого паренька. Дня три назад он в бору подошел к Гончарову и, заикаясь, спросил: «А н-не-льзя достать нам миноискатели, что на войне были? Они же под землю видят...»

Гончаров бесшумно спустился с холма и пошел дальше вдоль железной дороги, постепенно углубляясь в прилегавший к лесу кустарник...

Окаемов вернулся в клуб, когда концерт уже подходил к концу.

— Все в полном порядке, — сказал он ушастому. Провести концерт можно завтра. Но не в школе, а на лесозаводе. Это отсюда километров пять. Можете?

— На лесозаводе? — Ушастый удивленно поднял узенькие плечики. — Там же негде выступать. Я эту точку знаю.

— Когда вы были там последний раз?

— В майские праздники. Я вел переговоры с директором завода.

— Эх, вы! — засмеялся Окаемов. — Там уже готов летний клуб на пятьсот человек.

— Пятьсот?.. — Ушастый подпрыгнул. — Красота!

— Договариваемся так: завтра в двенадцать приходите на станцию, я познакомлю вас с представителем завода. Ясно?

— Вполне. Завтра в двенадцать.

— А сейчас я пойду спать к приятелю. Что-то голова разболелась.

— А мы же собирались после концерта... того... — Ушастый щелкнул себе по горлу.

— Не могу. Итак, завтра в двенадцать. Пока...

4

Окаемов догадывался, конечно, что Черный бор еще находится под наблюдением. Его одинаково страшило и это и предположение, что его тайник обнаружен, ликвидирован и что там его ждет засада. Он подбирался к лесу с максимальной осторожностью. Прежде чем переползти через железнодорожный путь, он около часа пролежал за насыпью. Достигнув полосы кустарника, он продолжал ползти и встал на ноги, только когда до леса оставалось не больше пяти шагов.

Темный, ровно гудящий лес обступил Окаемова со всех сторон. В первые минуты деревья казались ему живыми существами, шагающими по его следам, и он поминутно оглядывался и слушал. Но постепенно он к

лесной темени привык и шел все увереннее и быстрее. Шел он точно тем же маршрутом, каким тогда, после приземления, выбрался из лесу к железной дороге, почти инстинктивно угадывая знакомые места. Вот до краев наполненная водой канава и нависший над ней земляной гриб корневища могучей ели — именно здесь он перепрыгнул тогда через эту канаву. Вот сломанная бурей сосна — ствол как одинокая колонна и повисшая на елях засохшая крона. Вот ручеек, изогнувшийся возле громадного, замшелого камня.

Все ближе и ближе было заветное место возле трехствольной ели. Окаемов передвигался с большими предосторожностями. Шаг, остановка, и он весь обращается в слух. Еще шаг, остановка... Потом он снова пополз...

Увидев трехствольную ель, он замер и долго лежал, затаив дыхание, прислушиваясь к каждому шороху.

Ничего подозрительного. Окаемов быстро подполз к ели и большим охотничьим ножом разрыл землю. Он взял сверток с рацией и одеждой, взрывчатку, документы, а остальное снова зарыл. Встал и пошел дальше — к шоссе.

Идти теперь было труднее. Утомлял довольно тяжелый сверток, и путь был новый, неизведанный — все время нужно было думать о том, чтобы не сбиться с нужного направления. Приходилось часто останавливаться, искать просветы в кронах деревьев и проверять путь по Полярной звезде.

Вот он в очередной раз остановился, и в то же мгновение, когда замер звук его шага, позади он услышал хруст сломанной ветки. Окаемов замер — этот нечаянный, чуть слышный звук сказал ему все — его преследуют!

Сжав в кармане пиджака пистолет, Окаемов пошел дальше, весь обратившись в слух, — да, сзади шел человек... Да, шел человек, не очень умеющий бесшумно ходить по лесу. Как это он не заметил его раньше? Да, абсолютно точно — его преследует один человек.

За Окаемовым шел Гончаров.

Случилось так... Гончаров прошел до следующего поста за поворотом железной дороги, поговорил с дежурившим там сотрудником и пошел назад к станции, идя теперь уже по самому краю леса. Когда, по его расчетам, до водокачки оставалось километра два, он остановился под старой елью и стал вслушиваться в тихий и ровный шум леса. И вдруг шагах в десяти от него из кустов к лесу метнулась черная тень, и затем в лесу послышался быстро удалявшийся шорох. Гончаров уже вынул пистолет, чтобы подать условный сигнал выстрелом, и тут же передумал: «Возьму сам». Гончаров осторожно стал углубляться в лес. Он теперь все время слышал шорох впереди, и его все сильнее охватывало жгучее ощущение близости врага и радостный трепет от мысли, что он его поймает.

По звукам поняв, что враг возится у своей базы, Гончаров решил атаковать его после того, как он возьмет свои вещи, которые должны стать неопровержимой уликой. Но его планы нарушило то, что, оставив базу, Окаемов пошел дальше, а не назад, и пошел очень быстро...

Окаемов продолжал идти, лихорадочно обдумывая план действий.

Решение принято. На ходу Окаемов вынул из потайного кармана листок бумаги с записью шифра, порвал его на мелкие клочки и разбросал — при любой ситуации это не должно попасть в чужие руки. Затем Окаемов резко повернулся и пошел навстречу своему преследователю.

Гончаров прижался к дереву. Окаемов шел прямо на него.

— Стой, стреляю! — крикнул Гончаров, совершенно не представляя себе, как он поступит в следующую секунду, и думая только о том, что он обязан взять врага живым.

— Что значит — стой? Кто это орет? В чем дело? — спокойно отозвался Окаемов, продолжая идти на Гончарова.

— Стой! — еще раз крикнул Гончаров.

В это мгновение Окаемов сделал несколько почти беззвучных выстрелов по голосу и услышал глухой стук упавшего тела.

Гончаров лежал ничком, выкинув вперед руку, сжимавшую пистолет...

Окаемов вышел к шоссе, когда ночь еще царствовала в притихшем бору. Аромат леса смешивался с горьким запахом разогретого за день гудрона. Черная лента шоссе была похожа на убегающую в лес реку. И снова Окаемову чудовищно повезло — он выбрался к шоссе метрах в пятистах левее поста, наблюдавшего за дорогой.

Не выходя на шоссе, Окаемов пошел вдоль него, в сторону города. Позади слышался нарастающий гул. Окаемов лег в кювет и стал ждать. Вдали в лесной чаще закачалось желтое пятно света; оно становилось все ярче, и наконец из-за поворота выплыли два глаза автомобильных фар. И тотчас машина остановилась, и возле нее заметались тени. Окаемов понял — машину остановил патруль. Да, это было так. Дежуривший там сотрудник придирчиво осмотрел весь грузовик, заглянул даже в железную бочку, катавшуюся по кузову. Проверив документы шофера, он отпустил машину, допустив при этом серьезную ошибку: он не сказал шоферу, что ищет человека, и шофер уехал, убежденный, что на дороге ищут какое-нибудь украденное добро.

По шоссе к Окаемову приближался грохочущий пустой бочкой грузовик. Когда машина была уже совсем близко, Окаемов увидел, что шофер в кабине один. Он быстро вышел на шоссе и поднял руку. Расчет его был смелый и рискованный: если в машине окажутся чекисты, он стреляет и снова уходит в бор; зато, если все сложится благополучно, он получает надежный и быстрый способ добраться до города. Это стоило риска...

— Опять проверка? — сердито крикнул шофер.

Окаемов, не отвечая, подошел к машине, открыл дверцу кабины и взобрался на сиденье рядом с шофером.

— Быстро... в город.

— В город — можно, а быстро — нельзя, — проворчал шофер, включая скорость. — Машина — утильстарье.

Проехав километров пять, шофер спросил:

— Чего ищите-то?

— Что надо, то и ищем. Болтай поменьше, лучше будет.

Молча они доехали до города.

— Куда вам надо?

— К Восточному вокзалу...

5

К трем часам ночи на ноги был поднят весь поселок Лесной.

Потапов переговорил по телефону с тремя соседними районами и потом позвонил в город полковнику Астангову:

— Что произошло, я еще не знаю. Час назад я послал связного на пост Гончарова, и связной его не нашел. След уходит в лес.

— Действуйте молниеносно! — приказал полковник. — Я выезжаю...

Собаки взяли след довольно скоро, но, углубляясь в лес, они вели себя все более неуверенно, метались из стороны в сторону, кружились на одном месте. Потапов понял: очевидно, в лесу два следа. Однако постепенно собаки вели людей все дальше и дальше в чащу бора.

...Павел Гончаров лежал навзничь — его перевернул Окаемов. По его мертвенно белому лицу ползали муравьи. Потапов прежде всего увидел этих муравьев и, опустившись на колени, смахнул их с лица друга. Потом он приподнял и аккуратно опустил на землю его тяжелую, уже не сгибающуюся руку, приоткрыл веко над стеклянным глазом... И все еще не хотел поверить, что Гончаров мертв. Расстегнул ему рубашку, хотел послушать сердце и отшатнулся — на него черными глазками глянули две пулевые раны под левым соском.

К Потапову подошел милиционер:

— Товарищ майор, вот бумага какая-то...

Потапов, приняв на ладонь мелкие клочки бумаги, сразу понял, что это такое, и приказал двум сотрудникам произвести тщательный обыск места, где эти клочки были найдены.

К Потапову подбежал один из проводников:

— Товарищ майор, собаки взяли след, уверенно ведут к шоссе.

Потапов в последний раз посмотрел в мертвое лицо друга. Странное дело: то трагическое, непоправимое, что случилось — он потерял друга, — отмечало словно какое-то второе сознание, и оттого боль в сердце была глухой, неясной. Потапов медленно уходил от мертвого друга, в ту минуту не понимая, что непереносимая боль от постигшей его утраты еще придет к нему, но значительно позже, когда на могиле друга уже засохнут цветы и когда все происходящее сейчас уже превратится в папку с четырьмя буквами «Дело», поперек которой полковник Астангов размашисто напишет синим карандашом: «В архив»...

На шоссе уже стояли машины, примчавшиеся из города и из соседних районов. Потапов увидел полковника Астангова. Он сидел на краю кювета и, казалось, любовался картиной утреннего леса, прорезанного косыми лучами вставшего солнца. Потапов подошел к нему и сказал:

— Убит Гончаров!

— Погиб Гончаров!.. И он опять ушел, — произнес полковник.

В это время полковник наблюдал за собакой, которая, покружив на шоссе, стала рваться обратно в лес, не понимая, что она нашла тот самый след, который привел ее из лесу на шоссе.

— Успокойте собаку! — крикнул Астангов. Помолчав, он повернулся к Потапову: — Весь вопрос в том, куда он пошел: туда? — Он махнул рукой в сторону города. — Или туда?

— Я думаю, после того, что случилось, он не решится идти в город.

— Думаете? Эх, Потапов, Потапов! Вы понимаете, что, поставив нервничавшего и малоопытного Гончарова на самый ответственный участок наблюдения, вы помогли ему погибнуть? — сказав эти жестокие слова, от которых у Потапова потемнело в глазах, полковник Астангов встал и пошел от Потапова, но, сделав несколько шагов, повернулся и, почти подбежав к нему, заговорил быстро и страстно: — Да поймите меня, Гончаров! Сильный и хитрый зверь в минуту опасности идет на охотника, и эта минута одинаково опасна и для зверя и для охотника! Неужели вы этого не знали?..

Не замеченная полковником его оговорка с фамилией сказала Потапову все — Астангов тоже все это время думал о погибшем.

— Я почти уверен, — помолчав, уже спокойно продолжал Астангов, — что он уже в городе. Пост, дежуривший здесь на шоссе, докладывает, что ночью прошла только одна машина — грузовик из автобазы Сельхозснаба. Вот что: берите мою машину — и молнией в город. Найдите этот грузовик. В четырнадцать ноль-ноль доложите результат. Я пока останусь здесь...

«Победа» мчалась в город на предельной скорости. Но если бы она даже оторвалась от земли и полетела, Потапов не заметил бы этого.

...Автобаза Сельхозснаба. Диспетчер спит на узкой лавке, положив руку на телефон. Спросонья он долго не может понять, чего от него требуют.

— Ваши машины сегодня ночью работали? — повысив голос, точно говоря с глухим, в третий раз спрашивает у него Потапов.

— Ах, вон что! — понял наконец диспетчер. — Один Кисляков был в рейсе. В Савелово ездил. Вон его машина — у забора. Он ее чинит.

Потапов подошел к грузовику. Шофер сидел на подножке и удрученно смотрел на лежащий перед ним на газетном листе разобранный карбюратор.

— Что с карбюратором, товарищ Кисляков? — с деланной веселостью спросил Потапов, вглядываясь в землистое после бессонной ночи лицо шофера.

— Что, что! — досадливо сказал шофер, даже не посмотрев на спросившего. — Горючку дают — деготь, а потом спрашивают.

— Вы ездили в Савелово?

— Ну да, не в любимчиках числюсь — как в Савелово, так меня гонят.

— Ночью ехали через Черный бор?

Вот когда наконец шофер поднял глаза на Потапова:

— Ехал. А что?

— Вот что, товарищ Кисляков: я — из госбезопасности.

— Понимаю. Ваши меня еще на шоссе щупали. Только...

— Подождите, товарищ Кисляков... — Потапов сел рядом с ним на подножку грузовика. — Мы ловим опаснейшего преступника, врага нашей Родины. И у нас есть предположение, что он сегодня ночью в районе Черного бора воспользовался попутной машиной.

У шофера округлились глаза:

— Да что вы, ей-богу! Я вез вашего же человека, — не очень уверенно сказал он.

— Как — нашего. Кого?

— Что он мне документ, что ли, показывал? Приказал везти — я и вез.

— Хорошо, хорошо... — торопился Потапов. — Опишите, как выглядел этот человек?

Шофер начал рассказывать. Глаз у него оказался цепкий, и с каждой его фразой перед Потаповым все яснее возникал облик Окамова.

— На этого похож? — Потапов показал шоферу фотографию.

— Он! Точная копия!

— Куда вы его отвезли?

— На Восточный вокзал. Прямо к подъезду доставил.

— Он пошел в здание вокзала?

— Еще при мне он подозвал носильщика и дал ему деньги купить билет.

— Куда?

— Не слышал. Я уже разворачивался.

— Что у него было с собой?

— Сверток. Видать, тяжелый и для него дорогой, — ни разу из рук не выпустил.

— Спасибо, товарищ Кисляков.

Отыскать на Восточном вокзале носильщика, который покупал Окаемову билет, было не так уж трудно. И вот Потапов уже знал, что билет был куплен в купированный вагон до города Борска, и что клиент отблагодарил носильщика не щедро, и что в руках у клиента был все тот же тяжелый сверток, который клиент нес сам.

— В управление, мигом! — крикнул Потапов, садясь в машину.

Шофер, уже давно привыкший к таким приказам, глянул на площадь и, вопреки всем правилам, пересек ее по прямой. Регулировщик уже поднес ко рту свисток, но увидел номер машины и поскорее перекрыл въезд на площадь.

Без двадцати два Потапов доложил обо всем полковнику Астангову.

— Почему в Борск? Почему в Борск? — нетерпеливо, точно подгоняя собственные мысли, повторял полковник. — Так... Поезд еще в пути. В Борске он будет через час сорок минут. Сейчас же свяжитесь с Борском, сообщите его приметы, пусть тщательно проверят весь поезд. Вокзал оцепить.

— Может, мне вылететь туда самолетом? Я еще успею.

— Не надо. Я не очень верю, что он доедет до Борска.

Позвонив по селектору в Борск и на все промежуточные станции, Потапов зашел в свой кабинет и устало присел за стол.

В открытые окна влетал шум улицы. Вот пролетел звучный сигнал пионерского горна. «Пионеры едут в лагерь».

Потапов ясно представил себе мчащиеся по улице грузовики с веселой детворой и на передней машине — горнист с сияющей на солнце трубой. Он и сам когда-то ехал вот так же и по этой же улице и тоже трубил в горн, и милиционер на перекрестке, смеясь, отдавал ему честь. Неужели в его жизни действительно было это беспечное время? А сейчас... Сейчас где-то неподалеку находится неизвестный ему человек, о котором он знает только одно — он враг. Враг его личный, враг всей его жизни, враг всего, что входит в святое слово «Родина». И тотчас будто дикий вихрь взметнул все пережитое им за последние сутки: перед глазами Потапова беспорядочно замелькали люди, пейзажи, белое лицо Гончарова...

Трижды тяжело нести горе одному, когда не только близким своим о горе том не расскажешь, когда даже полковнику не скажешь, что ты сейчас переживаешь. А Лена словно почуяла неладное. Полчаса назад Потапов позвонил ей, чтобы не ждала его ужинать.

— Хорошо, — ответила она спокойно и, помолчав, спросила: — У тебя неприятности?

— Никаких. Просто очень сложное дело.

— Не расстраивайся, Николай. Ты же знаешь себя. И я тебя знаю. И твои товарищи знают. Ну а неприятностей не бывает только у тех, кто ничего не делает.

— Да откуда ты взяла? Заладила — «неприятности, неприятности»! — Потапов не смог скрыть раздражения.

— Ладно, ладно! — засмеялась Лена. — Неприятностей нет. А ночевать ты придешь?

— Не знаю.

На том разговор и кончился...

Скрипнула дверь, и в кабинет вошел полковник Астангов. Он сел на диван и, будто продолжая прерванный разговор, сказал:

— ...И мы, Потапов, держим сейчас очень серьезный экзамен. Может, самый серьезный за последние годы. И дело у нас идет совсем не так, как в книжках и фильмах на

эту тему. Пока поединок происходит с явным преимуществом на стороне врага. И это, несмотря на то, что мы его довольно быстро нащупали. Он совершил немало тактических ошибок, но и мы в долгу перед ним не остались. Вот Гончаров... Непростительная ошибка!..

— Но, может быть, у Гончарова не было возможности связаться с другими людьми, и он вынужден был пойти за ним один?

— Я допускаю это, Потапов, хотя думаю, что произошло другое... Но мы с вами для размышления имеем простой факт — убит Гончаров, а он жив и сумел снова уйти.

Полковник Астангов встал, подошел к Потапову и положил руку на его плечо:

— Я знаю, Потапов, он был вашим другом. Я сам любил его... — Полковник резко отвернулся и прошел к столу. — Садитесь-ка. Давайте еще раз просмотрим ход операции. — Положив перед собой лист бумаги, полковник взял карандаш. — Что у нас появилось нового? Мы нашли остатки его базы. Это заслуга Гончарова. Рацию он, конечно, забрал... — Полковник взял телефонную трубку и назвал номер: — Веселов? Астангов говорит. Предупредите контрольный радиопункт — сейчас в эфире должен появиться новый позывной. Понимаете? Наблюдение вести круглые сутки. Докладывать мне немедленно... Дальше, Потапов. Мы имеем наконец несколько клочков бумаги с записью его шифра. — Полковник стукнул ладонью по подлокотнику кресла: — Видите, какой он хитрый тип? Идя на столкновение с Гончаровым, он предусмотрел буквально все, успел даже уничтожить шифр. Если наши шифровальщики по этим клочкам прочтут хоть что-нибудь, им надо при жизни памятник поставить! Да... А в Борск я не верю! Не верю, и всё. Он же чувствует нас за своей спиной? Чувствует, сволочь! И понимает, что ему надо торопиться. А для этого ему нельзя уезжать от объекта так далеко. Нельзя! Вот же где логика его поведения... На всякий случай сделаем, Потапов, следующее: за сегодняшний

вечер и ночь проверим в городе все вокзалы, гостиницы, бульвары, рестораны, пивнушки — словом, все места, где он может приютиться на ночь или хотя бы на часть ночи, чтобы не болтаться по улицам. Он, мерзавец, не спит, и мы с вами спать тоже не имеем права!

6

Окаемов сошел с поезда на глухом полустанке, который он помнил по своей довоенной работе — ездил сюда когда-то за строительным материалом.

Все службы полустанка помещались в снятом с колес товарном вагоне. Вдоль пути высились черные штабеля приготовленного к погрузке торфа. Сразу за полустанком начиналось торфяное болото, заросшее густым ольшаником. Окаемов знал, что километрах в трех болото перерезает шоссейная дорога. Именно тут он и решил соорудить свою новую оперативную базу.

Зайдя в чащу кустов, Окаемов присел на сухую мшистую купинку. Усталость мгновенно сковала его, страшно хотелось спать. Он торопливо сжевал плитку шоколада, содержащего сильное тоническое средство, и через несколько минут почувствовал нарастающее возбуждение: в голове зашумело, как после водки. Окаемов встал и пошел через кусты, выискивая место для базы.

...Примерно через час из кустов на шоссейную дорогу вышел рослый мужчина в темно-синем костюме и брюках навыпуск. На руке он нес поношенный плащ-дождевик. Он осмотрелся и степенно направился по дороге к столбу с табличкой, где в ожидании автобуса стояли несколько человек.

— На автобус, товарищи?

— На автобус.

— Скоро он будет?

— Поди узнай. Это же стихия!.. Ха! Смотрите — идет!

Старенький, запыленный автобус забрал пассажиров и, приседая на выбоинах, покатил дальше — к городу.

Окаемов сел на переднее место и, положив плащ на колени, смотрел в окно. «Все идет отлично, — думал он. — Если они снова напали на мой след, они ринулись в Борск. Зачем, господа дорогие? Я же еду обратно — к вам. И поселюсь я под самым вашим носом. Где? Это вам и в голову не придет...»

В предвечерний час, когда сумерки уже засинили город, но свет на улицах еще не был зажжен, Окаемов вошел в вестибюль гостиницы «Центральная» и обратился к портье:

— Свободный номер имеется?

— Нет и не будет. Вон видите? — Лисья физиономия портье повернулась в сторону темного угла вестибюля, где в креслах дремали претенденты на номера.

— И нечего надеяться? — улыбаясь, спросил Окаемов.

— Пожалуйста, это ваше право, — равнодушно обронил портье, сунув лисью физиономию в толстенную регистраторскую книгу.

— Но если я смогу надеяться, — тихо сказал Окаемов, — сможете надеяться и вы. Давайте надеяться вместе. А?

— Оставьте ваши документы! — сурово приказал портье.

Окаемов положил на конторку свой паспорт.

— И сядьте вон там. — Портье показал на одинокое кресло, стоявшее у самого входа.

Портье открыл паспорт Окамова — всю его первую страницу закрывала сложенная пополам сторублевка. Портье сдвинул ее ровно настолько, чтобы прочитать фамилию владельца паспорта, и крикнул:

— Филатов по броне министерства здесь?

— Я — Филатов... — Окаемов подошел к конторке.

— Что же вы не сказали, что по броне? Заполните анкетку.

«Филатов, Иван Ильич, год рождения 1910-й, — писал Окаемов. — Уроженец города Демидова, Смоленской об

ласти. Место работы — агент по снабжению Ярославского шинного завода. Срок пребывания — пять дней...»

...Окаемов принял ванну и лег в постель. Шоколад еще действовал, и спать ему не хотелось. «Ну что ж, мистер агент по снабжению, давайте побеседуем на досуге... Подведем итог. Он пока невелик: одной ищейкой стало меньше. Это, конечно, хорошо, но не за этим мы сюда ехали. Не за этим. И хотя все у нас идет довольно гладко, мы обязаны признать, что еще ни на шаг не приблизились к главному. Правда, первое знакомство с объектом состоялось. Но и это оказалось весьма опасным делом... Что-то, мистер агент по снабжению, мы думаем с вами не так, как следует. Уж не боимся ли мы? Нам же в первую очередь нужно думать о Вольском. Да, пора идти в атаку. Игру теперь можно выиграть только быстротой и точностью действий. Но для этого нужно знать, что за спиной у тебя все спокойно... Да, нужно устраиваться на работу. Легализовать свое существование, и тогда прощайте, господа чекисты. Ищите ветра в поле! Так и решаем. Прежде всего малость здесь отлежимся. Разве не мог агент по снабжению схватить грипп на своей беспокойной работе? За это время вырастет у нас спасительная бороденка. А затем мы пускаем в ход документы номер третий — шофер второго класса Сергей Михайлович Гудков ищет работу! Точка. Можно спать...»

Когда Окаемов забылся непрочным, тревожным сном, в гостиницу «Центральная» зашел Потапов. Портье, узнав, с кем он имеет дело, вился вьюном, и его лисья физиономия вытянулась еще больше.

— Что вы, что вы? — лепетал он пересохшими губами. — Уже второй день у нас нет ни одного свободного номера. Видите, где спят люди?

Потапов попросил зажечь свет и внимательно всмотрелся в лица бездомных командированных.

Нет, нет, Окаемов мог спать спокойно: его сон оберегал мерзавец с лисьей физиономией.

Глава пятая

1

Агент по снабжению Ярославского шинного завода проболел целую неделю, не выходя из номера. Наконец наступило утро, когда он выздоровел и решил выйти погулять.

— Как наше здоровьичко? — встретил его дежуривший в это утро портье с лисьей физиономией. — О, да вы и бородой у нас обзавелись.

— Пока валялся, выросла, окаянная, — смеялся Окаемов. — Вот иду бриться. Можно мне получить свой паспорт? И вот вам еще за три дня за номер. Сдачи не надо.

— Пожалуйста. — Портье отдал Окаемову паспорт и шепотом сказал: — Я его в прописочку не сдавал. Чтобы шума не вышло. В ту ночь, как вы приехали, мне звонили из милиции: просили номер для их человека, а я отказал — сказал, что нет свободных номеров. И вдруг... прописочка. Понимаете? — Маленькие глазки портье смотрели на Окаемова лукаво и доверительно.

— Мне все равно, — усмехнулся Окаемов. — Вам так удобнее? И хорошо. Если меня будут спрашивать, я вернусь часа через два. Пока...

Портье проводил Окаемова до дверей, не догадываясь, что своего приятного во всех отношениях постояльца он видит последний раз. Впрочем, дальнейшее исчезновение агента по снабжению нимало не смутило портье, он попросту не внес в кассу деньги, оставленные Окаевым за номер, и проникся к нему еще большим уважением...

Вокруг Окаемова шумело деловое утро большого города. Рассыпая трели звонков, катились переполненные трамваи. На перекрестках, пугая торопливую толпу пешеходов, рычали могучие грузовики. Над улицей величаво разворачивалась стрела подъемного крана, и люди с уважением поглядывали, как целая пачка бетонных плит легко взле-

тела на высокие леса стройки. А еще выше, подцепив на кончики крыльев солнечные блики, делал круг над городом пассажирский самолет. Окаемов видел все это не так, как другие. Проходя перед радиатором могучего грузовика, он запоминал его марку и прикидывал тоннаж. На заборе новостройки он прочитал плакат: «Закончим кладку стен к первому июля!» Окинув стройку понимающим взглядом инженера-строителя, он отметил: «Строители явно торопятся, надо будет выяснить, что это за стройка?» Все, что бы он ни увидел, представляло для него интерес только как строчка в будущих его донесениях Центру. Единственное, что в это утро интересовало Окаемова лично, были витрины с объявлениями о найме рабочей силы. Таких витрин было много, и все объявления на них начинались строгим словом «ТРЕБУЕТСЯ»... Требуются инженеры, техники и рабочие. Требуются водопроводчики. Требуются переводчики с английского языка. Требуются опытные педагоги... Город требовал, звал к себе работающих, полезных людей.

И вот Окаемов нашел объявление, какое он искал:

«Государственному театру оперы и балета требуется опытный шофер на грузовую машину ЗИС-150.

Вскоре Окаемов стоял перед окошечком отдела кадров театра:

— Я читал ваше объявление о шофере. А может, вам нужен механик?

Девушка за окошечком сердито посмотрела на Окае-мова:

— Нам нужен шофер.

— Жаль, — печально произнес Окаемов, не торопясь уходить.

Там, за окошечком, к девушке подошел работник отдела кадров:

— Подождите, вы — механик?

— Вообще-то я шофер второго класса, — будто нехотя ответил Окаемов. — А только последнее время я больше работал механиком. И зарплата больше и мотни меньше.

— Ну а если мы договоримся так: зачислим вас шофером, месяца два вы поездите, а потом у нас назревает одна комбинация, и мы переведем вас на должность механика. А сейчас мы дадим вам общежитие.

— Без обмана?

— Зачем же обманывать? Согласны?

— Попробуем!

— У вас документы с собой?

— С собой.

— Тогда заходите вот в ту дверь.

Вечером загородное общежитие рабочих оперного театра принимало в свою семью нового жильца — шофера Сергея Михайловича Гудкова. Впрочем, прием этот не был ни торжественным, ни многолюдным: большинство обитателей барака в это время находилось на работе. Бумажку о предоставлении места в общежитии Окаемов, за отсутствием другого начальства, предъявил председателю санитарно-бытовой комиссии Коле Боркову, ученику портняжной мастерской театра. Разбитной паренек с косыми глазами боком посмотрел на бумажку и на Окаевова:

— Новый шофер, значит?

— Шофер.

— Ну и ладно. Пошли... — Борков повел Окаевова к его койке. — Это будет твое, значит, место. Белье надо менять не реже одного раза в неделю. Стирка белья идет собственноручно в моечной, что в конце барака. А если денег, значит, не жаль, можно отдавать Марусе из женского барака. Обживайся...

Окаевова присел на жесткую койку и осмотрелся. Шеренга коек тянулась через весь барак. На соседней койке, накрывшись с головой, спал длинный человек, его босые шишковатые ноги торчали в проходе. И он так трескуче храпел, что могло показаться, будто он под одеялом заводил мотоцикл. Окаевова с ужасом представил себе, как на

всех этих кроватях будут храпеть люди, и лицо его скривилось в брезгливой гримасе.

С помощью Коли Боркова он раздобыл бритву, осколок зеркала, кипяток и занялся приведением в порядок своей бородки. Коля стоял за его спиной и, избочась, косым глазом смотрел, как Окаемов брился.

— Неужто бороду не срезаете? — удивился он.

— Борода красит мужчину, — отозвался Окаемов.

— Скажете тоже, — усмехнулся Коля Борков. — Только пыль в ней собирается. У нас во всей деревне один поп бороду носил, и всегда у него в бороде шелуха от семечек болталась.

— Может, ты займешься каким делом? — спросил Окаемов, сузив глаза и в осколок зеркала смотря на Колю.

— Мне на работу к девяти утра, — не понял Коля Борков.

— Шел бы тогда спать, что ли?

— Я раньше одиннадцати не ложусь. Вот, значит, последние известия прослушаю, и тогда будьте здоровы.

Окаемов замолчал, злясь все больше. Коля Борков не уходил. В это время в дальнем, темном углу барака запиликала гармошка. Было видно, что гармонист только начинал осваивать инструмент. Он все время выводил один и тот же кусок мотива из песни «Давай закурим, товарищ, по одной». Гармонист никак не мог подобрать к этой мелодии басовый аккомпанемент и оглашал барак дикими звуками.

— От наяривает Петька! — восхищенно сказал Коля Борков. — В один месяц научился. Его только в праздники гармонью премировали. Правда, хорошо, когда музыка?

— Хорошо, когда хорошая! — злобно сказал Окаемов.

— Так он же еще тренируется, — вступился за гармониста Коля Борков. — С него и спрос малый.

— Мог бы тренироваться в другом месте! — Окаемов встал и ушел в умывальную комнату.

Коля Борков удивленно посмотрел ему вслед, пожал плечами и направился к гармонисту.

Умывшись, Окаемов быстро разделся и лег в постель. Гармонист продолжал подбирать басовый аккомпанемент.

«Будь ты проклят вместе со своим баяном! — с яростью подумал под одеялом Окаемов и постарался отвлечься от терзавшей его музыки раздумьем о своих делах. — Ну что ж, переход в новое состояние совершился более чем удачно. И если косому идиоту и его братии нравится, как тренируется гармонист, эта какофония должна нравиться и мне. Чудесная музыка! Мистер Барч, смогли бы вы спокойно слушать этого гармониста?.. Итак, завтра в восемь утра новый шофер оперного театра приступит к работе. Я не завидую вам, господа чекисты. Вам ведь уже казалось, что вы загнали меня в угол, а я взял и исчез. Меня больше нет. Я только что был, и меня не стало. И найти меня невозможно. Я стал, как вы выражаетесь, членом коллектива, а это означает, что я стал невидимкой. Вы разве умеете видеть сквозь толщу обступивших меня людей? Эти люди спрятали меня. Они охраняют меня. Чтобы вы не могли подслушать даже мои мысли, сейчас рядом со мной храпит на весь барак неизвестный мне верзила. И пока вы, господа чекисты, будете ломать голову над задачкой, которую я вам задал, я начну действовать...»

2

Здание института, которым руководил Вольский, стояло напротив бульвара. Окаемов открыл это здание, проехав на грузовике театра вслед за знакомым ему ЗИМом профессора.

День уже шел навстречу вечеру. Тень от деревьев бульвара прикрыла всю улицу и начала мохнатой полосой подниматься на стену института. Сотрудник госбезопасности Кудрявцев, который с утра вел наблюдение за подъездом института, то и дело посматривал на часы — скоро его дол-

жен был сменить другой сотрудник. Со стороны Кудрявцев был похож на фланирующего по бульвару молодого модника. Он то исчезал в толпе прохожих, то снова появлялся. То он стоял на углу перекрестка и будто ждал на свидание девушку, а то, развернув перед собой газетный лист, сидел на бульварной скамейке. Он разговаривал о жизни с продавщицей мороженого и помог слепому перейти улицу. Он изучал плакаты на афишной тумбе и кормил хлебом голубей на лужайке. Он наводил блеск на ботинки у уличного чистильщика и любовался игрой детворы на куче песка. И никому невдомек было, что этот праздно убивающий время молодой человек, чем бы он ни занимался, каждую минуту находился в напряжении и не спускал глаз с подъезда института.

Вот пожилая женщина с кошелкой остановилась у дверей института и рассматривает номер дома. Кудрявцев торопит чистильщика: ботинки и так горят, как солнце. Женщина вошла в институт. Кудрявцев уже стоит возле института и читает вывешенную на стене газету. Женщина вышла на улицу, снова посмотрела на номер дома и, ворча что-то под нос, пошла в сторону площади. Кудрявцев идет за женщиной. На углу площади стоит плохо одетый парень в сандалиях на босу ногу. Кудрявцев останавливается рядом с ним: «Видишь женщину с кошелкой? Посмотри». Парень в сандалиях идет за женщиной, а Кудрявцев быстро возвращается к институту. Через час к нему подходит парень в сандалиях: «Женщина заходила в райсобес. Ругалась насчет пенсии. Она спутала номер дома и по ошибке зашла в институт. Живет на Казарменной улице, дом семь, квартира одиннадцать».

И снова Кудрявцев маячит возле института...

Грузовик, везший театральные декорации, еще на перекрестке начал судорожно дергаться, оглушительно стрелять, явно намереваясь остановиться. Рывками он проехал перекресток и прижался к кромке бульвара напротив ин-

ститута. Кудрявцев тотчас покинул свое место на скамейке среди няnek и прошел мимо грузовика, водитель которого, чертыхаясь, открывал капот мотора. Кудрявцев подошел к стоявшему на перекрестке регулировщику движения, показал ему свое удостоверение и попросил его выяснить, что случилось с грузовиком.

Когда милиционер подошел к остановившейся машине, Окаемов, отвинтив бензопровод, продувал его ртом. Милиционер вежливо спросил о причинах остановки.

— Ты бы поездил на такой машине! — закричал Окаемов на всю улицу. — Не видишь, что ли? Подача отказала! Или ты думаешь, что я глотаю бензин ради удовольствия?

— Вы не кричите, — спокойно сказал милиционер, — а поскорее исправляйте и уезжайте. Здесь нельзя стоять. Видите знак?

— Не беспокойся, я ночевать здесь не собираюсь! — крикнул Окаемов, по пояс забравшись под капот.

Теперь к грузовику подошел Кудрявцев. Он невольно улыбнулся, увидев стоящий в кузове машины золоченный царский трон.

В это время из дверей института хлынул поток людей. Окаемов посмотрел на свои ручные часы: «Так... работа у них кончается, как везде, в шесть. Прекрасно. Сколько сотрудников?... Примерно сотня... Нет, пожалуй, побольше. Ну что ж, теперь можно и ехать». Окаемов вылез из под капота и оглянулся — перед ним стоял Кудрявцев, который, улыбаясь, смотрел на измазанную мазутом физиономию шофера. Кудрявцев заметил, что шофер вздрогнул.

— Чего пугаешься? Я — не милиция... — Надоело Кудрявцеву молча мотаться, захотелось поболтать с шофером. — Застопорило?

— Третий раз за день! — Окаемов плюнул в мотор и с грохотом опустил капот. — Машине давно пора в капиталку, а начальству, что говори, что не говори, выезжай, и всё. — Окаемов влез на сиденье и нажал стартер — мотор не завелся. — Вот чертово проклятье!

— Ты зажигание не включил! — засмеялся Кудрявцев.

— Гляди! Верно! — Окаемов постучал себя пальцем по лбу: — Зарапортовался.

Теперь машина завелась сразу. Подмигнув Кудрявцеву, Окаемов включил первую скорость.

— Какому царю трон везешь? — вслед ему крикнул Кудрявцев.

— Оперному! — приглушенно донеслось в ответ.

Кудрявцев направился к перекрестку. Там уже виднелась знакомая фигура сменщика. Кудрявцев прошел мимо него. На мгновение они встретились взглядами, и это означало: «Пост сдал» — «Пост принял»...

«А вдруг этот парень от них? — думал Окаемов, ведя машину к театру. — Все может быть. Какого черта он торчал, будто ему делать больше нечего, как глазеть на грузовик? Да, вполне возможно, что он — от них. Ну что ж, вспомним: лет ему двадцать пять — двадцать семь, блондин, глаза светло-серые. Очень мило смеется. Вспомним. В хозяйстве все пригодится. И если он — от них, в этом нет ничего удивительного. Конечно же они институт охраняют...»

Когда во дворе театра рабочие сгружали царский трон, Окаемов снова вспомнил о сероглазом парне: «Он заметил трон, и я, как дурак, ответил, что это трон царя оперного... Вот это промах...» Об этом же Окаемов тревожно думал и когда в электричке ехал в общежитие: «Может, стоит, пока не поздно, перейти в другое автохозяйство? Нет, не надо: театр для меня — идеальное место. И нельзя шарахаться от каждого встречного. Парень был одет для них слишком элегантно. Наверно, ждал там девицу, и всё. Одно ясно — надо быть осторожнее...»

В бараке было душно, как в бане. Табачный дым недвижимой сизой тучей висел под потолком. Сегодня спектакля не было, и в бараке находились почти все жильцы. В проходе, сидя на корточках вокруг деревянного сундука, резались в «козла» рабочие сцены. Они так ожесточен-

но били костяшками, точно задались целью расколоть сундучок. На двух сдвинутых кроватях разместились картежники. Их окружала толпа болельщиков. Гармонист, наладивший наконец басовый аккомпанемент, играл «Давай закурим, товарищ, по одной», и одну эту фразу без конца подпевал весь барак.

На правах старого знакомого на койку к Окаемову подсел Коля Борков:

— Как дела, водитель?

— Дела как дела... — недовольно ответил Окаемов. — А тебе-то что?

— Меня свое кровное, значит, интересует: ты из Дома культуры только декорации привез или захватил и реквизит?

— Не знаю. Что погрузили, то и привез.

— Как это так? — удивился Коля Борков. — Ты ж не участник — в театре работаешь. Ведь тогда за реквизитом придется еще раз ехать.

— Скажут — съезжу, подумаешь событие!

— Бензин-то государственный, не твой...

Окаемова взорвало:

— Да ты что — с ума спятил? Три литра бензина! При чем тут государство? Языком ворочать за эти три литра и то стыдно!

Коля Борков встал, косыми своими глазами удивленно посмотрел на Окаемова и, ничего не сказав, пошел прочь.

3

Проходили дни за днями, не принося ничего нового, и в эти дни Потапов находился в гораздо большем напряжении, чем в те, когда что-нибудь происходило. Он думал об Окаеове с первой минуты утреннего пробуждения и до поздней ночи, когда его мозг обволакивал дымок тревожного сна. Часто Окаемов врывался и в сны, и тогда наступало мучительное пробуждение среди ночи с мыслью о толь-

ко что совершенной непростительной ошибке, и хотя тут же видения сна отделялись от событий реальных, заснуть уже было невозможно... В эти дни Потапов ночевал в городе. Его жена знала, что в таком состоянии ему лучше быть одному, и приезжала в город, когда он находился в управлении, готовила ему ужин и завтрак и, оставив записку, уезжала на дачу. Их сынишка лежал в постели, врачи опасались, что у него воспаление легких, но и об этом Потапов не знал. «На даче все хорошо», — писала ему жена и мчалась в поликлинику за врачом.

Ранним утром Потапов выходил из дому и через весь город медленно шел на работу, досадуя на беззаботную уличную суету: как могут люди шутить, смеяться, болтать о всяких пустяках, когда где-то среди них прячется враг?.. Сотрудники, наблюдавшие за институтом Вольского, привыкли, что в половине девятого мимо института проходит майор Потапов, и, думая, что он проверяет их работу, старались не попадаться ему на глаза — ведь работа наблюдателя тогда хороша, когда сам он не виден.

Полковник Астангов в эти дни жил в еще большем напряжении, чем Потапов, хотя внешне это никак не проявлялось. Потапов мучился делами только своей оперативной группы, а полковник непрерывно думал о действиях всех пяти оперативных групп, а это значило, что он отвечал за охрану от возможной диверсии пяти важнейших объектов. Только будучи более опытным работником, чем Потапов, полковник Астангов умел мешающее работе напряжение рассеивать при помощи спокойного анализа обстановки. Показания шофера автобазы Сельхозснаба подтвердили версию полковника. Одно это значительно упростило поиск. Наконец полковник твердо знал, что теперь Окаемов скрывается в каком-то коллективе советских людей, которые не могут не помочь в поиске. Сейчас его больше всего тревожила мысль, что Окаемов мог отказаться от атаки на институт Вольского и выбрать себе новую цель. Поэтому,

целиком полагаясь на Потапова в отношении института Вольского, полковник Астангов придирчиво наблюдал за работой остальных оперативных групп.

Кудрявцев обстоятельно докладывал Потапову результаты наблюдения за институтом и немножко обижался, что майор слушает его невнимательно, — он же не виноват, что уже столько дней наблюдение ничего не дает.

— Ясно, ясно, дальше... — торопил его Потапов.

— Ну, в общем, она ошиблась: ей нужен был дом номер тридцать шесть, а она зашла в институт — номер двадцать шесть.

— Ясно, ясно. Что еще?

— Напротив института останавливался грузовик. Мотор испортился.

— Время? — отрывисто спросил Потапов.

— Я могу на этом и закончить, — обиделся Кудрявцев.

— Я спрашиваю, в какое время останавливался грузовик?

— В шесть.

— Мотор действительно не работал?

— Да. Водитель прочищал бензосистему. Я сперва орудовца попросил проверить. Он подтвердил.

— Номер машины записали?

— Нет. Я думал...

— Что вы думали, это неинтересно. Номер нужно было записать.

— Допустил оплошность, — тихо произнес Кудрявцев.

— У вас всё?

— Всё.

— Спасибо.

Потапов рассеянно смотрел на закрывшуюся за Кудрявцевым дверь, припоминая, какая деталь в сообщении наблюдателя слегка задела его сознание?

Зазвонил телефон. Потапов схватил телефонную трубку и услышал неожиданно веселый голос полковника Астангова:

— Чем вы заняты?

— Думаю, товарищ полковник, — быстро ответил Потапов.

— Что говорить, занятие полезное, — рассмеялся полковник. — Может, вы зайдете ко мне, и мы подумаем вместе?

— Иду.

Все последние дни полковник Астангов был молчалив и неприветлив, разговаривал сдержанно, словно нехотя. А сейчас Потапов увидел его в прекрасном настроении, он шутил, смеялся. «Неужели что-нибудь прояснилось?» — волнуясь, подумал Потапов и ждал, когда полковник скажет об этом.

— Ну, Потапов, нам остается сознаться, — все еще смеясь, сказал полковник: — рыбаки мы с вами никудышные. Окаемов-то оказался поумнее нас и нашел себе такую заводь, о которой мы и понятия не имеем.

Потапов молчал, он еще ждал тех, радостных сообщений.

Полковника Астангова беспокоило, что последнее время Потапов стал заметно нервничать, и боялся, что в таком состоянии он может допустить какую-нибудь оплошность. Астангов понимал, что это результат усталости от напряжения и потери друга.

Взглянув на молчащего Потапова, полковник продолжал:

— В эфире Окамова нет, значит, рацию свою он пока законсервировал. А это, в свою очередь, означает, что нырнул он надолго, рассчитывая как следует врасти в жизнь и стать для нас совершенно невидимым.

— Может, стоит проверить по всем учреждениям и предприятиям, кто в эти дни взят на работу? — предложил Потапов.

— Да что вы, Потапов! — Полковник засмеялся. — Вы, я вижу, обрадовались — решили, что он в своей заводи будет сидеть год-два? На предлагаемую вами проверку надо

минимум два месяца. Не можем, Потапов. Он начнет действовать раньше. А мы в это время изобретем себе десяток ложных путей и погонимся за ненужными нам людьми.

— А что же предлагаете вы? — почти с вызовом спросил Потапов.

— Вам лично я предлагаю сейчас же ехать на дачу за женой и идти в театр. Вот билеты...

Потапов, удивленно смотря на полковника, машинально взял билеты:

— Вы что, шутите?

— Отнюдь, Потапов, — сухо ответил полковник. — Поезжайте за женой. Она предупреждена и ждет вас.

Потапов молча положил на стол билеты. Лицо полковника стало строгим. Он встал:

— Мы с вами устали, Потапов. И это становится нашим серьезным недостатком. Мы нервничаем, не имея на эту роскошь никакого права. В общем, надо отдохнуть, Потапов. Поезжайте на дачу. Завтра в это же время встречаемся здесь. Всё. До свидания.

Потапов встал и направился к дверям.

— Билеты, Потапов! Вы что, хотите, чтобы ваша жена считала меня обманщиком?..

Жена Потапова, когда ей позвонил полковник Астангов, в первую минуту испугалась — не случилось ли что с Николаем... Но дальше последовало еще более неожиданное и необъяснимое — полковник тоном приказа сказал, что она и Потапов сегодня идут в театр.

— В какой театр? — изумилась Лена.

— В какой? — переспросил полковник и захохотал. — Честное слово, не знаю. Я приказал добыть два билета в лучший театр. Но билеты еще не получил. Я отдам их Потапову. В общем, приготовьтесь. Форма одежды — театральная.

Но Лена слишком хорошо знала своего мужа, чтобы встретить его уже в театральном платье. Она все приготовила, но встречать его вышла в своем обычном летнем халатике.

— Ты знаешь... — растерянно сказал Потапов, — нам надо ехать в театр.

— В театр? — искусно удивилась Лена.

— Да. Вот билеты.

— Ой, Коленька, в оперу, как хорошо! Я оденусь мигом. А ты садись кушай. Я сейчас!

— А кто же будет с Витькой? — спросил Потапов, когда жена вернулась уже в длинном платье.

— Я отвела его к Горюновым. Он там и спать будет.

Потапов рассмеялся.

— Чего ты смеешься?

— Как ты здорово разыграла удивление по поводу того, что мы едем в театр... Ладно — поехали.

...Шло уже второе действие оперы, а Потапов никак не мог уловить, что происходит там, на сцене. Отдельно он слышал музыку — она то тревожила, то успокаивала. И отдельно — разрозненно и туманно — он видел, как на сцене какие-то старомодные люди ходили, пели, смеялись, ссорились... И вдруг в какую-то минуту он ясно увидел все — покосившуюся мельницу в снежной шапке, дальний лес, а вблизи на вытоптанном снегу стоят два человека, целясь друг в друга из пистолетов. Мгновенно это увиденное слилось с другим — лежащий у дерева Гончаров, его белое-белое лицо, по которому ползают муравьи... Потапов непроизвольно сжал руку жены.

— Да, он спел замечательно, — шепнула она.

В это время в оркестре нарастала тревожная музыка, она ширилась, взлетала все выше и выше и вдруг оборвалась страшным ударом выстрела.

Потапов вздрогнул. Один из стоящих в снегу упал, и тотчас занавес закрыл сцену. Потапов удивленно оглядывался на восторженно кричащий зал.

— Какой волшебный голос у Ленского. Верно? — спросила Лена.

— Да. Здорово... — рассеянно отозвался Потапов.

— Пойдем погуляем?

— Давай лучше посидим, — механически произнес Потапов, смотря в какую-то точку на еще трепетавшем занавесе.

И Лена покорно осталась сидеть. Она терпеливо молчала, потому что знала — Николай сейчас думает о своем, и то, о чем он думает, весьма далеко от этого зала...

Окаемов впервые смотрел спектакль в своем театре. Оперу он никогда не любил — ему просто захотелось попозже приехать в общежитие. Билетерша посадила его на свободное место в боковой ложе.

— Отсюда очень хорошо видно, — сказала она. — «Евгений Онегин» — наш лучший спектакль, и сегодня поет Соколов. Вам повезло, получите большое удовольствие...

Но никакого удовольствия Окаемов не получил. Наоборот, как только зазвучала задумчивая мелодия увертюры, Окаемов начал испытывать странное ощущение, понять которое он не мог. В этом чувстве необъяснимо сливались раздражение и страх. Когда открылся занавес, и со сцены хлынула веселая и в то же время грустная песня крестьян, и лица зрителей в зале от этой песни будто просветлели, Окамова передернул озноб. Он оглянулся на сидевшего позади него седого человека, и тот, согласно кивнув головой, восторженно прошептал:

— Какая музыка!..

Окаемов понял, что его раздражает: он просто не мог примириться с тем, что в этой стране может быть что-либо хорошее, — нет и не может, не должно быть! Но он не понимал, отчего ему страшно. Между тем природа этого страха была простой — в музыке Чайковского звучало само бессмертие народа, против которого Окаемов боролся, считая себя в этой борьбе большой и грозной силой, а музыка говорила ему о его ничтожестве и бессилии, но как раз этого он и не понимал.

В антрактах билетерша встречала Окамова у дверей ложи неизменным вопросом:

— Ну что скажете?

— Здорово, здорово!.. — сердито отвечал он и торопился поскорей отделаться от восторженной старушки.

Окаемов давно мог уйти из театра, но решил, что это будет неосторожно — попробуй потом объясни косому Коле Боркову, почему он не досмотрел прекрасный спектакль.

Когда опера кончилась, Окаемов вышел из театра и остановился возле колонны, наблюдая разъезд публики. Страх продолжался и здесь — будто все эти выходящие из театра люди уносили с собой то, что страшило Окаемова там, в зрительном зале. Окаемов вглядывался в лица проходивших мимо него людей. Это были самые разные лица — веселые и задумчивые, молодые и старые, но во всех лицах было что-то общее — неуловимое и снова пугающее.

Но вот Окаемов увидел мрачное лицо молодого мужчины, выходящего из театра под руку с красивой женщиной. Этот человек шел, опустив голову, будто он больше всего на свете боялся оступиться.

Окаемов провожал взглядом эту пару, пока она не скрылась за углом театра... Разве могло прийти в голову Окаемову, что этот мужчина с мрачным лицом — тот самый человек, который думает о нем — Окаекове — днем и ночью, который думал о нем и в ту минуту, когда выходил из театра.

Да, это был Потапов...

4

Совершенно неожиданно в театре на пятницу назначили производственное совещание технического персонала.

— Тебе надо быть обязательно, — предупредил Окаемова Коля Борков.

И в том, как он это сказал, Окаемов почувствовал недоброе.

— А если не приду — расстрел? — невесело улыбнулся он.

— Зачем — расстрел? А быть надо — и всё тут. — Коля Борков метнул на Окамова косым глазом и отошел.

«Черт бы вас утопил вместе с вашими совещаниями!» — злобно подумал Окамов. Это совещание могло нарушить продуманный им на этот день план действий.

На совещании речь шла об уменьшении расходов на постановочные работы. Старик плотник на чем свет стоит ругал двух молодых рабочих, которые не берегут «брусок и пилят его напропалую». Заведующий постановочной частью обвинял рабочих сцены в том, что они «халтурно скашивают задники», отчего те после двух спектаклей «превращаются в мятые тряпки».

Окамов, забившись в угол, слушал все это, подавляя закипавшее в нем раздражение.

Вдруг он с досадой и удивлением обнаружил, что нервы его никуда не годятся. В чем дело? Как он бывал спокоен, находясь в других странах и в гораздо более опасных обстоятельствах, а здесь с ним еще ничего особенного не случилось, а нервы уже напряжены до предела. Так недолго и сорваться...

Совещание проходило за кулисами театра, в красном уголке, со стен которого на участников совещания смотрели некогда знаменитые женоподобные тенора, красавцы баритоны, мрачные басы и тучные колоратурные сопрано. Окамов смотрел на застывшие лица оперных корифеев и, чтобы отвлечься от происходящего, придумывал им характеры и привычки. «Этот был добряк и больше всего на свете любил выпить», — думал он о басе. В это время слово взял Коля Борков, и Окамов услышал слова, заставившие его замереть...

— Я хочу говорить о странной политике нашего нового шофера, Сергея Гудкова...

Все участники совещания смотрели на Окамова, а он впился взглядом в оратора.

— Для всех нас, — продолжал Коля Борков, — дорога каждая государственная копейка, раз она, значит, государ-

ственная. А давеча вот что вышло: Гудкова послали за нашим имуществом во Дворец культуры, где у нас был выездной спектакль. Надо было привезти декорации и реквизит. Наш прежний шофер Савелий, бывало, сам все посмотрит, не забыли ли что, а потом уж везет. А тут я спрашиваю Гудкова: «Реквизит привез?» — «Не знаю», — отвечает. Тогда я ему говорю... — Коля Борков точно рассказал о своем разговоре с новым шофером и закончил речь так: — Первый раз за всю мою жизнь я вижу такую политику! И пусть товарищ Гудков разъяснит нам: что это за политика?

Коля Борков сел и боком уставился на Окамова. Председатель сказал:

— Давай, Гудков, отвечай: было у тебя такое заявление?

Окамова душила ярость. Он боялся встать, ему казалось, если он поднимется, он бросится с кулаками на всех этих ненавистных ему людей. С огромным трудом взял он себя в руки, медленно встал и с ужасом обнаружил, что... не знает, что надо говорить.

— Ну, давай, давай, Гудков, — добродушно поторавливал председатель.

— Не было этого! Борков врет! — выкрикнул Окамов, подчиняясь первому толчку мысли: надо все отрицать.

Лицо Коли Боркова побагровело, он вскочил:

— Тут все знают, что Борков не врет! Никогда не врет!

— А было, Гудков, так чего запыряться? — миролюбиво усовещевал Окамова председатель. — Было, но больше не будет. Так и скажи...

Окамов обвел комнату пустыми глазами. Он знал, что ему делать, когда в Лондоне его прижала к стене английская контрразведка. В Кракове он сумел выпутаться из положения, которое казалось безнадежным. А вот как поступить здесь, он не знал. Речь шла о трех литрах бензина, а он ничего не понимал, будто разговор шел на неизвестном ему языке, когда эти три литра именовались какими-то совершенно неведомыми ему словами.

— Ты, Гудков, не бойся. Скажи честно, — поддерживал Окаемова председатель, — так, мол, и так — было, но теперь ты понял, как надо работать...

— Я теперь понял... как надо работать, — механически повторил Окаемов и добавил еще слова, неожиданно всплывшие из давнего времени: — Я признаю свою ошибку...

— Значит, Борков не врет?... — победоносно крикнул Коля.

— Да, было... — Окаемов сел.

— Нельзя же так, товарищ Гудков! — крикнул Коля Борков. — Ты будто с Луны упал...

Все засмеялись, и, может, этот смех и спас Окаемова — люди всласть посмеялись над «упавшим с Луны человеком» и больше о нем думать уже не хотели.

— Как там на Луне — бензин даром идет? — подтолкнул Окаемова локтем старик плотник.

— Даром. — Окаемов улыбнулся.

В это время уже выступала девушка-уборщица. Поглядывая смешливыми глазами на плотника, она притворно удивлялась: откуда это столько гвоздей берется в мусоре, когда она подметает сцену? «За неделю целое кило наметаю!...»

Совещание окончилось в четыре часа. У выхода из театра Окаемов столкнулся с Колей Борковым, который пропустил его мимо себя, провожая внимательным косым взглядом. Окаемов съежился от этого взгляда, когда казалось, что человек смотрит куда-то в сторону, а видит его — Окаемова.

Накрапывал дождь. Окаемов перебежал через улицу и вошел в кафе.

Ему нужно было переждать почти два часа. В кафе было пусто, но он сел за самый дальний столик, скрытый мраморной колонной. Там его и официантка обнаружила не сразу.

Постепенно успокоившись от пережитого на совещании, Окаемов пришел к выводу, что он вовремя признал свою ошибку с бензином...

Без десяти минут шесть Окаемов вышел из кафе. Без пяти минут шесть он был на перекрестке близ института Вольского. Ровно в шесть он был от него в пятидесяти шагах. В три минуты седьмого он поравнялся с дверями института, и как раз в это время на тротуар хлынул поток сотрудников института. Окаемов оказался в центре этой толпы и пошел с ней по тротуару. Он шел с видом человека, глубоко задумавшегося над своими делами, которого ничто на свете не интересует. На самом деле он напряженно слушал звучащий вокруг него разговор. И вот что он услышал:

— Нет, дорогой Петр Алексеевич, ваш «Спартак» горит, как свеча. Проиграть «Локомотиву» — это же надо уметь!

— Ничего, милейший, цыплят, как известно, считают по осени. Меня волнует другое — Аксенчука-то нашего уволили? Уволили.

— А кто же будет теперь доставать нам билеты на стадион?

— А вы обратитесь на этом основании к Вольскому, чтобы он пересмотрел приказ.

— Да, что-то, а ходок за билетами Аксенчук был мировой.

— Принципиальный лодырь и трепач.

— Давно его гнать нужно было...

— Я его видел сейчас. Пошел в кабинет Вольского отходную слушать. Бледный как покойник.

— Тут побледнеешь. Вылететь из института с характеристикой лодыря. Поди устройся куда-нибудь...

Окаемов внезапно остановился возле афишного щита, и толпа сотрудников миновала его. Такой удачи он не ждал. Он собирался много дней вот так смешиваться с толпой идущих с работы сотрудников института и постепенно узнать то, что ему могло оказаться полезным. А удача пришла в первый же день. «Аксенчук... Аксенчук...» — повторял про себя Окаемов.

Глава шестая

1

Николай Аксенчук мог надеяться только на всем известную доброжелательность профессора Вольского. Войдя к нему в кабинет, Аксенчук схватился рукой за лоб и пошатнулся.

— Что с вами? — обеспокоенно спросил Вольский.

— Ничего, ничего... — Будто собрав последние силы, Аксенчук подошел к столу.

Вольский протянул ему стакан воды:

— Садитесь, выпейте.

Аксенчук судорожными глотками осушил стакан и устремил на Вольского молящий взгляд:

— Сергей Дмитриевич, я пропал. Мне лучше не жить, — заговорил он тихо и жалобно. — Я виноват. Знаю. Но я умоляю вас по-человечески задуматься о моей судьбе. Выброшен из такого института. Это же конец. Да, да, Сергей Дмитриевич, конец. А ведь я только-только вступил в жизнь. Вот я выйду сейчас из института, и за его дверью останется все — и прошлое и будущее. Что делать? Лезть в петлю. Да, да, лезть в петлю... — Аксенчук замолчал, обхватив голову руками.

— В петлю — это чепуха. Вы человек молодой, у вас впереди вся жизнь... — Для Вольского этот разговор был тяжелым испытанием. Еще с утра он думал о нем как о необходимости, которой нельзя избежать, и собирался провести разговор быстро и решительно. Но так не получилось, и вот теперь надо утешать и успокаивать уволенного. — Вы прекрасно устроитесь на другое место и будете работать.

— Да кто же меня возьмет, Сергей Дмитриевич? — почти с рыданием воскликнул Аксенчук.

— Верно, устроиться будет нелегко. Но наказание есть наказание. И оно вас, молодого специалиста, научит на всю жизнь. А в конце концов вы все-таки устроитесь и будете работать.

— Сергей Дмитриевич, я вам даю слово! Честное слово! Такое никогда больше не повторится. Ну, объявите мне самый строгий выговор! Только не выгоняйте! Не губите мою жизнь!

— Нет, товарищ Аксенчук, приказ уже подписан, — как только мог решительно произнес Вольский. — Поступить иначе я не могу. Вы задумайтесь, что произошло. Вы знаете, над чем работает наш институт. И вдруг сотрудник такого института не выполняет данного ему поручения и не выполняет, видите ли, только потому, что о поручении он забыл.

— Сергей Дмитриевич, я не забыл! Ведь поручено было мне и Добровольскому.

— Перестаньте! — Вольский рассердился — он больше всего на свете ненавидел всякую ложь. — Как можно? Тревожиться о своей судьбе и при этом лгать? Лгать не только мне, но и самому себе! Вы же отлично знаете, что поручение давалось вам. Именно вам... А Добровольский должен был как старший научный сотрудник только присмотреть за этим делом. И вы поймите, что означает ваша забывчивость, когда мы заняты делом столь важным для всего государства?

— Сергей Дмитриевич, простите за невольную ложь. Я спасаю жизнь, хватаюсь за что попало... — хитрил Аксенчук. — Но ведь факт, Сергей Дмитриевич, что порученное мне дело составляло такую маленькую и такую маловажную частность, что...

— В нашем деле маленьких частностей нет, — перебил его Вольский. — Словом, мы с вами напрасно тратим время. Приказ подписан, и отменять его я не собираюсь. Сдайте секретарю все служебные документы.

— Тогда всё. Конец! Конец!.. — Аксенчук встал, раскачиваясь точно от боли.

Вольский старался на него не смотреть, боялся, что в последнюю минуту сжалится и уступит.

— Всё. Простите, профессор, за беспокойство, — прошептал Аксенчук и, шатаясь, пошел к дверям.

И тут Вольский не утерпел:

— Будете устраиваться на работу, пусть оттуда мне позвонят — я вас поддержу.

Аксенчук, ничего не сказав, вышел из кабинета...

Катастрофа, постигшая Аксенчука, не была случайной. Из всего, что с ним произошло, самое страшное было, пожалуй, то, что он не признавал до конца своей вины и не понимал, что к катастрофе он сам шел все последние годы своей жизни.

Николай Аксенчук лишился матери, когда ему не было еще десяти лет. Отец второй раз не женился и всю свою любовь отдал единственному сыну. Видный хирург, спасший от гибели сотни людей, он своей слепой любовью, уверенностью, что он растит необыкновенного мальчика, постепенно вел сына к гибели. Не зная ни в чем отказа, Николай уверился, что любой его проступок будет прощен, и он рос убежденным, что ему предназначена какая-то особая, легкая и красивая жизнь. Собственно, так он и жил вплоть до внезапной смерти отца два года назад. Юноша он был способный, без особого труда учился в школе и затем в институте. Он даже был по-своему талантлив — на последнем курсе института предложил идею нового измерительного прибора для испытания металла на прочность, за что был премирован и что в конечном счете помогло ему и устроиться в институт Вольского.

Но умер отец, и сразу оказалось, что жизнь нелегка... На веселую жизнь своих денег Николаю уже не хватало. Одна квартира съедала почти треть его зарплаты. Сразу поредел круг его веселых друзей — все они, еще вчера одолевавшие Николая звонками, предлагавшие миллион «вечерних идей» и так любившие козырять, что в их обществе имеется «молодой физик из засекреченной области», стали звонить ему всё реже и реже: «секретный физик» без денег им был не нужен. Как-то Аксенчук встретил на улице одного из своих недавних друзей и спросил, куда они все пропали.

— Вся-то наша жизнь — игра, — пьяно ухмыляясь, ответил тот. — Твои акции на нашей бирже упали... поскольку ты банкрот...

— Сволочи вы все! — тоскливо сказал Николай.

— Сволочи? Возможно. Но у нас есть деньги. Есть деньги, понимаешь?

Нравившаяся Аксенчуку девушка предпочла его сыну известного художника. Официанты в ресторане перестали называть его по имени-отчеству.

Злобная обида на всё и вся породила в душе Николая утомительно не проходящую зависть ко всем, кого он про себя называл удачниками в жизни. Он завидовал даже профессору Вольскому. «Ну, хорошо же, — решил он, — вы еще обо мне услышите». Ему грезилось, как он в институте придумает какую-то «штуку», после чего сам Вольский сделает его своим ближайшим помощником. Но проходили месяцы, годы, а никакой «штуки» он придумать не мог. И тогда появилось унылое равнодушие к работе, породившее в конце концов и ту роковую забывчивость, за которую его выгнали из института...

Аксенчук сдал секретарю документы. Тут же сотрудник отдела кадров вручил ему его трудовую книжку и копию приказа, а кассир — зарплату за десять дней... Аксенчук вышел на улицу и остановился, не зная, куда направиться. Окаемов насторожился — наверно, это он и есть, тот, кого он выслеживал уже несколько дней. Опустив руку в карман, Аксенчук нащупал там только что полученные деньги: «Зайду в ресторан...» Эта тупая, бессильная мысль повела его к центру города.

Окаемов шел за его спиной, не отставая ни на шаг. Он был уже почти уверен, что впереди него, сутулясь, идет тот, кто ему нужен.

В ресторане «Якорь» было пусто и мрачно. Свет еще не зажигали, и в полумраке длинного зала барабан на пустой

эстраде казался бледным кругом луны. Аксенчук сел за первый попавшийся столик.

— Коньяк и фрукты, — небрежно сказал он официанту.

— Сколько прикажете коньяку?

— Бутылку! — раздраженно крикнул Аксенчук — в вопросе официанта ему почудилось старое: не верит, что у клиента есть деньги.

— Извините, какой марки прикажете? — не отставал официант.

— Лучшей и поскорей!..

Бутылка была уже почти опорожнена, когда Аксенчук обнаружил, что за соседним столиком и так же, как он, одиноко и за бутылкой коньяка, сидит какой-то симпатичный незнакомец. Их взгляды встретились. Окаемов сочувственно улыбнулся Аксенчуку и поднял рюмку:

— За ваше здоровье, сосед!

— За ваше! — охотно отозвался Аксенчук и лихо опрокинул рюмку.

— Давайте объединим наши усилия, — предложил Окаемов, — пересаживайтесь за мой стол.

— Нет, вы за мой, — с пьяной обидчивостью возразил Аксенчук.

— С удовольствием, — покорно согласился Окаемов и, захватив с собой почти нетронутую бутылку, перешел к Аксенчуку. — Меня зовут Виталий Алексеевич...

— Аксенчук... Николай Евгеньевич Аксенчук. — Он хотел церемонно привстать, но это у него не вышло — его качнуло на стол.

Окаемов незаметно поддержал его и помог сесть.

Выпили за знакомство. Окаемов оперся лбом на кулак и мрачно смотрел на пустую рюмку.

— О чем вы... так думаете? — запинаясь спросил Аксенчук.

— Жизнь, дорогой мой, — сложное дело. И не всегда приятное, — не меняя позы, ответил Окаемов.

Эти слова затронули в сердце Аксенчука туго натянутую струну, и она запела грустно и жалобно. Этот хмурый человек вдруг стал ему таким невероятно близким и дорогим, что он не мог произнести слова: в горле толкался горький комок и глаза набухали слезами.

— Да... это так... истина! — шепотом произнес он, готовый сейчас же выложить на стол все свои беды и обиды.

Но Окаемов точно почувствовал это и заговорил первый:

— Жена у меня ушла. Шесть лет жили душа в душу. Вместе работали в науке. Я ее любил. А она — нет. То есть я думал, что она любит, но горько ошибся, теперь я все понял. Она ушла от меня. То, что ушла, — черт с ней. Тяжело пережить обман, которого я не заслужил. Я так любил ее. Я жил только для нее...

Из всего этого Аксенчук запомнил только одно: его новый друг, так же как он, обманут жизнью, и он тоже человек науки.

— Я тоже... Ах, как я понимаю вас... — пролепетал Аксенчук.

— Тогда выпьем за нашу грустную встречу. — Окаемов наполнил рюмки. — Как здорово подстраивает иногда старуха жизнь: ходишь со своим горем один, кажется, во всем мире нет человека, которому ты мог бы обо всем поведать, не боясь, что, выслушав тебя, засмеются. И вдруг приходишь в пустой кабак, и тут тебя ждет именно такой человек. За нашу встречу!..

Что происходило дальше, Аксенчук не помнил. Он проснулся утром в своей постели. Одежда его была аккуратно уложена на стуле. На тумбочке белела записка:

«Дорогой друг, я страшно виноват перед вами. Я не учел, что Вы крепко выпили до меня. Искренне прошу у Вас прощения, ибо не хочу терять Вашей дружбы, дружбы человека, так сердечно понявшего мое горе.

Я позвоню Вам.

В. А.»

Постепенно, словно из тумана, начали проступать детали вчерашнего вечера. Вспомнилось хмурое лицо незнакомца... Позвольте — как же его зовут? «В. А.» Это не вспоминалось... Да, кажется, у него ушла жена... Больше Аксенчук ничего вспомнить не мог. Он посмотрел на будильник и... замер от ужаса — первый час дня. Опоздал на работу! Но, вскочив с постели, он вспомнил об увольнении. В гудящей с похмелья голове зашевелились тяжелые мысли о жизни: что же теперь с ним будет?

Окаемов позвонил в два часа. В этот день работы в театре не было, и Окаемов отпросился у начальника гаража.

— Как чувствуете себя, Николай Евгеньевич? Небось ругаете меня?

— Ну что вы? Это я должен просить у вас извинения.

— Тогда, может, мы не будем разводить дипломатию и поступим как истинно русские люди — возьмем и опохмелимся? А?

— Я не прочь. Только...

— Я звоню из автомата возле вашего дома и у меня в кармане есть все, что надо. Могу я зайти к вам?

— Конечно, заходите! — Аксенчук искренне обрадовался возможности снова отстранить от себя тяжелое раздумье о будущем.

Окаемов был совсем не таким, как вчера. Он оживленно болтал и без конца говорил о счастливой судьбе, сведшей его вчера с Аксенчуком.

— После ухода жены, — весело говорил он, — сегодня я первый день чувствую себя человеком. Как, оказывается, важно иметь возможность поделиться своим горем! Верно? — Аксенчук кивнул головой. — Я взял в институте отпуск — просто не представлял себе, как в таком состоянии буду работать, как смотреть в глаза коллегам. А сегодня все это мне уже не кажется страшным. Спасибо вам, Николай Евгеньевич, от всего сердца!

— За что? — смущенно спросил Аксенчук.

— Как — за что? За то, что вы есть на земле и взяли в свое доброе сердце часть моего горя.

— Да я сам...

— Не спорьте, не спорьте! — Окаемов умышленно не дал Аксенчуку говорить, считая, что время для его исповеди еще не настало. — Мы поедем теперь за город. А к вечеру вернемся. Ведь сегодня суббота, и я приглашаю вас в «Гранд-отель». Согласны?

— Я-то с удовольствием, но...

— Простите, Николай Евгеньевич, за прямоту. Затруднение с деньгами? Забудьте. Тысячи две у меня в кармане и шестнадцать — на книжке. Были приготовлены на «Победу», но теперь семейные поездки на «Победе» отменяются! В общем, никаких разговоров! Поехали!

Целый день они в нанятом Окаемовым такси разъезжали по дачным местам. Обедали на озере в ресторане «Поплавок». По предложению Окаемова за обедом не пили.

— Побережем силы для вечера, — сказал он.

После обеда они часок поспали в сосновом лесу, а затем смотрели соревнование яхт. В город вернулись к девяти часам вечера, на квартире Аксенчука побрились и отправились в ресторан.

Все столики были заняты, но Окаемов переговорил с метрдотелем, и столик мгновенно нашелся...

Осмотревшись, Аксенчук обнаружил, что за соседним столиком пируют бросившие его друзья. Он сделал вид, будто не узнает их.

В этот вечер Окаемов узнал от Аксенчука все, узнал даже о легкомысленной девушке, сменившей Аксенчука на сына художника и сидящей сейчас в компании за соседним столом. Выслушав его исповедь, Окаемов положил свою холодную руку на руку Аксенчука и сказал:

— Вчера вы утешили меня. Теперь я буду утешать вас. Есть сильное слово — месть. И мы начнем с этих расфуфыренных индюков. — Он кивнул на соседний столик.

Заиграл оркестр. Окаемов встал, подмигнул Аксенчуку и, подойдя к соседнему столику, пригласил танцевать ту самую девушку. В течение всего танца они о чем-то оживленно разговаривали. Следующий танец Окаемов снова танцевал с ней. А затем девушка пересела за их стол и попросила извинения у Аксенчука...

Утром Аксенчук проснулся дома, снова не помня, как он оказался в своей постели. Повернув тяжелую, точно налитую свинцом голову, он увидел Окаемова, который сидел за столом и что-то писал.

— С добрым утром, коллега, — сухо, почти сердито произнес Окаемов.

И Аксенчук почувствовал себя виноватым.

— Не умею я пить, как вы, — сказал он.

— Наука не хитрая, а главное — не обязательная. — Окаемов встал из-за стола и потянулся: — Вставайте, нам нужно поговорить...

Аксенчук одевался, посматривая на своего друга: сегодня он был совсем не таким, как в первую встречу и как вчера. Его сегодняшняя сухая деловитость чем-то тревожила. Аксенчук быстро оделся, и они сели за стол.

— Я все время думал о вас, Николай Евгеньевич... — начал Окаемов. — Я дружбу представляю себе как нечто действенное и помогающее жить людям, которые дружат. Застольная дружба — дым, не больше. Так вот... Вы, надеюсь, понимаете, что означает для вас увольнение из такого института, как ваш, да еще со скверной характеристикой... (Аксенчук опустил голову.) Я хочу устроить вас на работу в наш институт. Конечно, наш институт не столь значительный, как ваш, но, мне кажется, сейчас вам не стоит быть разборчивым. Директор нашего института — мой приятель. Дайте мне ваши документы, и я сейчас же поеду к нему.

— Но сегодня воскресенье, — напомнил Аксенчук.

— Именно. С таким делом к директору надо являться на дачу, а не в кабинет, где с ним и пяти минут спокойно не дадут поговорить.

— И вы думаете, может что-нибудь получиться?

— Не знаю, но я обычно за безнадежные дела не берусь.

Передавая Окаемову документы, Аксенчук сказал:

— Вы можете сказать директору, что Вольский обещал мне, если ему позвонят, он меня поддержит.

— О, это очень важно... — задумчиво произнес Окаемов. — Словом, план наших действий таков: сейчас я еду к директору, а в десять часов вечера вы ждите меня там, где мы познакомились, в «Якоре».

2

Коля Борков все же решил случай с шофером Гудковым отразить в стенгазете. В понедельник он зашел к заведующему отделом кадров театра, надеясь поговорить с ним о новом шофере.

Заведующий отделом кадров куда-то спешил.

— Откуда он взялся? — торопливо переспросил он, складывая в папку бумаги. — Пришел по объявлению, и все. А что?

— Станный тип, честное слово.

— Чем?

— Рассуждает так, точно с Луны свалился.

Заведующий отделом кадров рассмеялся:

— Ну, ты у нас известный марксист. — Он обнял Колю за плечи и повел из кабинета: — Ты же хочешь, чтобы каждый наш рабочий делал доклады о международном положении.

— Да, хочу! — запальчиво сказал Коля.

— Хочешь? Тогда вот и займись воспитанием своего шофера. — Он подтолкнул Колю в спину, а сам побежал по коридору...

В тот час, когда Коля разговаривал с заведующим отделом кадров, Окаемов вел грузовик по тому самому шоссе, по которому он на автобусе вернулся в город с глухого полустанка.

Настроение у Окамова было прекрасное — найден единственный правильный путь к выполнению задания. И теперь нельзя терять ни минуты. «Ну, мистер Барч, вы, наверно, уже думали, что меня нет в природе? Ведь столько времени ваши радиоконтролеры не слышали моего позывного. Да, до сегодняшнего дня мой радиоголос был зарыт в земле. А сегодня вы его услышите, мистер Барч!» — Думая так, Окамов, сам того не замечая, все увеличивал скорость, грузовик немилосердно кидало на выбоинах старого шоссе. И вдруг впереди он увидел опасность — у поворота, подняв руку, стоял милиционер.

Остановив машину, Окамов выглянул из кабины:

— Что, товарищ начальник?

— Предъявите путевочку.

— С удовольствием, товарищ начальник. — Окамов, улыбаясь, протянул путевой лист.

— Опера, говоришь? — возвращая путевку, спросил милиционер.

— Она, товарищ начальник.

— Эк, куда тебя твоя опера гоняет...

— За песнями еду, товарищ начальник! — Окамов подмигнул милиционеру и включил скорость.

Снова грузовик затарахтел по разбитому шоссе. «Нет, нет, это самая обычная проверка», — успокаивал себя Окамов.

Окамов проехал мимо знакомой остановки автобуса. Как и тогда, около столба томились ожидавшие машину люди. Вскоре он остановил грузовик на обочине. Сойдя на землю, он нашел удобное место для съезда с шоссе.

Грузовик осторожно перебрался через размытую канаву и исчез в густых кустах. Поставив машину так, чтобы ее не было видно с шоссе, Окамов отбежал в сторону, быстро выкопал рацию и спрятал ее под сиденье. По толку кабины он протянул провод антенны и через минуту застучал радиотелеграфным ключом.

«Радуйтесь, мистер Барч, — думал Окамов под drobный стук ключа. — “Три икс” в эфире. Я воскрес. Я начи

ную операцию. Следите за эфиром круглые сутки. А теперь я перееду в другое место, ибо осторожность — родная сестра успеха».

Окаемов вывел грузовик на шоссе и, проехав еще километров десять, остановился и снова заработал ключом: «Говорит “три икс”! Начинаю операцию. Срок операции — три-четыре дня. Высылайте за мной транспорт в условленное место. Следите за эфиром круглые сутки!...»

Потом грузовик вернулся в город, пересек его с севера на юг и выехал на другое шоссе. Километрах в двадцати от города он остановился, и опять в эфир полетели позывные «три икс». Затем рация была аккуратно упакована и положена в ящик с инструментами. Грузовик вернулся в город.

Вечером, поставив грузовик в гараж, Окаемов, перед тем как ехать в общежитие, забежал к Аксенчуку, переоделся и оставил у него сверток с рацией.

— Все канаты обрублены... — весело сказал он Аксенчуку. — Квартиру оставил жене, и в этом сверточке — все мое имущество. Пусть она подавится барахлом, которое мы вместе наживали!

Аксенчук стал уговаривать Окаемова пока что поселиться у него. Окаемов не возражал, но сказал, что сегодня он ночует у директора своего института и, кстати, закончит с ним переговоры об устройстве Аксенчука. Все складывается прекрасно — через пару дней они будут работать вместе. А с завтрашнего дня Окаемов бронирует за собой вот этот диван...

В общежитии, только Окаемов лег в постель, к нему подошел странно улыбавшийся Коля Борков.

— Товарищ Гудков, начальник кадров просил вас завтра утром зайти к нему, — сказал он, влившись в Окаевова косым глазом.

Это приглашение Окаемова в отдел кадров имело свою историю. Кудрявцев, который тогда, во время наблюдения

за институтом, не записал номера остановившегося против института грузовика, не мог простить себе этой оплошности и упорно думал, как ее исправить. И вдруг он вспомнил — в кузове грузовика стоял трон, и шофер сказал, что трон этот принадлежит оперному царю. Кудрявцев пошел в гараж театра — да, в тот день машина театра перевозила декорации «Бориса Годунова» после спектакля в Доме культуры. Кудрявцев зашел в отдел кадров театра и узнал фамилию шофера...

Вот только тогда начальник отдела кадров решил поинтересоваться анкетой нового шофера: что он за человек, в конце концов? То он не дает покоя Коле Боркову, а то вот и из госбезопасности спрашивают... Анкета была в полном порядке. Начальник уже хотел было спрятать личное дело, как вдруг, пробегая взглядом по автобиографии, написанной шофером, заметил давно умершее обозначение «КрымАССР». Да, шофер Гудков своей рукой написал, что с сорок девятого по пятьдесят первый год он работал шофером в «Союзтрансе КрымАССР». А Крым в это время автономной республикой уже не был. Начальник отдела кадров разыскал в театре Колю Боркова и попросил его сказать новому шоферу, чтобы тот зашел утром к нему.

3

Потапов продолжал жить в страшном напряжении. Окаемов пропал. Уже столько времени не было и намека на появление его в зоне института Вольского. Потапов часами снова и снова продумывал расстановку сил своей группы: нет ли где незаметной щели, в которую враг может пролезть? Ведь если что-нибудь случится, никто не убедит его в том, что он не виноват, что он, мол, делал все, что мог. Виноват будет он и только он. Ощущение неизмеримой тяжести возможной своей вины Потапов никак не связывал со своей личной судьбой. Что значит он со всей сво-

ей жизнью перед возможностью несчастья? Сердце его холодело при мысли, что вот сейчас, пока он беспомощно думает, враг действует.

Стук в дверь прервал размышления Потапова. В кабинет вошел Кудрявцев:

— Разрешите доложить, товарищ майор. Я узнал номер машины. Помните, той, что останавливалась около института? Это была машина оперного театра. Номер МЭ-64 — 07. Фамилия водителя Гудков. Он вез царский трон из оперы «Борис Годунов».

— Ну и что? — Потапов раздраженно смотрел на Кудрявцева.

— Ничего, товарищ майор. Докладываю...

Царский трон... опера «Борис Годунов» — это уже было похоже на чепуху.

Потапов зашел к полковнику Астангову. И как только открыл дверь его кабинета и увидел его, сразу почувствовал — случилось что-то очень важное. Полковник сидел за стеклом с окаменевшим лицом, держа перед глазами лист бумаги. Он будто не заметил вошедшего Потапова. А увидев его у стола, несколько не удивился и передал Потапову лист бумаги:

— Смотрите.

На листе бумаги тремя аккуратненькими столбиками были записаны пятизначные цифры.

— Понимаете?

— Шифровка?

— Да, Потапов. Наш подшефный появился в эфире. Его рация в течение дня работала три раза с перерывами.

— Запеленговали?

— Да. И он каждый раз работал с другого места. Причем перерыв между второй и третьей работой не так уж велик, а объявился он бог весть где. Вот что: позвоните-ка в ОРУД — ведут они учет выезжающих из города машин?

— Пойдите! — почти крикнул Потапов. — Помните, я докладывал вам о грузовике, который останавливался против института? Сейчас мне сказали, что это была машина оперного театра.

«Царский трон... опера "Борис Годунов", — пронеслось у него в голове.

— Да? Ну что ж, проверьте и этот вариант. А пока звоните в ОРУД. Звоните отсюда...

Дежурный ОРУДа монотонно диктовал Потапову номера машин, прошедших через загородный контроль:

— Быстрее, быстрее, — торопил его Потапов.

И вот Потапов слышит: «МЭ-64—07, оперный театр, северное и южное шоссе...»

— Стоп! Пока довольно. Спасибо. — Потапов бросил трубку и растерянно посмотрел на полковника. — Машина оперного театра была на северном и южном шоссе.

— Так... — Полковник медленно прошелся по комнате, не смотря на Потапова. — Интересно. Ну-ка, позвоните в отдел кадров театра — узнайте, кто водитель машины.

Потапов еще не успел объяснить начальнику отдела кадров, что ему нужно, как тот сам спросил:

— Вас, наверно, интересует наш шофер Гудков?

— Меня интересует водитель вашего грузовика, ездившего по северному и южному шоссе.

— По северному и южному? Не понимаю. У нас в театре только одна грузовая машина.

— Какой номер?

— МЭ-64—07.

— Фамилия водителя?

— Гудков. Сергей Михайлович Гудков.

— Когда взят на работу?

— Недавно. Но вот какое дело: сегодня он не вышел на работу. Из общежития уехал в половине шестого и на работу не явился. Я его на утро вызвал к себе, и он не пришел ни ко мне, ни в гараж.

— Зачем вы его вызывали?

— В его анкете я ошибочку обнаружил. Хотел выяснить.

— Немедленно зайдите к нам с личным делом Гудкова. Немедленно! — Потапов швырнул трубку.

— Спокойнее, Потапов. Что там?

— Он, кажется, опять ушел... Он в городе! — Потапов направился к двери.

— Подождите, Потапов, — спокойно сказал полковник. — Он действительно в городе. Сейчас мы с вами посмотрим интересные фотографии. Помните, вы докладывали мне о сотруднике, уволенном из института Вольского?

— Конечно, помню — Аксенчук.

— Наблюдение за этим Аксенчуком показало, что в воскресенье Аксенчук кутил с неизвестным гражданином. Пьянствовали они в «Гранд-отеле». Платил собутыльник уволенного. После воскресного кутежа этот тип от наблюдения улизнул. Случайность — он на такси отвез пьяного Аксенчука домой, ночевал у него, а утром снова взял такси и поехал к центру города. На перекрестке такси успело проехать перед трамваем, а нашу машину задержал трамвай. Когда трамвай прошел, такси уже умчалось, и наши его не нашли.

В кабинет вошел сотрудник, несший развернутую газету, на которой были разложены еще мокрые фотографии.

Потапов посмотрел на первую фотографию:

— Это он! — шепнул он одними губами. Да, за ресторанным столиком сидел Окаемов, только теперь он был с аккуратненькой бородкой и одет был иначе.

— Не ошибаетесь? — Полковник пристально смотрел на Потапова.

— Нет.

— С бородой?

— Да, он, товарищ полковник!

Полковник Астангов и Потапов смотрели друг другу в глаза, оба тщетно пытаясь скрыть волнение.

— Ну, Потапов, как мы теперь поступим?

— Надо его брать вместе с Аксенчуком и как можно скорее! — мгновенно ответил Потапов.

Полковник долго молчал, потом сказал:

— Нет, Потапов. В этой операции надо опереться на Аксенчука.

— На Аксенчука? — удивился Потапов.

— Он сейчас дома один... — Полковник, точно не слыша Потапова, снял телефонную трубку и набрал номер. — Товарищ Аксенчук?... Здравствуйте, товарищ Аксенчук. С вами говорят из Управления госбезопасности... Да. Полковник Астангов. Не смогли бы вы сейчас же приехать к нам? Нам нужно посоветоваться с вами по поводу одного дела... Хорошо. Возьмите такси. Входите прямо в главный подъезд, пропуск не нужен, я предупрежу охрану... Спасибо. Мы ждем вас. Третий этаж. Комната тридцать. Ждем...

— Теперь скроется и он, — сказал Потапов.

— Наши люди пойдут за ним по пятам... — улыбнулся полковник.

— А трамвай? — насмешливо напомнил Потапов.

— Он сейчас приедет, Потапов. Я уже изучил его личное дело и все продумал. Он приедет!

4

Еще не отойдя от телефона, Аксенчук почему-то сразу подумал, что звонок из госбезопасности связан с его новым другом. Выходя из дому, он больше всего боялся встретиться с ним.

В такси Аксенчук немного успокоился: в конце концов он со своим новым другом ничего плохого не делали — пьянствовали, и всё, а это разве преступление? И уж совсем он успокоился, увидев шагнувшего ему навстречу полковника Астангова, весело, дружески улыбающегося...

— Здравствуйте, Николай Евгеньевич. Извините, ради бога, за беспокойство. Знакомьтесь — это наш сотрудник, товарищ Потапов. Садитесь, пожалуйста. Никого не встретили?

— Нет. — Аксенчук выжидательно смотрел на полковника.

— Мы пригласили вас, Николай Евгеньевич, по очень важному государственному делу. Рассчитываем на вашу помощь.

— Если я смогу, я, конечно... — пробормотал смущенный Аксенчук.

— Вы знаете, Николай Евгеньевич, вот этого человека? — Полковник передал Аксенчуку фотографию Окамова в ресторане.

— Да, знаю. Это снято в субботу в ресторане «Гранд-отель». Вот это — моя спина.

— Расскажите все, что вы знаете об этом человеке. Повторяю: все, что вы скажете, для нас исключительно важно.

— Собственно, я знаю о нем очень мало... — Аксенчук замялся, он действительно почти ничего не знал о своем неожиданном друге. — От него жена недавно ушла. Работает он в каком-то научном институте. Зовут его Виталий Алексеевич.

— Из разговора с ним чувствовалось, что он действительно научный работник? — спросил Потапов.

— Да, он кое-что знает...

— А как вы с ним познакомились? — спросил полковник.

— Меня уволили из института. Настроение было ужасное. Я пошел в «Якорь». Порядком там выпил. И он тоже туда пришел. У него горе свое — жена ушла, у меня — свое. Мы стали пить вместе. Вот так и познакомились.

— В субботу и воскресенье вы с ним пьянствовали? — жестко спросил Потапов. — И еще: кто платил?

— Да, я был с ним. Платил он. Если бы даже у меня были деньги, он не позволил бы мне платить. У него денег много. Он мне и займы дал.

— Почему же это он решил взять вас на свое иждивение? — усмехнулся Потапов.

— Почему — иждивение? Разве не могут люди подружиться и в трудную минуту выручить друг друга?

— Для того чтобы подружиться, минимально нужно знать друг друга. А вы нам не назвали даже фамилии своего друга. Вы ее знаете?

— Нет... — Аксенчук покраснел. — Сам он своей фамилии не называл, а спрашивать было неудобно. Он столько для меня сделал...

— В смысле пьянства? — Потапов еле сдерживал себя.

— Он взялся устроить меня на работу.

— Куда?

— В свой институт.

— Что за институт?

— Кажется, по телевидению...

— Кажется? Ну и ну...

— В моем положении надо устраиваться, куда берут, и не спрашивать.

Полковник Астангов видел, что Потапов злится все больше, и решил вмешаться в разговор:

— А он действительно мог вас устроить?

— Он обещал твердо. Директор института — его приятель. Я ему уже и документы отдал.

— Как — отдали документы? — Потапов даже привстал. — Какие документы?

— Диплом. Трудовую книжку. Заявление. Копию приказа из института.

— С подписью Вольского?

— Да.

Потапов швырнул карандаш на стол, вскочил и начал ходить по комнате, выразительно посматривая на полковника.

— Ну и в каком положении дело сейчас? — поспешил разрядить обстановку полковник.

— Он уже несколько дней ведет переговоры с директором своего института. Должен сегодня-завтра окончательно договориться.

— Когда он должен прийти к вам?

— Сказал, что сегодня будет у меня ночевать. А когда придет — не сказал. Я ведь предложил ему пока жить у меня.

— Так вот, товарищ Аксенчук, — помолчав, сказал полковник Астангов, — вы должны знать всё. Мы вам доверяем и ничего скрывать от вас не намерены: человек, о котором вы нам рассказали, опаснейший враг нашей Родины... Да, да, это так. Враг опасный и хитрый. И он хочет использовать вас в своем преступном замысле. Как это он сделает, пока неизвестно. Но теперь дело уже не в этом. Речь идет о том, что вы можете основательно нам помочь.

— Конечно. Но неужели?.. — Аксенчук смотрел на полковника округлившимися от страха глазами.

— Да, Николай Евгеньевич, мы сказали вам правду... Через час Аксенчук ушел домой.

— А вдруг он?.. — Потапов не договорил.

— Нет, Потапов. Все будет в порядке. — Полковник сердито посмотрел на Потапова. — При всей нашей чекистской подозрительности мы обязаны, Потапов, доверять своим советским людям. Ну почему он обязательно должен стать предателем? В институте он учился неплохо. Всё его преступление пока только в том, что он плохо работал у Вольского, за что и наказан.

— На мой взгляд, это разложившийся тип, которому нет ничего дороже ресторанной пирушки...

— Это верно, Потапов. Но это вопрос воспитания. Виноват в этом и его отец, и виноваты очень многие люди, с которыми он соприкасался, — люди, которые любят болтать о коммунистическом воспитании, но не любят или не умеют по-настоящему им заниматься. А вы задумайтесь на минутку — какой урок на всю жизнь он получает сейчас!

5

В половине одиннадцатого вечера Окаемов подошел к дому, где жил Аксенчук. Он прошел сначала мимо подъезда, потом резко повернул назад — он проверял, нет ли за

ним наблюдения. Улица была тиха и пустынна. Окаемов зашел в подъезд и через минуту выглянул из дверей — все спокойно. Он поднялся по лестнице на самый верхний этаж, а потом уже спустился на второй, где была квартира Аксенчука. Несколько минут он стоял перед дверью, прислушиваясь, а потом нажал кнопку звонка.

От звонка одновременно вздрогнул и Аксенчук, уже несколько часов ожидавший прихода Окаевого, и Потапов, находившийся в соседней квартире, где звонок раздался в стоявшем на столе радиодинамике.

— Приготовиться, — тихо сказал Потапов технику, склонившемуся над чемоданом с магнитофоном.

В динамике отдаленно слышался разговор двух мужчин. Затем их голоса приблизились и стали вполне отчетливыми.

— Включайте, — приказал Потапов.

Диски магнитофона начали медленно вращаться.

...Аксенчук провел Окаевого в столовую:

— Считайте, Виталий Алексеевич, эту комнату своей. Вот тут я вам и постель уже приготовил.

— Спасибо, дорогой. А только я думаю, что нам не следует торопиться в постель. У нас состоится сейчас чудесная мужская беседа. — Окаемов сходил в переднюю и вернулся с бутылкой коньяку. — А вы, мой друг, что-то в скверном настроении?

— Волнуюсь насчет работы. Как там? — Аксенчук смотрел на него с надеждой.

— Все в полном порядке! — раскупоривая бутылку, ответил Окаемов. — Давайте-ка смочим ваше назначение. Итак, мой друг, у всякой истории есть свой конец. И первую рюмку мы опрокинем за счастливый конец нашей истории. Пошла?

— Пошла, — сдавленно произнес Аксенчук и выпил.

— Ну а вторую — за суть дела... — Окаемов наполнил рюмки, встал, прошелся по комнате и остановился за спиной Аксенчука. — Неопровержимое, мой друг, состоит в том, что с вашими документами вы никуда не устроитесь. Ни-ку-да!..

Аксенчук через плечо испуганно и удивленно смотрел на Окаемова.

— Отныне, мой друг, великий Советский Союз в вашем лице получает неизлечимого безработного. Это факт! Вам это ясно?

— Я сам так думал... Но вы сказали...

Окаемов сел рядом и повернул Аксенчука к себе:

— Дальше, мой друг... по вас плачет тюрьма и военная коллегия Верховного суда... Ради бога, перестаньте дрожать и таращить глаза!.. Что вас удивляет? Разве не вы отдали постороннему человеку диплом, трудовую книжку и копию приказа на бланке секретнейшего института? Разве не своей собственной рукой вы написали заявление с просьбой взять вас на работу? На какую работу, позвольте вас спросить? Почему в заявлении это не уточнено? Наконец, тому же постороннему человеку вы рассказали кое-что и о делах вышеупомянутого института...

— Я ничего особенного не рассказывал... Я вообще не понимаю, что вы говорите...

— Ах, не понимаете? А то, что вы должны мне почти десять тысяч рублей, это вы понимаете?

— Виталий Алексеевич, перестаньте шутить! Вы же сами предложили... в долг. Я могу эти деньги сейчас же вернуть...

— Хорошо, мой друг. Шутки в сторону. Слушайте меня внимательно. Сейчас вы услышите самое главное. С вами сейчас разговаривает посланец могущественной державы. Если хотите яснее — разведчик...

Искусно изобразив ужас, Аксенчук отшатнулся от Окаемова, пытаясь встать. Резким движением Окаемов прижал его к стулу.

— Спокойно, мой друг. Давайте говорить, как положено мужчинам, — спокойно и мужественно. Я не подлец и не разбойник с большой дороги. Я тайно представляю здесь державу не только могущественную, но и благородную. Вот почему военной коллегии не удастся отправить вас на рас-

стрел. И вы не станете вечным безработным. Вы вместе со мной уедете далеко-далеко от всех этих неприятностей. Вы уедете туда, где ваша услуга моей державе будет оценена по достоинству, а это означает, что вы будете жить там прекрасно. Ну что вы на это скажете, мой друг?

— Я не верю... я... — Аксенчук дрожал, как от озноба. — Я все думаю, что вы шутите...

— Шутки давно оставлены! — с мрачной усмешкой сказал Окаемов. — Знаете, когда мы будем с вами шутить? Когда минуем рубежи вашей страны. Решайте. Или вы со мной, и это для вас означает жизнь со всеми ее радостями... Или... — Окаемов не договорил, упершись в глаза Аксенчуку ледяным злобным взглядом. — Конечно, я сам марать руки не стану. Это за меня охотно сделают ваши товарищи чекисты. Я им только помогу немного... Ну! Решайте!

Аксенчук долго не отвечал, погруженный в тяжкое раздумье.

— Я с вами, — сказал он наконец.

— Молодец! — Окаемов порывисто обнял Аксенчука за плечи. — Вы не представляете, что я пережил, пока вы думали! Видите? У меня пот на лбу выступил. Ну, теперь мы друзья на всю нашу жизнь! — Он дрожащей рукой налил коньяк в рюмки. — За успех нашего дела и нашего путешествия! За нового гражданина моей великой державы!

Они выпили. Аксенчук спросил:

— Когда мы уедем? И как? Это же так трудно! Граница...

— Мы уедем завтра ночью. На морском побережье нас возьмут на борт подводной лодки. И прощай, советская земля!..

— И вы... не бросите меня?

Окаемов встал:

— Послушайте, мой друг: не верьте тому, что о нас плетут крикуны. Через несколько дней вы сами убедитесь, какая это ложь. О вас уже сообщено, и мне просто приказано взять вас с собой. Мы люди слова и дела. И мы уме-

ем работать. И мы ненавидим вашу страну. И прежде чем покинуть ее, мы с вами очень громко хлопнем дверью. Хлопнем, мой друг?

— Можно, конечно. Но как?

— А так, например, чтобы от всего вашего института вместе с Вольским осталась одна каменная пыль. Неплохо? И мы сделаем это как дважды два — четыре.

— Как? — Это «как» у Аксенчука не получилось — оно прозвучало весьма неестественно.

Окаемов пристально посмотрел на него и сказал:

— В вашей записной книжке есть три телефонных номера Вольского. Среди них есть квартирный?

— Да. Три семнадцать ноль один.

— Вы сейчас позвоните по этому телефону.

— Уже поздно. Он не станет разговаривать.

Окаемов поднял руку:

— Прекратите дискуссию! Надо действовать, а не болтать! Вы позвоните ему и скажете, что устраиваетесь на работу. Он же обещал вам поддержку? Извинитесь за поздний звонок, скажите: речь идет о вашей жизни и смерти. Умоляйте его, чтобы он принял вас завтра на пять минут. Мол, в связи с вашим устройством возникли такие обстоятельства, которые вы можете объяснить ему только лично. Умоляйте! Если нужно, пустите слезу... Звоните! — Окаемов показал на телефон.

Аксенчук подошел к телефону и снял трубку. Окаемов стал за его спиной.

Разговор с Вольским Аксенчук провел очень искусно. Профессор остановил его причитания и сказал:

— Хорошо, товарищ Аксенчук, можете прийти ко мне завтра в два часа сорок минут...

Аксенчук положил трубку и оглянулся на Окаевова:

— Завтра в два сорок...

— О'кей, мой друг! — Окаемов снова утирал со лба пот. — Считайте свой подвиг уже совершенным. Где мой сверток?

— В моей комнате в шкафу, где вы положили его.

— Тащите его сюда!..

— Погасите свет! — распаковывая сверток, тихо приказал Окаемов и включил рацию. В полумраке комнаты затеплились багровые светильнички радиоламп. — Сядьте, мой друг, и молчите. Я сейчас доложу обо всем начальству и уточню, когда приходит за нами подводная лодка...

Несколько минут Окаемов сидел неподвижно, в уме составляя текст радиোগраммы, а потом быстро застучал ключом:

«Работает “три икс”... “три икс”... Операцию выполняю завтра по всем трем пунктам. Чертежи уже у меня. Подтвердите сейчас же время прихода за мной транспорта. Перехожу на прием...»

Окаемов переключил рацию и надел наушники. Аксенчук видел его напряженное лицо, чуть освещенное зыбким светом радиоламп. В эту минуту Окаемов словно видел, как Барч и начальник Центра читают его радиограмму. Вот они прочитали фразу о чертежах и переглянулись. Барч сказал: «Видите, я был прав, настояв на заблаговременной отправке лодки в тот район». Окаемов улыбнулся: «Я же отлично понимал, мистеры начальники, что моя диверсия для вас дороже сотни таких, как я. И когда я все сделаю, вы охотно мной пожертвуете. Но чертежи вам очень нужны, очень! Правда, я потом вас несколько разочарую, сообщив уже лично, что чертежи погибли, скажем, вместе с Аксенчуком, допустившим непростительную оплошность. Но дело будет сделано, и я буду стоять перед вами. И вам ничего не останется, как сказать мне спасибо...»

Окаемов вздрогнул и прижал рукой наушники — ему отвечали:

«Желаю успеха. Транспорт с двух часов ночи завтра в условленном месте. Барч».

Сорвав с головы наушники, Окаемов вскочил:

— Полный свет и налить рюмки! Дорогой Аксенчук! Мне и вам желают успеха. Нам предоставлен двухмесячный отдых. Это и есть моя страна! За нее! — Они выпили. — А теперь, мой друг, спать! Спать! Завтра у нас не легкий денек!

— А все же, что мне надо завтра сделать? — тревожно спросил Аксенчук.

— Не волнуйтесь, мой друг. Сущую чепуху! Вам не придется ни стрелять, ни бросать бомбы, ни подливать яд. Сейчас мы ложимся спать. На рассвете я уйду. Вы знаете кафе на бульваре, наискосок от института?

— Знаю.

— Ровно в час тридцать вам надо прийти туда. Я буду вас ждать.

— И всё?

— Всё. — Окаемов захохотал. — Все, дорогой, делается очень просто в наш век атома. Да, все свои документы, вплоть до паспорта, ликвидируйте. Ваш диплом у меня, и там только этот документ вам понадобится, чтобы получить достойную вас работу. Давайте последнюю рюмку выпьем за храбрость мужчин! И держу пари, что там, далеко отсюда, вы еще не раз поднимете бокал за нашу с вами дружбу!

— Я за это хочу выпить уже сейчас. И за наш успех!

— Молодец! Аминь!..

Глава седьмая

1

— Ну, Потапов, что вы теперь скажете об Аксенчуке? — воскликнул полковник Астангов, когда была прослушана магнитофонная запись. — Какой молодец, а? Вы думаете, ему легко было провести такую беседу?

— Не думаю...

— И он после этой истории всю свою жизнь по-другому увидит.

— Вы генералу докладывали? — уклоняясь от этого разговора, спросил Потапов.

— Да. Решено Окамова брать в последнюю минуту. Так сказать, с максимумом улик. Совершенно ясно, что в час тридцать он передаст Аксенчуку мину и прикажет положить ее в институте. Совершенно ясно также, что механизм взрыва будет установлен на такой срок, чтобы мина сработала, когда Аксенчук будет еще в институте. Аксенчук нужен ему и его начальству, как прошлогодний снег. И вот этот узелок со сроком взрыва нам надо развязать. Ведь он может поставить взрыватель и с таким расчетом, что взрыв произойдет в следующую минуту после того, как Аксенчук появится в институте. Об этом нам предстоит крепко подумать.

— А что, если мы возьмем его там, в кафе? — предложил Потапов.

— А разве он, будучи взятым, не будет доволен, если на mine подорвемся и мы и он? Механизм-то он установит с утра, в кафе он этим заниматься не станет. А нашу просьбу разрядить мину он может не выполнить.

— Но это сможет сделать наш инженер.

— Рискованно, Потапов. У инженера будет слишком мало времени, а мина может оказаться с новым секретом.

— Но у инженера окажется времени еще меньше, когда Аксенчук внесет мину в институт?

— Так в этом, Потапов, узелок и состоит. Мы должны продумать, как получить дополнительное время на обезвреживание мины...

Вскоре в кабинете полковника Астангова собралась почти вся оперативная группа Потапова. Все старались держаться спокойно, но возбужденный блеск глаз выдавал большое волнение, переживаемое этими людьми.

— ...Из квартиры Аксенчука он вышел без четверти пять утра, — продолжал докладывать Потапов. — Вот снимок, как он выходит из дому.

Полковник Астангов взял фотографию:

— Наглец! Он совершенно спокоен! — Полковник брезгливо бросил снимок на стол. — Дальше...

— Пешком и совершенно не прячась, он дошел до пригородного вокзала и сел на первую электричку. Сошел на дачной станции «Академический поселок». Мы уже испугались — не изменил ли он решение и не собрался ли атаковать дачу Вольского? Но он пошел в лес и провел там почти два часа. Работал над миной. Вот снимок, сделанный при помощи телеобъектива. Потом...

— Подождите... — перебил Потапова полковник. — Инженер Короленко, возьмите этот снимок. Посмотрите, что за мина у него? Может, вам уже знакомая?... Продолжайте, Потапов.

— Затем он вернулся на станцию. Час пробыл в буфете. Солидно позавтракал. Вот снимки... Позавтракав, он вернулся в город и пошел в кино на дневной сеанс. Сейчас он второй раз смотрит «Ушакова»... Наблюдение за ним продолжается.

— Прекрасно. Когда последний раз говорили с флотским начальством?

— Полчаса назад. Подводная лодка в погруженном состоянии продолжает курсировать в нейтральных водах. Изредка ложится на грунт.

— Прекрасно. Пусть отдыхает, ей тоже предстоят крупные неприятности... — Полковник Астангов обратился к инженеру Короленко. — Ну, как? Знакомая вам штука?

— Вроде нет, товарищ полковник. — Круглое, как луна, доброе лицо инженера залилось краской, как у школьника, пойманного на незнании урока. — В руках бы ее поддержать...

— Придет время — подержите... — рассеянно сказал полковник и замолчал, что-то обдумывая.

— У меня есть предложение, — сказал Потапов. — Аксенчук приходит в кафе в час тридцать. Он приходит, когда в кармане Окамова лежит мина с уже поставленным сро-

ком взрыва. Скажем, этот срок — два сорок, то есть время приема Аксенчука Вольским...

— Ну-ну... — подгонял Потапова полковник.

— Так вот... Аксенчук приходит в кафе и сообщает Окаемову неприятную новость — Вольский перенес время приема: он должен быть у него без четверти два.

— Так-так... дальше...

— Перезарядить мину Окаемов уже не может, и мы выигрываем верных тридцать минут для обработки мины. Даже в случае, если инженер Короленко, находясь в институте и получив от Аксенчука мину, увидит, что загадка ему не по силам, у него будет время отвезти мину в безопасное для взрыва место.

— Что ж, Потапов, это выход! Сейчас же звоните Аксенчуку!

2

Окаемов действительно был совершенно спокоен. Он прекрасно знал это уже не раз пережитое им состояние непоколебимой уверенности в успехе, которое наступало в решающие часы операции. Все, что должно произойти, жило в нем точнейшим расчетом действий, которые совершались уже как бы помимо его воли и когда его мозг и нервы были свободны.

Он сидел в летнем кафе, с любопытством разглядывая окружающий его мир. Вот он посмотрел, как на полу кафе шевелятся солнечные блики, пробившиеся через листву деревьев. Потом с улыбкой наблюдал, как две школьницы, поставив потрепанные портфельчики к ножкам стола, сосредоточенно поглощали мороженое: съели по порции, переглянулись и заказали по второй. По песчаной дорожке возле веранды кафе важно разгуливали голуби. Он покрошил им печенья и смотрел, как они будто испуганно клевали каждую крошку. В углу кафе с очень серьезными лицами о чем-то сплетничали официантки. Белые наколочки

на волосах делали их похожими на ромашки. На скамеечке перед кафе, уронив газету, дремал старичок, его соломенная шляпа сбилась набок, и оттого он выглядел лихим гулякой. А дальше, с рогаткой в руках, притаился мальчуган — он выслеживал на дереве воробьев...

Окаемов, наблюдая все это, вдруг подумал: что тут будет твориться, когда взрыв вскинет в воздух видневшуюся вдали каменную громаду института. Что станет с этими девчонками? Как шарахнутся голуби? Как скатится со скамейки спящий старичок... Окаемов тихо засмеялся и в это время увидел спешащего к кафе Аксенчука. «Ну, милейший Аксенчук, запоминайте эти минуты, они в вашей жизни последние!»

Аксенчук, не здороваясь, подсел к Окаемому.

— Беда, — сказал он тихо, — Вольский перенес прием.

Окаемов побледнел, лицо его перекопилось от бешенства:

— Что-что?

— Перенес, и всё. Сам позвонил. Нужно идти сейчас. Он ждет меня без четверти два.

Окаемов быстро пересчитал время и успокоился.

— Ну что ж, без четверти два так без четверти два... — Он замолчал, обдумывая, как бы, не вызвав подозрения у Аксенчука, сказать ему, чтобы он любыми способами задержался в институте подольше — словом, до взрыва. — Слушайте, дорогой друг. Говорите с Вольским неторопливо, иначе он может почувствовать недоброе. Сперва расскажите ему, какие мытарства вы пережили, пока нашли работу. Наворотите ему короб переживаний. Затем... затем попросите у него совета — как вам, молодому ученому, найти правильный путь жизни в науке. Эти ученые светила страсть как любят поучать молодежь. Затем — старая просьба о поддержке. В общем, у меня все так рассчитано, что вы должны расстаться с Вольским не раньше, как в два часа сорок пять минут. Ясно?

— Ясно. А если он не поддержит разговор и все произойдет быстрее?

— Ну что ж, не выйдет так не выйдет. Немножко нарушится мой план. Но все остальное неизменно. Знаете вон ту стоянку такси возле булочной?

— Знаю.

— Выйдя из института, быстро — туда. Я буду там ждать вас уже в машине. Понятно?

— Понятно.

— Не волнуетесь?

— Нисколько. Сам удивляюсь.

— Вы — настоящий мужчина. Теперь так... — Окаемов вынул из кармана плоский предмет, похожий на детскую палитру акварельных красок. — Это надо незаметно оставить там... Бросьте в урну для мусора. Или забудьте в гардеробе. Можно уронить уже в тамбуре парадного подъезда, когда будете уходить. В общем, это должно остаться.

— Понимаю...

— Ну, вперед, мой друг! Идите! — Окаемов подтолкнул Аксенчука, и тот быстро пошел через бульвар к институту. Окаемов смотрел ему в спину и непроизвольно считал его шаги: «...Шестнадцать... девятнадцать... тридцать...» Вот он перешел улицу и исчез в подъезде института.

Окаемов позвал официантку, расплатился и медленно направился к стоянке такси.

В тамбуре института Аксенчука встретил инженер Короленко.

— Скорее давайте! — шепнул он и, взяв мину, здесь же в тамбуре вскрыл ее и, вставив в глаз лупу часовщика, начал рассматривать механизм взрывателя.

— Так, так... — шептал он, и лоб его в это время покрывался испариной. — Контакт химический... новинка не очень новая... Так, так... Где же входной канал? Вот он, любезный!.. — Короленко сделал что-то в mine и, приоткрыв дверь в вестибюль, крикнул: — Порядок!

Короленко и Аксенчук прошли в вестибюль. Полковник Астангов пожал руку Аксенчуку:

— Все идет прекрасно, Николай Евгеньевич!.. Короленко, спасибо вам!..

Окаемов, соблюдая все правила уличного движения, кругом обошел перекресток и подошел к такси. За ним из ворот дома, чуть подальше стоянки машин, наблюдал Потапов.

Окаемов сел в такси рядом с шофером:

— По западному шоссе!

— Далеко ли? — спросил шофер. — У меня бензина маловато.

Окаемов выругался, вылез из машины и подошел к следующей:

— А у вас бензин есть?

— Полный бак! — весело ответил шофер. — До того света хватит! Садитесь!

Вырулив со стоянки, машина помчалась в сторону западного шоссе.

И тотчас же из глубины двора в туннель ворот, где стоял Потапов, въехала «победа», в нее вскочил Потапов:

— Быстро! Вон за тем такси!

В это время из других ворот выехали еще две машины, пристроившиеся вслед за потаповской...

Такси вырвалось на простор шоссе, и вот только здесь Окаемов обнаружил погоню. Он поверил в это не сразу.

— Прибавь скорости, — спокойно сказал он шоферу.

— Это можно, шоссе мировое!..

Окаемов через заднее окно видел, что три «победы» отстали, и вскоре их скрыл поворот шоссе. Прошла минута, другая, и вот из-за поворота вылетели все три «победы», они неумолимо приближались.

— Скорость! — хрипло крикнул Окаемов.

— Даю на всю железку, — хмуро отозвался шофер, который уже сообразил, что происходит что-то неладное.

Впереди виднелся лес. Этот лес был теперь для Окамова единственным шансом спасения. Домчаться до лесу и скрыться в нем...

— Прибавляй скорость! — бешено прохрипел он и, выхватив из кармана пистолет, прижал его к боку шофера. — Скорость или... я сам поведу! Скорость!

Шофер прибавил скорость, стрелка спидометра переползла через цифру «90».

Сжав руль побелевшими от напряжения руками, шофер пристально смотрел вперед. Если бы Окаемов в эту минуту посмотрел в его глаза, он увидел бы в них такое, что не позволило бы ему медлить с выстрелом.

Стремительно приближался поворот шоссе, и там оно входило в лес. Поворот ближе, ближе и... вдруг точно у машины отказал руль — она не сделала поворота, диким прыжком перелетела через глубокий кювет, перевернулась вверх колесами, ударилась о дерево, еще раз перевернулась и легла на бок...

Когда Потапов и три его сотрудника подбежали к такси, его запрокинутые колеса еще вертелись. Потапов заглянул в разбитое боковое стекло — Окаемов лежал, навалившись на шофера, оба были без сознания.

— Быстро вскрывайте дверь! — приказал Потапов.

Но не так-то просто было открыть перекошенные от ударов дверцы — на это ушло минут пять. Потапов не сводил глаз с Окаимова, тот лежал неподвижно. Наконец дверцу открыли, вытащили из машины Окаимова и шофера и положили их на траву. Один из сотрудников приник к груди Окаимова.

— Что? — тихо спросил Потапов.

— Жив... Вероятно, сотрясение...

Первым пришел в сознание шофер. Он приподнялся, увидел чекистов, улыбнулся и снова упал навзничь.

К месту аварии, визжа тормозами, подлетела санитарная машина. Врач с санитаром подбежали к пострадавшим.

— Шприц... ампулу... бинты... — тихо приказывал врач.

И санитар, как фокусник, молниеносно доставал из сумки то, что требовалось...

Окаемов шевельнул рукой, приоткрыл глаза, и его взгляд встретился со взглядом Потапова. Окаемов закрыл глаза.

Шофер в это время уже сидел, прислонившись к дереву, и одурело смотрел по сторонам.

— Ну и петрушка, — сказал он.

И все засмеялись. Только Потапов продолжал напряженно смотреть в закрытые глаза Окаимова.

Окаемов в эту минуту был уже в полном сознании, но симулировал продолжение обморока, думал выиграть на этом время.

— Он в сознании, — шепнул Потапову врач.

— Я вижу, — громко сказал Потапов — Ну, Окаемов, хватит! Все равно ничего нового вы уже не придумаете!

Окаемов сделал резкое движение рукой к воротнику рубашки, где была защита ампула с ядом. Потапов вовремя перехватил его руку:

— Не надо, Окаемов, — вам вредно делать лишние движения. Лежите спокойно или бросьте валять дурака, вставайте и едем в город. Мы же с вами взрослые люди и понимаем друг друга отлично. Игра окончена!..

Окаемов приподнялся. Санитар хотел ему помочь, но он оттолкнул его и медленно встал сам.

3

На городском кладбище было так тихо, что слышно было, как с ветвистого клена падали багровые, лапчатые листья. Уже по-осеннему холодноватое солнце, пробившись сквозь поредевшую листву, разбросало вокруг золотистые пятна и строгим бликом отразилось в полированном мраморе могильной плиты, на которой было высечено:

ГОНЧАРОВ

Павел Васильевич

Погиб при исполнении служебных обязанностей

У могилы с давно увядшими цветами венков, на неудобной, низенькой скамеечке, сидели полковник Астангов и майор Потапов. Они пришли сюда больше часа назад и все время сидят вот так, не разговаривая, но, видно, думая об одном и том же и потому не чувствуя своего молчания.

Изредка Астангов посматривал на Потапова, видел его сдвинутые брови, упрямо сжатые губы и устремленные в одну точку прищуренные глаза...

На аллее послышался шорох листьев под ногами торопливо шагавшего человека. Астангов оглянулся — по аллее шел человек в военной форме. Не замедляя шага, он всматривался по сторонам.

— Боюсь, Потапов, что это разыскивают нас, — вставая, тихо сказал Астангов.

— Да... пора... — так же тихо отозвался Потапов и тоже встал.

Полковник не ошибся — человек в военной форме искал их: начальник управления требовал срочно явиться к нему.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТВЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ	3
Часть первая	5
Часть вторая	144
 ОПАСНЫЙ МАРШРУТ	 203
Глава первая	205
Глава вторая	228
Глава третья	250
Глава четвертая	268
Глава пятая	295
Глава шестая	315
Глава седьмая	340

Литературно-художественное издание
Военные приключения

Ардаматский Василий Иванович

ОТВЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *Д.С. Федотов*
Художник *Ю.М. Юров*
Корректор *Г.Г. Свирь*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 04.12.2007. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Кудряшов». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 11. Тираж 5000 экз. Заказ № 1379.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати».
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.

Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47

Интернет/ Home page: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».

Тел.: (495) 188-66-03.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «Вече» вы можете приобрести
в издательстве и в наших филиалах по адресам:

ООО «Вече-НН»:

г. Нижний Новгород,

ул. Нижнепечорская, д. 2, литера А., помещение 3.

Тел.: (8312) 96-23-88

E-mail: vechenn@pochta.ru

ОАО «Новосибирсккнига»:

г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, д. 1.

Тел.: (3832) 10-24-95.

E-mail: sales@nkniga.ru

ООО «Вече-Казань»:

г. Казань, 7-я Кадишевская ул., д. 9Б.

Тел./факс: (843) 525-56-15.

E-mail: veche-kaz@nm.ru

ООО «Издательство «Арий»:

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (38-044) 537-29-20, (38-044) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»
в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,

ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Новый книжный».

Книги издательства «Вече» в Интернете
Интернет-магазин «Лабиринт»: <http://labirint-shop.ru/>

Scan Kreyder - 20.11.2015
STERLITAMAK

Военные Приключения

Произведения, включенные в эту книгу, давно вошли в золотой фонд отечественной военно-приключенческой литературы. Героям «Ответной операции» — разведчикам и работникам ОГПУ — приходится немало потрудиться, чтобы очистить возрождающийся Берлин от остатков нацистской агентуры. А «Опасный маршрут» рассказывает о жестком противостоянии сотрудников госбезопасности коварным проискам агентов западных спецслужб, пытающихся помешать мирной жизни страны, разгромившей фашизм.

НЕКОНДИЦИЯ

Ответа

ISBN 978-5-353-25920-0



9 785353 325920

